

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**АВГУСТ
2005**

ТАМУЗ

5765

N 8 (160)

ВРЕМЯ НАРУШИТЬ СУББОТУ!

אֲשֶׁר לֹא יִשְׁכַּח אֶת הַשַּׁבָּת וְלֹא יִשְׁכַּח אֶת הַשַּׁבָּת וְלֹא יִשְׁכַּח אֶת הַשַּׁבָּת

На сей раз вместо хасидского предания – анекдот на актуальную тему. В ООН выступает глава израильской делегации: «Много лет тому назад царь Давид решил искупаться в Тивериадском озере. Когда он наплавался и вышел на берег, то не нашел своей одежды. Оказалось, ее украли арабы...» Тотчас на весь зал разносятся негодующие возгласы представителей арабских стран: «Ложь, клевета!!!» Израильский делегат: «Докажите!» Арабские дипломаты, хором: «В то время там еще не было арабов!!!» Израильский представитель: «Именно это я и хотел доказать...»

В конце июня я был в Израиле, и многие люди меня спрашивали: как вам удалось так быстро решить дело с требованиями антисемитов запретить издание в России «Кицур Шулхан Оруха»? С попытками устроить судилище над его издателями? Я говорил им в ответ: «Да не всё ли равно – как? Главное – результат, а результат налицо». А они на это: «Нет, мы хотим знать, как именно сумели вы убедить власти в своей правоте! Нам это важно: нам самим сейчас нужно спешно доказать своему премьер-министру, что он неправ и должен отказаться от депортации евреев из Газы и Северной Самарии...»

Читатели, вероятно, успели заметить, что я обычно избегаю политических дискуссий и, по возможности, вообще стараюсь не размышлять о действиях политиков: Б-г им судья. Но вопрос о депортации евреев, о передаче их земли и имущества палестинцам достиг в Израиле такого накала, что поставил наш народ на грань раскола. А ведь в Талмуде прямо сказано, что из-за ссоры, из-за раскола пали оба Храма! Так что в данном случае речь идет не только и не столько о политике, сколько о нашем народе, о нашей вере, о выполнении нами заповедей Б-жьих...

Очень тяжело говорить сейчас с поселенцами в Газе и Самарии. Эти люди добровольно отправились в самые опасные края, рискуя собственными жизнями, жизнями детей. Даже те, кто поддерживает планы депортации, признают, что поселения создавались по призыву государства. Однако государство никогда не говорило: «Создавайте поселения, но знайте: это дело временное – рано или поздно вам придется отсюда уйти». Всё обстояло как раз наоборот: поселенцам было твердо заявлено, что они должны осваивать землю Страны Израиля, служа тем самым своему народу и выполняя миссию на века!

Поселенцы, понятно, обзаводились хозяйством, строили дома... А когда человек строит дом – это навсегда: дом – залог прочности бытия, крепости семьи. Дом – показатель определенного статуса. Талмуд дает по сему поводу предельно жесткую формулировку: «Тот, у кого нет дома, – не человек». Говоря современным языком – без дома ты божь. Так что для поселенцев кров – не просто четыре стены; это основа жизни. Вполне естественно, теперь они чувствуют себя обманутыми. Особенно их потрясло то, что с планом депортации выступил Ариэль Шарон, политик, которого и выбрали именно потому, что он публично обещал народу не отступать, не отдавать ни единой пяди Страны Израиля.

Можно утверждать, что политики повели себя нечестно. Можно напоминать, что в Торе сказано: Сам Б-г отдал Страну Израиля народу Израиля. Вполне возможно, что в дискуссии о происхождении страны, наверное, вообще не следует вдаваться в политику. Достаточно указать сомневающимся то место в Святых книгах – кстати, общих и для нас, и для христиан, где черным по белому написано, что эта земля дана евреям Б-гом, и ни один человек, верующий в единого Г-спода, не вправе отменять Его волю.

Но, даже встав на путь чистого прагматизма – того, что сейчас называют «реал-политикой», мы всё равно будем вынуждены решать трудный вопрос об оправданности принятых политиками решений. Нас пытаются убедить, что односторонние уступки палестинцам: передача им территории поселений, освобождение террористов из тюрем, «зеленый свет» для вооружения их военизированных формирований – всё это, дескать, будет способствовать большей безопасности евреев. Так ли это? Разве Хамас больше не стремится уничтожить еврейское государство? Разве «Бригады мучеников Аль-Аксы» готовы сложить оружие? Разве палестинцы вообще отказались от террора и осудили его?!

Ничего подобного, к сожалению, не произошло. А если наши враги по-прежнему рвутся уничтожить нас, пусть даже это всего лишь подозрение (хотя и вполне оправданное), зачем же предоставлять им такую возможность?

Напомню: 12 лет назад мы уже передали им контроль над Иудеей, Самарией и Газой, позволили вооружиться. Чем это кончилось, знают все.

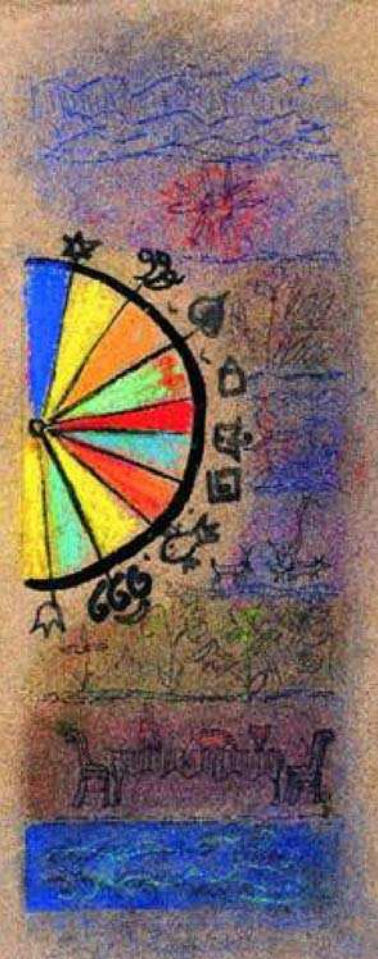
И это не вопрос политики, это вопрос физического выживания, вопрос защиты людей – а значит, в первую очередь вопрос религиозный! Потому что, по законам нашей веры, нет ничего более святого на Земле, чем человеческая жизнь. «Забота о спасении души превыше соблюдения субботы», – учат еврейские мудрецы.

Вот как трактует эту тему «Шулхан Орух» в разделе «Законы субботы»: «Если пришли чужаки в города Израиля по делам торговым, нельзя нарушать из-за этого субботу. Но если пришли они с целью губительной для людей – или даже без определенной цели, но чувствуется, что цель их может оказаться губительной... – надо дать им вооруженный отпор, даже если это сопряжено с нарушением субботы. И даже если в некоем пограничном городе они будут утверждать, что всего-то им надо купить сена и соломы, надо дать им отпор, даже нарушая субботу, ибо, если они захватят этот город, в дальнейшем им будет легче захватить всю страну».

Перечитайте еще раз эти слова – они прямо про нынешний день сказаны! Все последние десятилетия палестинцы пытались уничтожить евреев или, по крайней мере, настолько ослабить и подавить, чтобы добиться от них односторонних уступок. Если сейчас план депортации будет претворен в жизнь – это станет решающим доказательством того, что террор оправдывает себя, что путем террора можно добиваться политических целей, можно заставить евреев отступать. Было же предсказано четыре с половиной века назад: «...если они захватят этот город, им будет легче захватить всю страну»...

Мы должны молить Всевышнего, чтобы дух Его вошел в умы и сердца тех, кто сегодня говорит об уступках. Они должны понять, эти люди, что, лишь следуя путем Торы, смогут выжить и еврейское государство, и сам народ наш.

Áëááí úé ðàáàéí Ðíññè Ááðè Èáçàð

УЧЕНИЕ РЕБЕ ОБ УЧЕНИИ

ÀÁÀÕÑÒÌ ÂÑÈÈÁ Ì ÎÑÈÁÌ ÈВ ÈР ÀÁÀÈ×ÑÈÌÁÌ ÐÁÁÁ

Àðüü Ñàëüì ìì

ÑÈÈВÌ ÈÁ Ì ÐÌ ÒÈÁÌ Ì ÎÈÌ ÈÌ ÌÑÒÀÈ

Хасидизм исходит из того, что во всех жизненных коллизиях для нас скрыт урок, и, если мы сможем правильно его понять, мы сделаем еще шаг к тому, чтобы наше служение Б-гу исполнилось новой глубины. Суть служения Создателю раскрывается через деяния в земном мире: в каждом нашем поступке содержится зерно, ведущее к пониманию нашего истинного призвания.

Поясняя это, Ребе разбирает разницу между установлением Субботы и определением дня новолуния. По Ребе, разница в порядке определения Субботы и новолуния указывает на то, что Тора и Алоха допускают возможность сочетания, с одной стороны, соблюдения неизменных стандартов духовности, с другой стороны, стремления к обновлению и разнообразию духовной жизни.

Ребе напоминает: Суббота сущностно связана с самим природным порядком Творения, который характеризуется тем, что ему поставлены пределы. В Торе сказано: «Суббота – вечный знак союза между Мною и сынами Израиля, напоминание о том, что шесть дней творил Б-г небо и землю, а в седьмой день – прекратил и пребывал в покое» (Шмойс, 31:17). Здесь указывается, что Суббота, день отдыха Творца, – это истинное завершение шести дней Б-жественных трудов. Ребе цитирует хасидские труды, описывающие «семь Б-жественных атрибутов и семь способностей, а также семь дней устройства». Эти семь атрибутов духовно предшествуют семи дням Творения, которые являются производными от них. Суббота включена в семь дней устройства как заключительная и высшая ступень этого развертывания.

Раши, комментируя стих «И завершил Всесильный в седьмой день дело Свое, которое Он созидал, и почил в день седьмой от всего произведения Своего, которое Он созидал» (Брейшис, 2:2), писал: «Рабби Шимон говорит: “Человек <буквально: плоть и кровь>, не знающий времен своих и мгновений своих, обязан прибавить от буднего к святому <к дню субботнему>. <Однако> Святой, благословен Он, знающий времена Свои и мгновения Свои, вошел в него <в седьмой день> с точностью величайшей <буквально: на волосок>, и казалось, будто Он завершил <Свой труд> в этот день”. Другое объяснение: чего недоставало миру? Покоя. Настала суббота – настал покой; труд был закончен и завершен <седьмым днем>». Раши подчеркивает: с наступлением Субботы творение достигло состояния гармонии и совершенства, – Суббота внесла свой вклад в процесс творения. И если сотворенное можно было охарактеризовать такими качествами, как плотность, стабильность и предопределенность, Суббота привносит еще два качества – сгущенность и постоянство.

Ребе указывает на трактовку Субботы в Алохе: в отсутствие календаря странник в пустыне должен отсчитать шесть дней и на седьмой день справить Шабос, чтобы, как писал Раши, «не нарушать заповеданного Торой правила блюсти Субботу».

Если еврейские праздники и день новолуния устанавливаются решением земного суда бейс дин, или Сангедрина, то сакральный статус Субботы изначален и не зависит от решения какой-либо земной инстанции. Это само по себе является указанием на то, что Субботе присущи такие качества, как предсказуемость и постоянство.

Луна же символизирует самообновление. В иврите слово «хойдеш» («месяц») имеет тот же корень, что и слово «хидуш» («обновление», «новизна»). Сам лунный цикл, с его постоянным возрождением, служит символом самообновления.

עֲנֵהוּ יְאֹקֵב עַל עֲשֵׂי נֹדָבֵי עֲאִי עַל אֵלֹהֵי עֲסֵדֵי אֲוֹוֹ יִיְיָ אֵלֹהֵי עֲוֵי עֵי יִיְוֵי עֵי עֵי

Ребе подробно разбирает эпизод пророчества Яакова. Тора сообщает: перед кончиной «призвал Яаков сыновей своих, и сказал: “Соберитесь, и я сообщу вам, что случится с вами в грядущие времена”» (Брейшис, 49:1). В этих словах патриарха содержится обещание поведать о судьбах народа Израиля до скончания времен – однако «обещание» остается нереализованным. Это не раз отмечалось комментаторами. В частности, Раши, отгаливаясь от пояснений, данных в Брейшис Раба (98:2), пишет: «Он <Яаков> желал раскрыть конец <срок конечного избавления>, но Шхина устранилась от него, и он стал говорить другое».

Ребе задается вопросом, почему же намерение Яакова осталось нереализованным. Необходимо принять во внимание, что грядущему искуплению назначено было свершиться лишь по прошествии нескольких тысячелетий. Весть об этом не могла не посеять уныния в сердца сыновей Яакова, стоявших у ложа умирающего отца. Именно в этом рабби Шмуэл-Эфраим бен Аарон, автор комментария «Кли Якар», видел причину, почему Б-жественное Присутствие покинуло Яакова в момент пророчества. Брейшис Раба говорит: у Яакова в тот момент было отнято знание грядущего, – тогда как в комментарии «Иефас Тоар» поясняется: Яаков прозревал и ведал грядущее, однако на него был наложен запрет передать открывшееся ему сыновьям.

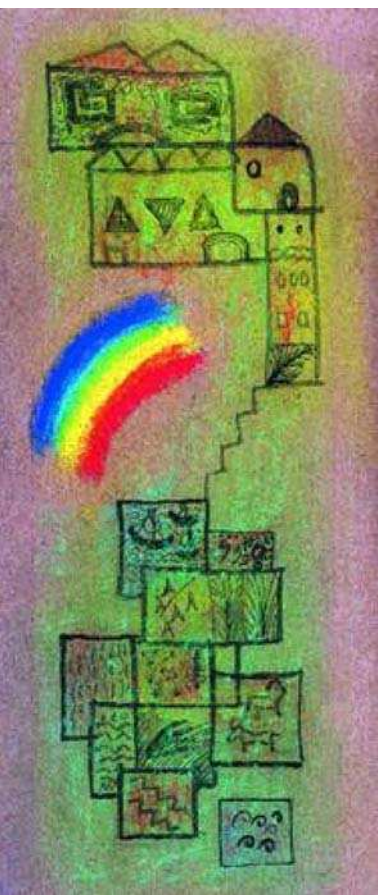
Ребе считает, что комментарий Талмуда склоняется к последней точке зрения: в трактате Псохим (56а) говорится о том, что Шхина покинула Яакова в момент произнесения пророчества, а в Торе Б-жественное Присутствие всегда связано с ситуацией «трансляции» Б-жественного Откровения на уровень дольного мира (см., в частности, Тания, 41, 576). Таким образом, речь идет о способности Яакова передать свое знание сыновьям, а не о том, что грядущее было сокрыто от него.

Но каковы были при этом побуждения патриарха? Почему мы видим порыв Яакова всё-таки открыть будущее, хотя, казалось бы, он должен понимать отрицательные последствия такого шага?

Рабби Шнеур-Залман из Ляд говорит о праотцах, что они были «колесницей Высшего желания всю свою жизнь» (Тания, гл. 23). То есть, предполагает Ребе, даже если устремления Яакова не получили одобрения со стороны Всевышнего, всё равно они должны были пребывать в созвучии с Б-жественной волей, ибо Яаков был одним из патриархов. А тогда и желание Яакова раскрыть будущее, и невозможность это будущее огласить равно пребывают в согласии с Б-жественной волей.

Ребе высказывает предположение, что обещание Яакова раскрыть сыновьям, что случится с народом Израиля «в грядущие времена», относится не столько к концу времен, сколько к Исходу. Дата чаемого исхода из земли Египетской была известна израильтянам, но им не было ведомо, что с нею потенциально связана и возможность конечного искупления. (Здесь Ребе опирается на толкование Гур Арье, который, разбирая эпизод с предсмертным пророчеством Яакова, связывает его с обещанием, данным Б-гом Аврааму: «Знай, что пришельцами будет потомство твое в чужой стране, и служить будут им, а те будут угнетать их четыреста лет. Но и над народом, которому они служить будут, произведу Я суд, а они после выйдут с большим достоянием» [Брейшис, 15:14–15]).

Развивая свою аргументацию, Ребе ссылается на кабалистические источники, в которых Исход из Египта рассматривается как окончательное спасение народа Израиля. Сказано Моше: «Введешь их и

расселишь их в горах удела Твоего, на месте, которое жилищем Ты сделал Себе, Б-же, в святилище, Г-сподь, что устроили руки Твои» (Шмойс, 15:17). В Зогаре слова «святилище, Г-сподь, что устроили руки Твои» истолковываются как прямое указание на Храм, воздвигнутый Самим Г-сподом, – Храм, нерушимый по определению. Но этот Храм может быть явлен лишь тогда, когда наступит полное искупление. Таким образом, согласно Зогару, указание на столь высокий духовный статус Израиля есть указание на то, что Исход мог бы стать окончательным искуплением для еврейского народа.

По мнению Ребе, желание Якова облечь в слова свое знание будущего было вызвано тем, что он хотел подвигнуть народ Израиля соблюдать высочайшую добродетель, ибо более всего боялся, что неподобающее поведение даже некоторых из сынов Израиля может привести к задержке искупления. О том, что неподобающие действия могут привести к «отсрочке» некоего позитивного события, говорится в Талмуде (Брохойс, 4а). Указание на это можно найти и в Торе, в словах Якова: «мал я против всех милостей и всей истины, что сделал Ты с рабом Твоим» (Брейшис, 32:11). В комментарии к этому стиху Раши поясняет: «Я боюсь, не запятнал ли я себя грехом после того, как Ты дал мне обетования, и не буду ли я за это отдан в руки Эсаву».

Но даже если исходить из такого «сокращенного» периода в преддверии чаемого искупления, которое ассоциируется с исходом из Египта, нельзя не задаться вопросом: почему Яков стремился об этом поведать? В откровении Аврааму сказано было, что народ Израиля проведет в рабстве 400 лет. Но Раши комментирует это место следующим образом: «От рождения Ицхака до исхода сынов Исраэла из Мицраима <прошло> четыреста лет. Как это <получается>? Ицхаку было шестьдесят лет, когда родился Яков. А Яков, придя в Мицраим, сказал: «Дней скитальческих лет моих – сто тридцать лет» (47:9). Всего сто девяносто лет. А в Мицраиме <сыны Исраэла> пробыли двести десять лет, соответственно цифровому значению, которое символизирует бедствие (200+4+6)».

Яков пророчествует перед сыновьями на 17-м году своего пребывания в земле Египетской – то есть до Исхода (см. расчеты Раши) остается 193 года. Следовательно, Исход лежит за пределами жизни любого из сыновей Якова – вспомним, что Г-сподом максимальная продолжительность жизни человека определена в 120 лет: «Пусть будут дни его 120 лет» (Брейшис, 6:3). Но тогда откровение Якова действительно не могло бы вызвать у них ничего, кроме разочарования и чувства обреченности.

Из этого Ребе делает вывод: Яковом двигало понимание того, что, хотя безупречное поведение его детей является необходимым условием искупления, однако активная добродетель потомков Израиля может это искупление приблизить. И потому он стремился поведать им о грядущем: он хотел, чтобы сыновья и потомки их всегда стремились к благу и тем сократили время своих страданий.

Ребе приходит к заключению, что осознание назначенного в будущем искупления является стимулом, толкающим на действия, призванные это искупление приблизить.

В подтверждение Ребе ссылается на комментарий, который в Талмуде (Сангедрин, 98а) дан к исполненному кажущегося противоречия стиху из пророка Ишаяу: «Меньший станет тысячей, и младший – народом сильным. Я, Г-сподь, в назначенное время ускорю это» (60:22). Здесь сталкиваются две, казалось бы, взаимоисключающие формулы: «назначенное время» и «ускорить». Талмуд дает такому противоречию объяснение: когда все действия народа направлены на достижение добродетели, искупление свершится ранее, чем было назначено.

При этом Талмуд (Сота, 11а) упоминает об определяющем принципе: милосердие Б-га превышает карающей Б-жественной справедливости – а из этого, опять же, логически вытекает, что практика добродетели способна ускорить искупление.

Ребе приводит комментарий Раши, в котором тот говорит: «вместе с приходом Якова в Мицраим пришло благословение, и начали засеивать <землю>, и прекратился голод» (Раши на Брейшис, 47:19). Поэтому «тощих годов» в земле Египетской было не семь, как возвещал сон, истолкованный Йосефом, а – пять. И это указывает на то, что назначенное от Б-га Его же волею может быть изменено, а данные Им сроки – приближены. Ребе подчеркивает, что Раши не связывает «грядущие времена», о которых

возвещает сыновьям Яков, непосредственно с Исходом из Египта: мотивом, который побудил Якова возвестить сыновьям о будущем, были воспоминания о периоде голода, который оказался укорочен праведными деяниями, – значит, сосредоточенность потомков Якова на праведности могла точно так же приблизить исход из Египта и конечное искупление еврейского народа.

Более того, по мнению Ребе, комментарий Раши подразумевает, что, зная сыновья Якова о том, сколь отдаленно искупление, они бы заповедали своему потомству не только избегать действий, которые могут стать помехой для искупления, но приложить все усилия к максимально возможному исполнению заповедей Торы, чтобы тем поторопить приход Мошиаха.

К теме искупления Ребе обращался многократно. Именно в искуплении он видел конечную цель всех действий, направленных на преобразование человека и мира. Так, в водах Потопа, накрывающих собой мир, Ребе видит подготовительную стадию, необходимую для того, чтобы мир погрузился, в конце концов, в «знание Б-га», которое является одной из необходимых черт эры Мошиаха. При этом Ребе указывает на стих пророка Ишаяу: «Не будут делать зла и не будут губить на всей Моей святой горе, ибо полна будет земля знанием Г-спода, как полно море водами» (11:9). При том что это состояние мира не было достигнуто сразу после Потопа (и не достигнуто до сих пор), Потоп оказался ступенью на пути возвращения мира к состоянию чистоты, которое во всей полноте реализуется, когда мироздание обретет совершенство. События, связанные с Потопом, сформировали пространство, в котором разворачивались действия, направленные на достижение миром совершенства. Точно так же служение Авраама положило начало двум тысячелетиям присутствия в мире письменной Торы, приведя мир к важнейшему событию: Б-жественному Откровению на Синае, когда исчезла пропасть между духовным и физическим и стало возможным преобразование физического мира за счет духовного усилия.

Процесс преобразования мира в обитель Г-спода был начат Ноем и всей цепью событий, связанных с Потопом. Вклад Ноя особый – он дал толчок всем последующим достижениям, послужил для них камертоном, – в конце же этого движения, начатого Ноем, – искупление, которое придет с Мошиахом.

На основании этого анализа Ребе делает вывод, полностью согласующийся с утверждением Торы: человеку дан великий, неизмеримый потенциал для преобразования мира. Деяния человека сказываются не только на его ближайшем окружении, но на всем мире и всех последующих поколениях.

КОРНИ БОЛЕЗНИ

Nei ti Aaeitami

I yoi aani nae reo: eei ni ni aoei e i daieai e 17 oai oca: 1) re de ae ae au ee da cie ou,

2) ae ai ai ai u a ae do ai i dei i o ai ey

a O dai a i dae da o e e ni, 3) ai ai ae a no ai u

au ee da ce o ai u, 4) Ai i no i i ae ai O i de

5) I ai a o a i i no a ae e e ai ea a ni y o e e u a

I e oi a O ai ec, 26 a a

I u i a: e i a ai i o n: a o ni i a i a: ae u i a a dai ai e a a ao (17 oai oca – 9 aai), ei o i o ra ei a o i a ca ai ea «o de i a ae e». A yoi o i a de i a ai i i e i a p o i da ce o ai e e i a i e o e a d u i a e i re o o dai i a: i a da i a – 2425 e a o i a ca i e a o i o i a – 1935 e a o i a ca i

Прошли тысячи лет. Зачем нам всё еще страдать по разрушенному зданию? Конечно, это сооружение святое, самое святое на земле. Но всё-таки это сооружение из камней. Что же в нем было такого, что миллионы людей продолжают горевать из-за этой потери и молиться за его восстановление?

Ответ состоит в том, что Храм – это не просто сооружение из кирпичей. Это было окно из земли в небеса. «Построят Мне святилище и поселюсь среди них», – говорит Б-г.

Одни видят признаки болезни, а другие ищут ее корни. На протяжении человеческой истории с людьми произошло много ужасных трагедий. Множество важных событий достойны нашей памяти. Но вспоминая и скорбя о разрушении Храма, мы находим корень всех наших бед.

Наш внутренний мир и повседневная жизнь находятся в противостоянии. Храм был вратами, соединявшими оба мира. Его разрушение отразило и выявило двойственность нашей жизни.

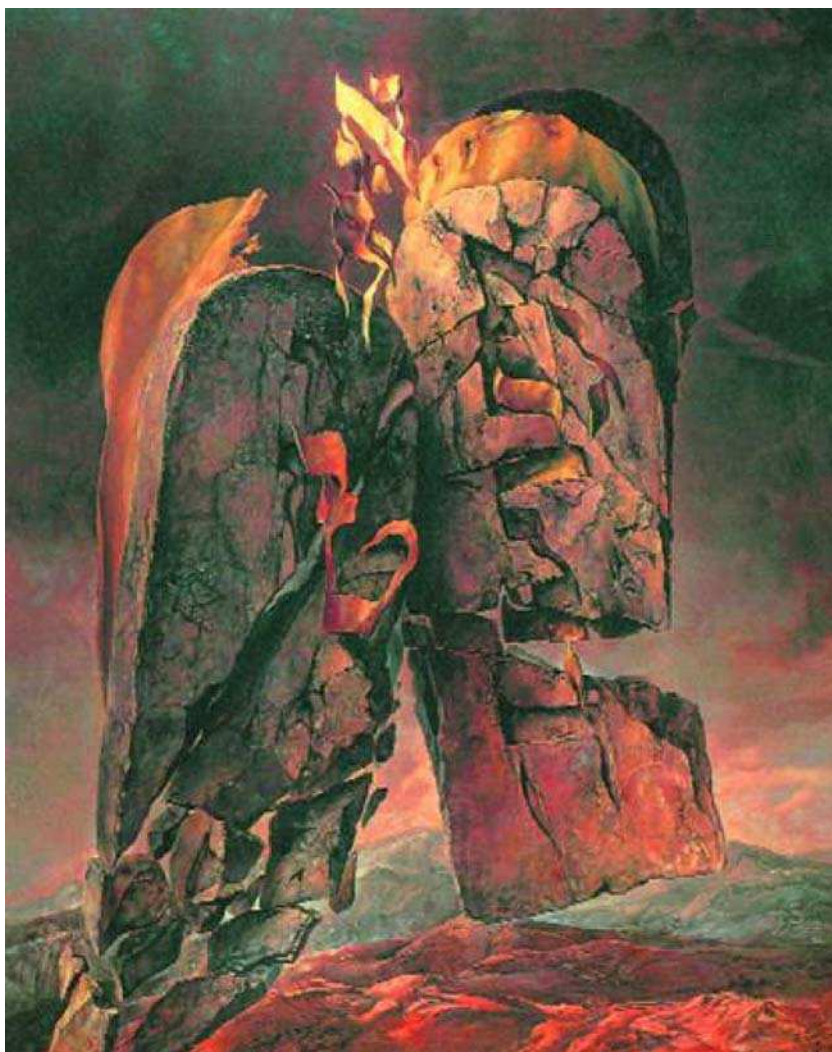
Осознание – первый шаг к излечению от болезни. Осознаешь – и ты наполовину излечился. Отрицание же вдвойне усугубляет травму.

Если мы не помним о разрушении Храма и продолжаем жить так, словно этого не случилось, мы всегда будем страдать от болезни, так и не раскрыв ее причин. Осознавая корни проблем – а осознание выражается в реальных поступках: в период «трех недель» нам запрещено играть свадьбы, слушать музыку, покупать новую одежду, предаваться увеселениям, – мы делаем шаг к подлинному исцелению.

Вспоминая о разрушении Храма, мы признаем в этом событии корни всех наших проблем – личных, психологических, межличностных, национальных и исторических. Сумей мы соединить воедино две силы, которые раздваивают нас, и обрести внутреннюю целостность, и все наши проблемы исчезнут.

Но сказать проще, чем сделать. Мало признать тот факт, что в начале всего губительного лежит разрыв между сакральным и мирским, случившийся вследствие разрушения Храма. Надо стремиться глубже понять суть проблемы. Тогда мы поймем, как ее разрешить.

Мишна перечисляет пять трагических событий, происшедших в период 17 тамуза – 9 ава. Эти пять событий – корни всех наших болезней и страданий.

Ἐὰν σπασθῶν τὰ ἑξήδεκα ἅγια

Первое из пяти событий позволяет нам взглянуть на двойственную природу всех вещей, которые «ломаются». С одной стороны, когда что-то ломается, это служит сигналом-предупреждением о том, что возникла некая проблема. Не сломайся эта вещь, мы бы не знали, что она неисправна и нуждается в починке.

Разбив скрижали, Моше показал истинную природу взаимоотношений народа с Б-гом после того, как люди изготовили золотого тельца. Тем самым они нарушили верность Б-гу и поставили под угрозу свои отношения с Ним.

Иными словами, разрушение скрижалей – это не причина существующей проблемы, а ее следствие. В скрижалях Б-г открыл Себя людям. Священные слова Десяти Заповедей были выбиты на каменных (сапфировых) скрижалях – так и Б-г запечатлелся в наших душах. Изготовив золотого тельца и поклоняясь не Б-гу, а идолу, люди «сломали», разрушили эту основополагающую связь, по крайней мере, на сознательном уровне. Моше только продемонстрировал этот духовный слом, разрушив скрижали физически.

Поступив так, он блистательно, очень тонко показал нам, каким может быть «лекарство» от болезни: почувствуйте себя «сломанными» в результате ваших ошибок, и вы станете на путь их исправления. «Нет ничего более целого, чем разбитое сердце», – сказал Ребе Йосеф-Ицхок. Чтобы сделать первый шаг к исцелению и духовному росту, нужно признать, что вы «сломаны». Если вы себя чувствуете «целым», хотя в самом деле «сломаны», – значит, вы по-настоящему «сломаны». Если же вы знаете, что «сломаны», вы начинаете думать, как себя «починить».

Сила любви выражается не в том, что от тебя нечто требуют, просят или даже намекают сделать, а в том, что ты делаешь сам, из чистого желания порадовать близкого человека – когда ты, так сказать, воздвигаешь «необязательные стены», внутри которых оказались бы защищенными важные аспекты ваших взаимоотношений.

У стен есть также важная задача защитить нас от того, чтобы наши слабости и недостатки по возможности не вылезли наружу. К примеру, если вы особенно подвержены приступам гнева, то следует построить «дополнительные стены» – чтобы быть особенно осторожными и не терять контроля над собой.

У каждого из нас есть слабости, которые требуют защитных «стен» и границ.

Никогда не позволяйте этим стенам быть разрушенными. Пока целы стены, будет цело и то, что внутри вас.

Итак, еще один корень несчастья: рухнувшие стены. Лекарство от него – укреплять стены в своей жизни.

Àíîòîî ñeãÓòó

Тора – это мандат на жизнь, план жизни, который Б-г нам дал. Сожжение книг – мерзость, часто сравнимая с сожжением человека. Сжигая принадлежащие человеку ценные книги, вы фактически сжигаете его чувства, веру, его «я».

И если это верно по отношению к самым разным книгам, то тем более верно по отношению к Торе – Б-жественному плану жизни. Часто Тора становилась мишенью для тех, кому не давала покоя абсолютная преданность евреям Торе. Многие евреи рисковали жизнью, спасая свитки Торы из огня в горящих синагогах. Зачем? Потому что они почитали Тору не просто как книгу: это «наша жизнь и наша пища», это сама жизнь. Если вы сжигаете Тору, то по сути сжигаете мое прошлое и мое будущее. Тора – вечная связь с поколениями прошлого. Они вручили ее мне, а я вручу ее грядущим поколениям.

Понимание причины болезни помогает найти для нее лекарство: крепко держитесь Книги. Убедитесь, что вы посвящаете время изучению Торы, признаете ее значение для вашей жизни, живете в соответствии с Торой. Чаще прибегайте к ее вечной силе. В период «трех недель» мы особенно много внимания уделяем изучению Торы, по словам пророка, «Сион спасется законом, а пленники его – милосердием».

Èãé àúé îîî àúáí áñàòéééúá

Истинный враг всегда пытается поразить соперника в самое сердце, чтобы унижить и деморализовать его. Нельзя было больше унижить и оскорбить евреев, чем поместить «целем», идола, в их святилище.

У каждого из нас в сердце и душе есть чистый уголок – самое чудесное в нашей жизни. Берегите и защищайте его. Не позволяйте никому осквернять его. После того как всё сказано и сделано, здесь – ключ к вашему спасению.

Итак, последний корень болезни – это осквернение самого родного и драгоценного.

Убедитесь, что ваше внутреннее святилище всегда остается чистым и свободным от «чужих богов».

Признав существование этих пяти корней и сконцентрировавшись на них, мы научимся распознавать самые скрытые болезни, поразившие нашу жизнь и общество.

Это всё, что касается нас. Но еще мы молим Б-га: тысячи лет наш народ страдал от этих пяти бедствий. Мы не забыли о них. Мы искали и нашли корни проблем в нашей жизни. Мы принесли цивилизацию этому миру. Мы продемонстрировали силу веры и надежды даже в самых трудных обстоятельствах.

Так сколько же нам еще придется скорбеть во время «трех недель»?

ВИНОГРАД С ТЕРНОВНИКА

Ἐὰν ἴεᾷ Διασέοι ἀνέεῖ

*Ἄ ἱ-ἀναίτε ἀοτόξεῖ Ἄοι ἀ γαίεῖ ἀεᾷ ἐπαεῖ τῆ ἀεῖτῆ - ἰδεῖται ἔ ἐδαπὸ τᾶν ὀ ἰτοῖαᾶ
Ὁαεῖ ἰτοῖαᾶ, ἐαε ἀναᾶ, πᾶο αὔ - ἢ ἀνῆ ἐα Ἀαῖτῆ ἔ Ἰ ὀ-εῖτῆ ἰ ὀ ἰαᾶῖ τῆ*

Конкретно речь шла о том, что в Думе прошел – не первый, не последний – круглый стол, посвященный религиозному обучению в средней школе. Участники: депутаты от «Нашей Родины», «Единой России» (не правда ли, логически названия этих двух партий абсолютно тождественны?), представители Объединения православных избирателей (практически известного, в основном, организацией погрома... виноват, разгрома выставки «Осторожно, религия!»). Московскую патриархию представлял протоиерей Д. Смирнов, председатель Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями Московского патриархата (интересно, Церковь считает школы «армейскими» или «правоохранительными» учреждениями, или смесью того и другого? И вообще, какой миленький отдел возглавляет о. Димитрий – в каких еще европейских странах есть нечто подобное? А в России – у Духовного управления мусульман, скажем, тоже есть такой отдел?). Впрочем, последний вопрос просто глуп: о. Димитрий объяснил, что Россия – страна мононациональная! Логика отца (согласно «Известиям» от 22.06.05) буквально такая: по критериям ЮНЕСКО, «если 60% населения исповедуют одну религию, страна называется моноконфессиональной. У нас православие исповедуют 84% – и мы вдруг оказались многонациональной страной!» Святой отец ненароком объявил тождество КОНФЕССИОНАЛЬНОСТИ и НАЦИОНАЛЬНОСТИ. Поскольку он это изрек депутатам, а они благоговейно внимали, остается подождать, когда истина сия будет оформлена ими законодательно, в виде соответствующих поправок в Конституцию. Кстати, он же подсчитал, что «мусульман в России 750 тыс.». Я не понял, сделал ли он этот вывод дедуктивно: 16% населения России (100% – 84% православных) = 750 000 человек или же индуктивно (основное население Татарстана + Башкортостана + Ингушетии + Чечни + мусульманские общины в других регионах России = 750 000), но так или иначе, «священная арифметика» производит сильное впечатление. Во всяком случае, святой отец имел, очевидно, добрые намерения: по мере сил помочь «диалогу между представителями этно-конфессиональных сообществ, который только и может стать путем к созиданию мира, лишенного национальной и религиозной ненависти» (Алексий II). Что ж – вот один официальный представитель РПЦ и затвердил исходную позицию для этого диалога...

Какое же конкретно «религиозное обучение» хотят ввести в школе о. Димитрий и другие учителя?

О. Димитрий, как пастырь добрый («да будет слово ваше: “да, да”, “нет, нет”; а что сверх того, то от лукавого»), требовал введения не какого-то липового «религиоведения» (это в моноконфессиональной-то стране, попросту говоря, это на Святой-то Руси!), а нормального Закона Божьего. Но не столь твердые в своей Вере депутаты склонялись всё же к «лукавому» решению: введению в школе курса «Основы

православной культуры». Тем паче что «основы» давно известны, изложены в превосходном одноименном учебнике г-жи Бородиной, удостоенной (за этот труд?) ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ.

Глава о земной жизни Иисуса. Вопрос деточкам: «Почему иудеи распяли Христа? Что мешало им понять духовный смысл учения о Царстве Небесном?» Да, вот именно: а почему аборигены съели Кука? Ответ учебника: «Причиной было то, что этот народ думал о своей независимости, власти над другими народами и о земном благополучии». Вот такие они, жида, – выучили? Ах, и так знаете? Так то – «просто знаете», а то – в соответствии с Основами православия! Как, опять же, верно заметил Алексей П: «Особо трагическими последствиями в XX веке отличался антисемитизм – одна из крайних форм человеконенавистничества и национальной розни. К сожалению, проявление этого греха имеет место и сегодня, в том числе среди общественных деятелей, публицистов, лидеров экстремистских группировок». К какой категории отнести г-жу Бородину и иерархов, добивающихся, чтобы дети учились по данному учебнику, – не уточняется. Во всяком случае, это вам не «Шулхан Орух» – аудитория немного пошире, обучение «добровольно-обязательное». Кстати, пусть и еврейчики поучатся – дверь к знанию открыта для всех! Пусть (если зачем-то хотят жить в России, учиться в русской школе) узнают про «своих» правду. А впрочем, могут и выйти из класса. Даже забавнее – ведь потом всё равно вернуться... «И чувства добрые я лирой пробуждал». А какие же еще чувства может пробуждать учебник Православия?

Кстати, пока учебника еще нет, я тут сам почитал Евангелие:

«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? ...Многие скажут мне в тот день: “Господи, господи! Не от твоего ли имени мы пророчествовали? И не твоим ли именем бесов изгоняли?..” И тогда объявлю им: “Я никогда не знал вас; отойдите от меня, делающие беззаконие”».

В XX столетии, по его словам, народ дважды стоял перед страшным выбором. Сначала – Сталин или Троцкий, затем – Сталин или Гитлер. И оба раза он сделал правильный выбор.

Тонко подмечено! Народ и потом делал правильный выбор. В 1964 году – Брежнев или Хрущев. В 2004 году – Путин или Путин.

«Особенно ненавистны крестьянам были хуторяне-кулаки», – пишет С. С. Но далее мы обнаруживаем нечто другое: «Сколько было людей репрессированных, сколько так называемых кулаков и священников было расстреляно?»

Может быть, он сумеет объяснить нам разницу между «хуторскими кулаками» и «так называемыми кулаками»?

С. С. продолжает знакомить читателей со своими достижениями в области исторической науки. Оказывается, Сталин хорошо знал народ и был истинным патриотом. А Хрущев и Брежнев плохо знали народ и хоть были патриотами, но не теми, какими нужно. Действительно, Сталин в 40-х годах сделал крутой поворот в сторону национал-патриотизма. Но только после «великого перелома» народного хребта. И этот национал-патриотизм нужен был ему для осуществления еще более страшных репрессий. К счастью, он не успел их осуществить.

С. С. сетует на отсутствие ярких личностей. Вот раньше были великие люди! К примеру, Наполеон и его доблестные маршалы.

Позволительно спросить: в чем же выражается величие Наполеона? В том, что ему удалось за 20 лет захватнических войн истребить почти всё мужское население Франции? И весьма спорным остается вопрос: насколько допустимо для человека, убеждающего всех в том, что он горячий патриот своей страны, публично восхвалять ее злейшего врага?

В поле зрения историка не попали современные яркие личности, получившие всемирное признание, – такие, как Сахаров и Солженицын. Вероятно, по той причине, что они не истребляли людей и не призывали к их истреблению.

С. С. не только анализирует прошлое, но и предсказывает будущее. Он пугает народ грядущими страшными событиями – «землетрясением». Признаки надвигающейся катастрофы им обнаружены в поведении «пауков и пресмыкающихся». Кто они такие? Не относит ли он себя к их числу, так как он чувствует приближение катаклизмов? Неужели истинному патриоту недостаточно страданий, которые Россия уже перенесла?

С. Семанов

Главное же пристрастие писателя-историка в полной мере проявилось в его биографической хронике об адмирале Макарове. Этот жанр, как известно, требует от автора строгого соблюдения исторических фактов и недопущения вымысла. Автор игнорирует неперемное условие. Выдержки из подлинного дневника участника русско-японской войны офицера Рашковского соседствуют в его хронике с вымышленным дневником Вадима Макарова, сына адмирала. Для чего понадобился этот прием? А вот для

чего. Автор пытается внушить читателям чудовищную ложь: крейсер «Петропавловск», на котором погиб адмирал Макаров, не подорвался на японской мине, а был взорван устройством, заложенным в пороховой трюм. Этот теракт организовали, разумеется, евреи, стоявшие во главе партии эсеров.

Клеветнические измышления такого рода обычно оставляют без ответа. Однако на сей раз, как мне кажется, необходимо сделать исключение. Вот далеко не полный ответ.

1. Еврейский народ обвиняют в предательстве – так же как и в ритуальных убийствах – уже много сотен лет. За такой большой срок оба обвинения не подтвердились ни разу. Зато примеров героизма евреев, сражавшихся под российскими и советскими знаменами, бесчисленное множество. Вспомним хотя бы Иосифа Трумпельдора, героя русско-японской войны.

2. Партия эсеров никогда не отстаивала интересы евреев. Более того, в начале своего становления это была антисемитская партия, которая приветствовала и поощряла погромы 80-х годов после убийства Александра II. Впоследствии в нее влились представители различных национальностей, в том числе и евреи. Но в руководстве они никогда не состояли. Исключение составляют лишь Гершуни и Азеф. При этом Азеф оказался провокатором.

3. Эсеры действительно планировали и осуществляли точечные теракты. Они приводили в исполнение приговоры комитета партии самым одиозным должностным лицам: министрам, губернаторам, обер-полицейстерам... Но никогда не совершали массовых убийств.

4. Осуществить теракт, подложив в пороховой трюм крейсера взрывное устройство замедленного действия, просто невозможно. По техническим причинам. С. С. пишет, что взрывное устройство было передано функционерами партии эсеров рабочим петербургского судостроительного завода перед выездом последних в Порт-Артур для ремонта крейсера. Следовательно, реле времени во взрывном устройстве должно иметь выдержку как минимум в несколько недель, а может быть, даже месяцев. Такие механизмы не созданы и по сей день.

В своей книге автор цитирует эпиграмму черносотенного журналиста Буренина. А вот более популярная в те времена эпиграмма поэта Д. Минаева на самого Буренина:

ΊΊ Γάλλοι ο άκαεò μάαεα

Çà Γάε Αόδαίεΐ, οεεε ίεε..

Άϊδαίάε, μ ίοδε, Γάί αεί,

×οΐά ΊΊ άί Γά αείεε!

Ну так и подмывает вместо «Буренин» подставить «Семанов»!

Όάεοά

Познера во «Временах», где все наполнены отрицательными эмоциями и должны друг другу что-то обязательно доказать, дабы не поступиться собственным реноме. То же самое – у Соловьева в передаче «К барьеру». Наверное, какие-то общественно значимые проблемы можно обсуждать в формате ток-шоу. Но выносить туда «еврейский вопрос» – значит провоцировать аудиторию, разжигать страсти.

Вообще, у нас странная пресса. Она говорит не о том, о чем нам хотелось бы знать, что нас волнует. Нам попросту морочат голову – изо дня в день и во всё возрастающем масштабе. Нас постоянно вовлекают в псевдополитику, навязывают либо псевдолиберальное, либо псевдопатриотическое клише. В этой атмосфере невозможно говорить о сути явлений. Потому я был необычайно удивлен, когда мне сказали, что ФЕОР вручает премию за созданный нами телевизионный цикл. Ведь программа с названием «Еврейский вопрос – русский ответ» – разговор безо всяких скидок: иначе разговаривать бессмысленно! В конце концов, дело не в премии как таковой. В нынешних обстоятельствах я воспринимаю премию ФЕОР как знак надежды на то, что нормальный и плодотворный русско-еврейский культурный диалог возможен.

Моя авторская историческая программа до появления канала «Культура» выходила на канале «Россия». Как только появилась «Культура», на «России» решили, что всю интеллектуальную часть можно «сплавить» туда. Я на это не обижаюсь, я люблю свой канал и являюсь его горячим патриотом. Но меня смущает стремление сделать из культуры «резервацию», как для индейцев в Америке. Получается, что за пределами этой «культурной резервации» идет «настоящая» жизнь – жизнь для «белых людей», с дорогими машинами, с казино и с бесконечной трансляцией криминальных разборок... А нормальное, человеческое выносится за скобки, отправляется на канал «Культура». Это неправильно.

Наша историческая программа задумывалась в 1992–1993 годах. До того на советском телевидении регулярной исторической программы не было. История была той сферой, которая наиболее опекалась идеологической цензурой. Когда появилась возможность создать регулярную цикловую программу о русской истории, я отправился к академику Александру Михайловичу Панченко. Это крупнейший русский историк. «По должности» он историком не был, работал в Пушкинском Доме в Петербурге и занимался изучением отечественной словесности, но именно он совершил несколько феноменальных открытий в истории. Одно из них – закон единства национальной культуры. Академик Панченко показал, что между разными поколениями, которые жили двести или пятьсот лет назад, есть удивительная связь. Представители этих поколений, если они пребывают в нормальном состоянии, смотрят на мир, живут и думают во многом одинаково, хотя могут носить разные одежды и ездить не на лошадях, а на автомобилях. Внешняя оболочка меняется, а некий внутренний стержень остается неизменным на протяжении многих поколений. Вот почему народ – это единство всех поколений.

Вместе с Александром Михайловичем мы стали обсуждать, о чем и как делать историческую программу. Он предложил задавать вопросы: как мы, жители России, относимся к земле, к женщине, к власти, одним словом, к самым разным вещам. После десятилетий забвения коммунистического режима в первую очередь надо было задавать вопросы – в надежде, что постепенно появятся какие-то ответы и мы начнем приходить в себя. Ведь в России создана уникальная цивилизация, у нее есть плюсы и минусы, сильные и слабые стороны. Последняя наша встреча с академиком Панченко – Г-сподь дал мне такую возможность – произошла за три дня до его смерти. Он тяжело болел, мы долго не виделись... Когда я уходил, на прощанье он сказал: «У великого народа есть великий ум и великая глупость». И русские, и евреи – безусловно великие народы. Желательно, чтобы ума у нас было больше, а глупости – меньше и при встрече мы могли бы поворачиваться друг к другу лучшей стороной. Но, увы, жизнь устроена иначе, поэтому возникает задача осмысливать ситуацию, вести диалог. Внутри такого сложного явления, каким является российский мир, необходимы диалоги разных народов между собой.

Сверхзадачей цикла «Еврейский вопрос – русский ответ» было показать спокойно и дружески, что еврейский вопрос в России существует. Делать вид, что его не существует, глупо. Еще глупее и гнуснее – использовать наличие этого вопроса для обдешивания каких-то политических делишек. Чему недавно мы были свидетелями. Я пошел на передачу «Времена» к Познеру (угораздило, что называется), а там были представлены два привычных подхода к еврейскому вопросу. Подход первый: с евреями нам, русским патриотам, разговаривать не о чем, вот доказательства их преступных замыслов. Подход второй: еврейского вопроса для интеллигентных людей не существует, любая постановка этого вопроса – антисемитизм. Должен признаться, я категорически не согласен ни с тем ни с другим мнением. Если Владимир Познер думает, что он победил, публично заклеив антисемитов, – был у него такой задор, – то это «пиррова победа».

Диалог можно вести плодотворно только с помощью нормальных средств информации. Есть Интернет, и нетрудно узнать, чего хотят люди. Вот читатель журнала «Лехаим» присылает e-mail, в котором

недоумевает, почему в журнале нет рецензии на мой русско-еврейский телевизионный цикл: иными словами, почему не продолжен диалог... Я этого не знаю. Хочу напомнить, что в прошлом такую ситуацию представить было трудно. Когда до революции во МХАТе заканчивалась премьера спектакля, то вся труппа, включая режиссера и автора пьесы, оставалась в театре до утра, а утром во всех уважающих себя газетах появлялись рецензии. Рецензии не были оплаченными. Позиции газет были разными, но каждая из них считала необходимым отреагировать на новое явление. Сегодня мы этого не видим.

Историческая программа на канале «Культура» строится по тематическим циклам. Мы задаем какой-то вопрос из российской жизни и начинаем размышлять. Получается большой разговор с разными сюжетами, иной раз на много серий. Например, мы спрашивали: какие реформы в России удавались, а какие нет и почему. Если прислушаться к Истории, можно извлечь много полезного для нашего теперешнего житья-бытья. «Ребята», «рулившие» страной последние 15 лет, оказывается, не знают простых вещей: не знают особенностей русской цивилизации. Между тем за тысячу лет всё уже испробовано, количество способов ограничено. Надо только спросить собственную Историю.

У нас были циклы «Россия и...». Русский мир всегда взаимодействовал с другими национальными мирами. Общение русского мира с еврейским уникально тем, что в нем было место и невероятной приязни, удивительной близости и сотрудничеству и одновременно – враждебности. До еврейского цикла у нас был цикл «Россия и Польша», он назывался «Спор на западном рубеже». Был цикл «Жили-были славяне» о взаимоотношениях с Украиной. Этот наш цикл прошел за три года до «оранжевой» революции, и там уже всё было сказано и показано, что нас ждет в будущем. Я не обсуждаю, кто предпочтительней для России, Ющенко или Янукович. Я говорю о том, что сценарий нашего диалога с Украиной был плох. Завершая украинский цикл, я прямо сказал: украинская государственность «висит в воздухе», для решения этой проблемы в стране нет прежде всего культурных ресурсов. После чего мы совершенно по-глупому влезли в украинские политические события, не думая об ответной реакции. А чтобы ее предвидеть, нужно было представить себе тип поведения украинского гетмана (нынешние украинские лидеры действуют в традиционном духе). Надо знать, как вел себя, например, Богдан Хмельницкий, и тогда легче выстраивать современные отношения...

Наши исторические штудии – не просто развлечение, заполняющее досуг. Это насущная вещь. Я не понимаю, как без этих знаний можно решиться что-то делать в стране с тысячелетней историей.

За время, пока длилось выступление, скопились многочисленные записки из зала. Разумовский разворачивает первую из них. И далее его речь представляет собой ответы на вопросы участников встречи.

– Скажите, есть ли видеозаписи ваших программ, можно ли их купить?

– Нет, они не продаются по той причине, что Российской телекомпания, в составе которой находится канал «Культура», это не нужно.

– Будут ли повторы вашего цикла передач по ТВ?

– Выработался такой стиль показа, когда в августе, в «мертвый сезон», программы прошедшего года повторяются в «пакетном варианте»: то, что показывалось раз в неделю, идет подряд все будни.

Повторяется только сделанное за последний год. Циклы более старые повторять сложнее. Объясню. Года четыре назад прошел цикл «Россия на Кавказе» – вся история вопроса. Как-никак лучшие русские умы, в частности Грибоедов, Лермонтов, Толстой, касались этой больной проблемы. Мы хотели повторить цикл передач, но тут происходят бесланские события – и то, что мы сняли, теперь как будто не ко двору. Думаю, большие проблемы возникнут и с повтором украинского цикла.

– Что на самом деле происходит в России и какова перспектива?

– Вопрос до утра, а если отвечать с перерывами, то дня на полтора... Попробую коротко. Россия, как уникальная цивилизация, может решать свои проблемы, проводить реформы и вообще жить только по-своему. Сегодня выражение «особый путь», применительно к России, окончательно осмеяно и даже ошельмовано. Но дело в том, что у всех свой особый путь. У Японии – свой, у Штатов – свой. Зачем на это закрывать глаза? Система демократии в Германии сильно отличается от демократии Швеции. А нам говорят: делайте, как мы. Есть модный термин «глобализация». Действительно, в мире идет такой процесс – внедрение общего цивилизационного стандарта. И есть в России люди, считающие, что чем быстрее и точнее мы воспроизведем этот стандарт, тем будет лучше. Но люди, серьезно занимавшиеся теорией культуры, знают, что в жизни главное – это именно неписанные законы. По этим законам в первую очередь живет народ и существует общество. Это вовсе не те законы, которые принимает парламент. Ведь к каждому милиционера не приставишь, чтобы он следил за исполнением написанного и изданного закона. А наша нынешняя ситуация такова: писанные законы запрещают то, что разрешают неписанные. Как из этого вырваться и всё, что необходимо, привести в соответствие? Нужно совершить такую работу, которая называется самопознанием. Нужно узнать ту страну, в которой ты что-то собираешься делать, узнать неписанные законы нашей цивилизации.

К сожалению, это имеет прямое отношение и к еврейскому вопросу. В своем цикле мы об этом говорили. Одна из главных мыслей программы «Еврейский вопрос – русский ответ» состоит в том, что вопрос этот обостряется в России после неудачного либерального проекта. Первый серьезный погром в Елисаветграде произошел после убийства императора Александра II. Это был царь-реформатор, он провел великие реформы. Спору нет, по своим человеческим качествам это был достойнейший государь. Воспитывал его поэт Василий Андреевич Жуковский. При Александре II были сделаны хорошие, нужные вещи: освободили крестьян, этот вопрос был давно назревшим. Но вспомните реплику Фирса из «Вишневого сада»: «При несчастье так же сова кричала». А когда было несчастье? «Когда волю дали», – отвечает Фирс. Для русского человека это было несчастьем! Таким же несчастьем являются реформы 90-х годов XX века, потому что в реформах, как и в искусстве, важен не только вопрос «что делать?», но – это самое важное – «как делать?» Реформы Александра II провели так, что 100 миллионов крестьян ощутили себя несчастными людьми. К новой жизни они были совершенно не готовы. А когда общество дезориентировано, оно дуреет. Все худшие качества, вся глупость, которая существует в великом народе, выходит наружу. И в этой ситуации сразу обострился еврейский вопрос. Появилась вражда, начались погромы, подозрительное отношение к еврейской общине Петербурга – а она состояла из людей с безупречной репутацией...

Это важнейшая проблема русско-еврейских отношений. Если поддерживать либеральный проект, то отношения обостряются. Как бы то ни было, либеральный проект в России неизбежно оборачивается крахом, такая у нас цивилизация. Есть в культуре закон трансплантации, извините за научный термин. Академики Лихачев, Панченко, профессор Лотман показали, что если брать из одной культуры и переносить в другую некое явление, то в другой культуре оно начинает работать с обратным знаком. Берем суд присяжных и переносим в Россию, в 70-е годы XIX века. И суд присяжных вместо того, чтобы стоять на страже правосудия, оправдывает террористку Веру Засулич. Недавно Лужков возмущался: суд присяжных оправдал убийц зампрефекта Зеленограда. Как такое может быть? Суд присяжных – по-своему хорошая система, но в условиях, существующих сегодня, она работает так, что лучше бы ее не было. Скажу вам больше: неумная поддержка либерального проекта еврейским сообществом уже в 90-х годах XX века сильно повлияла на обострение еврейского вопроса. Это неприятная штука, но об этом надо знать.

Во времена Екатерины II, когда евреи появились в составе Российской империи, никакого обострения отношений не было, потому что русская нация была здоровой и сильной, и проблемы, связанные с евреями, решались совершенно по-другому.

Я не до конца ответил на вопрос записки. Какова перспектива России? Если мы будем с упорством, достойным лучшего применения, пытаться осуществлять либеральный проект, то здесь всё развалится окончательно. Если же мы попробуем найти другое решение и примем его на основе знания культуры, внутри которой находимся, то это обязательно даст хороший результат.

– Каким вам кажется будущее еврейского народа в России? Post scriptum. Возможны ли погромы?

– Этот вопрос можно рассматривать как продолжение предыдущей темы. Как говорил Александр Михайлович Панченко, в России всё возможно. Будущее зависит от выбора, который мы сделаем. Если у нас настолько «поедет крыша», что мы совершим очередную революцию по типу «оранжевой», то, как говорится, мало не покажется. При другом подходе всё будет замечательно. Это не пустые слова. Русско-еврейский культурный диалог имеет поразительные факты сотрудничества и сотворчества. Достаточно вспомнить историю Исаака Левитана. Великий князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, выселяет всех евреев, в том числе Левитана, из Москвы. И никто из представителей русской интеллигенции действия великого князя не поддержал! Подобные действия власти более всего дискредитировали саму эту власть в глазах русского общества. Для Третьякова не было вопроса: выделять ли Левитану отдельный зал в своей галерее. Он покупал у Левитана картины на стадии эскиза. А ведь Третьяков собирал не просто галерею, он собирал галерею национального искусства!

Если третьяковы будут в России решать вопросы политики, экономики и культуры, то у всех нас будет гораздо меньше проблем. Но если те же вопросы будет решать, например, господин Каспаров с его комитетом «2008», то погромы очень даже вероятны. Это если грубо отвечать на вопрос. Прощу прощения.

Голос из зала: Где найти третьяковых?

(Разумовский смеется.)

– Что такое «культура» в переводе с латыни? Культура – возвращение. Такие люди возвращаются, и происходит это не в одночасье. Третьяковы появляются тогда, когда русский мир находится в относительно здоровом состоянии. Полного здоровья не бывает... Если здорового человека положить в клинику, у него волосы встанут дыбом от результатов обследования. Относительное здоровье – это когда человек самостоятельно ходит, разговаривает, сознательно действует. Сегодня же русский мир находится в состоянии клинической смерти. Это не какое-то поэтическое сравнение, это буквально. Произошло это в результате многих факторов, в частности, в результате Гражданской войны, о чем теперь мы делаем цикл «Кровь на русской равнине». У русской цивилизации есть свои болезни, одна из них – смута. Если в русском мире возникает чрезмерное напряжение, то он начинает саморазрушаться. Механизмы саморазрушения в истории России были запущены несколько раз. Была знаменитая смута, начавшаяся во времена Бориса Годунова. Если посмотреть на вещи беспристрастно, то удивляешься парадоксальности этой болезни. Смута начинается при Годунове, но он – один из лучших правителей России, наиболее подготовленный человек. Вопрос о царевиче Дмитрии тут надо вынести за скобки. Это замечательный сюжет для гениальной исторической драмы А. С. Пушкина, но подобные вещи можно найти в биографии любого крупного политика и государственного деятеля. Что сделал Иван III со своими братьями и племянниками? Мало никому не покажется... При этом он – мудрейший человек, создатель Российского государства.

Ф. Разумовский, В. Ступин.

Монголия, озеро Хупсугул.

Итак, надо знать историю болезни. Когда приходишь в поликлинику, там не сразу направляют к хирургу или на процедуры, сначала читают, что и когда происходило с пациентом, смотрят, что было раньше. Это нормальный подход: не надо сразу резать!

Гражданская война прошлого века – та же русская смута. Антон Иванович Деникин так и назвал свои воспоминания: «Очерки русской смуты». Коммунистическое руководство сделало всё, чтобы никто не понял, что же произошло. У Максимилиана Волошина есть строки: «Политика – расклейка этикеток, назначенных, чтоб утаить состав». Политика замечательно это делает, и мы уже почти ничего не понимаем в собственной ближайшей истории. А если еще снять несколько художественных фильмов типа «Чапаева» и «Неуловимых мстителей» (хотя это весьма добротные художественные произведения), непонимание становится полным. Что же тогда произошло? Произошло разрушение русского мира. Ныне этот мир нуждается в реанимации, в возрождении. От этого зависит, что дальше здесь будет вообще и в частности с еврейским сообществом. Русскому миру надо помочь вернуться в нормальное состояние. Мы слышим, например, безумные вопли по поводу «письма 500». Даже представить себе нельзя, чтобы государственные люди до революции так действовали. Подобные письма – порождение больного сознания. К этому нужно относиться с пониманием. Вот в Марьиной роще построили еврейский центр. Вы приходите сюда и общаетесь, это замечательно, – как иначе сохранить связь между людьми? А ведь с единством в России большие проблемы. Не потому, что негде встретиться, а потому, что по всей русской истории «расклеены этикетки», сплошные «этикетки», на которых всё перевернуто и перевернуто. От этого уйти очень сложно. Нужно не мешать тому, чтобы русский мир выздоровел. Не выпячивать бред сумасшедшего, как, например, в программе Познера, где Виктор Ерофеев кричал: «Посмотрите, кто говорит о русской самобытности! Это всё какие-то уголовники!» Безобразная картина! Если называть вещи своими именами, то это – прямая дорога к погрому. Он не понимает, что делает.

– Почему у нас проваливаются все реформы?

– Мы об этом уже говорили. За тысячу лет в России, если классифицировать, были три модели реформ. Деспотическая, когда царь, государь, император берет всех «за шкуру» и говорит: «Ребята, будете делать только так. Завтра всем побриться, надеть европейское платье и желательно говорить на голландском или французском языке. С завтрашнего дня. Всё, – пошли вон». Яркий пример – Петр I. Так запускается механизм русской смуты: «рвануть» может не скоро, лет через двести. Вторая модель – либеральная. Некоторые элементы европейской жизни пытаются внедрить в русский мир: тоже по указу, с завтрашнего дня. И русский мир начинает трещать и разваливаться. А есть третья модель, когда начинают не с внешних вещей – брить, вводить суд присяжных, а с подготовки человека. Потом он всё сам сделает, сначала его надо научить. Во-первых, чтобы он был свободным, не вел себя как холуй. Так поступала Екатерина II, за время правления которой население России увеличилось в два раза. А ВВП, как выражаются экономисты, увеличился в шесть раз, хотя она об этом никогда не думала. Но самое главное, в результате того, что она делала, появились свободные люди, появился Николай Михайлович Карамзин. Частное лицо, он нигде не служил. Но когда Александру I пришло в голову в очередной раз перетряхнуть страну, Карамзин написал знаменитую записку «О старой и новой России», и она была прочтена. Таким был его авторитет. Он не имел должностей, не был генералом, а просто издавал в Москве журнал, и вся образованная Россия его читала. Все тогда прочли «Письма русского путешественника», а сентиментальная часть публики читала «Бедную

Лизу». Прохаживаясь с государем, Карамзин объяснял ему, что такое свобода. Он объяснял ему, что нельзя в наружной жизни освободить человека больше, чем он свободен внутренне: «Государь, я ценю только такую свободу, которую у меня не может отнять ни один тиран». Это говорил частный человек, воспитанный благодаря реформам Екатерины II и имевший поразительное влияние на русское общество. С такими людьми уже можно было делать следующий шаг.

Слева направо. Режиссер Л. Бродский, оператор В. Ступин, Ф. Разумовский.

Река Дон, станица Вешенская. 2005 год.

Но когда у нас в начале 1990-х годов общество вышло «из-под глыб» советского тоталитаризма, оно было внутренне несвободно. И когда этим людям вдруг дали внешнюю безграничную свободу, произошел эффект «взбунтовавшегося раба». Всё растащили, разнесли, заплевали... Предвидеть подобное развитие событий было нетрудно. Если в России нет национальных деятелей, если нет подлинных авторитетов, появляются авторитеты другого рода – уголовные. Сначала надо сделать так, чтобы были авторитетные люди в обществе и были те, кто может их слова воспринять. Сегодня, например, если возникнет какая-то проблема в России, кого могут послушать? Появляется человек – и тут же на него находится компромат. Или существует газета – издает ее «олигарх»: понятно, чье это мнение, так что же ее читать? В результате в России не осталось уважаемых людей. Слова правды сегодня нет, его не от кого услышать. Между тем культурная составляющая русской цивилизации базируется на двух понятиях: правда и застенчивость. Если их вынуть, то всё рухнет, так что «костей не соберешь», дальше будут сплошные Разины, Пугачевы и... вплоть до Чубайса.

– Вы не потомок графов Разумовских?

(Широкая улыбка.)

– Лестная для меня записка. Нет, к сожалению. Мне приятно, если возникает такой вопрос. Но род графов Разумовских пресекся еще до революции, так что я даже не могу никому голову морочить мнимым родством.

– Почему вы считаете, что у Познера во «Временах» была «пиррова победа»? Он выглядел достойней, чем Соловьев в программе «К барьеру».

– Есть общее место – еврейского вопроса в России не существует. Владимир Познер это мнение разделяет. Любой, кто высказывается иначе, – антисемит. Если вы посмотрите в Интернете отклики на цикл «Еврейский вопрос – русский ответ», прочтете письма, опубликованные в «Новом времени», то увидите, что и меня в этом обвиняют. Не буду оправдываться, это просто смешно. И всё-таки сегодня у нас происходит

диалог, именно диалог – вы задаете вопросы. Значит, нам есть что обсуждать. Есть вопросы. А Познер считает, что их нет.

Как ни странно, это противоречит даже формальной логике. Говорят, что попытка поднять еврейский вопрос – это уже фашизм. Тогда попытка поднять русский вопрос – уподобление татаро-монгольскому игу. Вся Русь была разрушена во время нашествия Батые. Но это не значит, что я не имею права говорить о недостатках русского народа, к которому я принадлежу и который искренне люблю. Неужели я буду надувать щеки и говорить, какие мы великие, когда мы не можем сделать элементарных вещей? Отношение к истории должно быть таким: за что нам стыдно? В русской истории есть события, за которые стыдно. Если я считаю себя причастным к этой стране, то мне стыдно за некоторые ее действия. В еврейской жизни тоже есть моменты, за которые может быть стыдно, в моем цикле о таких вещах говорится.

Голос из зала: За что стыдно?

(Легкий шум в зале.)

– Чтобы сбить накал эмоций, расскажу о съемках программы, посвященной кишиневскому погрому. Погром – это событие, за которое должно быть стыдно русскому православному человеку. Мы снимали в Шаргороде. В Кишиневе снимать невозможно, он заново отстроен после войны, а Шаргород – еврейский Суздаль, я бы там музей устроил. Старое местечко, мощные улочки, дома с галереями... Когда-то это был один из центров еврейской жизни, а сейчас там очень мало еврейских семей.

Тот, кто видел программу, посвященную погрому, знает, что там нет антисемитизма. Там рассказано о русском человеке, писателе Короленко. У него умерла мать, но тем не менее через два дня после похорон он приехал и написал знаменитый очерк «Дом № 13». С его стороны это подвиг. Он написал, кто и как погиб в результате кишиневского погрома в одном обычном доме. А погибли простые люди: лавочник, фельдшер, бухгалтер... Простые мирные люди. И тем не менее мы должны понять, что в еврейской жизни могло спровоцировать эти события. А такие моменты были. Например, так называемая ссыпка хлеба в южных губерниях. Покупка зерна у крестьян и последующая его продажа в городах находились в еврейских руках. Это не мое изыскание, я всего лишь цитирую мемуары адвоката Слиозберга «Дела минувших дней». Сами евреи считали этот промысел нечестным. Естественно, в Кишиневе не пострадал ни один хлеботорговец – ни крупный, ни мелкий – пострадали совершенно другие люди. Не сказать обо всем этом – я думаю, было бы неправильно. Когда мы это записывали, жившая напротив дама вызвала милицию. Такой была ее реакция. Но на следующий день подошел старик-еврей, извинился, сказал «спасибо» за то, что мы обо всем этом говорим, то есть он воспринял по-другому. Враг рода человеческого всегда дергает за такие ниточки: покупка хлеба, ростовщичество... Это всё описано. И на эти темы надо нормально и спокойно говорить. Объяснить всё это можно. Любое обсуждение идет на пользу.

В программе «Времена» Владимир Познер спросил: нравственно ли то, что евреи добивались выезда из СССР только для себя? И ему кто-то из присутствующих объяснил, что это нормально, в порядке вещей. Я же считаю иначе. Но после этого и после слов о скупке хлеба обвинять меня в оправдании еврейских погромов несерьезно.

Цикл «Еврейский вопрос – русский ответ» был выставлен на премию «Тэффи» и попал в число трех номинантов, из которых на церемонии определяется победитель. Но названия «Еврейский вопрос» на церемонии в титрах не было. Вместо этого написали: историческая программа «Кто мы?». И я пошел на программу «Времена» только для того, чтобы спросить у Познера, почему вырезали название. Он ответил: это сделали без меня, так решил кто-то на НТВ, которое вело трансляцию. Я сказал, на что похож такой поступок. Это похоже на то, что в вышедшей у нас энциклопедии «Русская цивилизация» нет статьи о художнике Левитане. Там вообще нет еврейских имен, которые внесли колоссальный вклад в русскую культуру и цивилизацию! Это маразм, господа.

Название «Еврейский вопрос» испортило бы картину, у многих оно ассоциируется с фашизмом. Но это неконструктивный подход. Я вижу в этом малодушие и недомыслие человека, ориентированного на разрушительный либеральный проект, в результате которого еврейский вопрос не подлежит всестороннему обсуждению. Поэтому я считаю, что это «пиррова победа».

– Ваше отношение к «Двести лет вместе» Солженицына?

– Не думаю, что есть много людей в зале, прочитавших эти два тома полностью. Эта историческая монография со справочным аппаратом, с моей точки зрения, является первой попыткой от взаимных упреков и проклятий выйти на диалог. Попытка, на мой взгляд, не очень удачная. Почему не очень, об этом стоило бы серьезно поговорить. Вместо этого после выхода второго тома за неделю был дан залп отрицательных рецензий невысокого уровня во всех федеральных газетах. В отношении Александра Исаевича было высказано много несправедливого. Это печально, ничего худого Солженицын делать не собирался. Но обсудить и поспорить с автором можно, почему бы нет. Мне представляется отчасти ошибочной сама историософия книги. Невозможно занять позицию судьи и взвешивать, кто больше виноват, кто меньше. Появляется мелочность – эти бесконечные цифры, которые мало что проясняют. Мне представляется, что тут важнее другая сфера: тип поведения, склад ума, психология. Исходя из этого, можно больше понять и разъяснить. Вот пример: император Александр III. Его легко обвинить в антисемитизме. Когда он видел еврея, его передергивало. Но надо представить себе человека, оказавшегося во главе страны в ситуации полного обвала. Либеральные реформы его отца, Александра II, взорвали страну. Одновременно в России шел мощный буржуазный подъем. Русский человек к этому был абсолютно не готов, во всяком случае, в гораздо меньшей степени, чем еврейский мир... Что можно подсчитывать в этой исторической драме? Одним словом, моих несогласий с «Двести лет вместе» немало. Но это именно частные замечания. Сам же факт обращения Солженицына к «еврейскому вопросу» очень важен, для меня это была большая помощь. Вообще, по поводу Солженицына замечательно писала Дора Штурман. У нее лучшая книга о Солженицыне, и написана она человеком, живущим в Израиле. Миф об антисемитизме великого писателя она разрушила полностью.

Двѣа АІІ, нòàт èöà Аàòàт нѣàт.

2005 ãã

– С кем из действующих политиков вам удалось беседовать, как Карамзину с Александром I?

– Это так же лестно для меня, как и вопрос о возможном графском происхождении. К сожалению, я не Карамзин. Но и Александра I что-то не просматривается.

– Вероятно, вы впервые встретились с чисто еврейской аудиторией. Ваши впечатления?

(Разумовский смеется. Ответный смех в зале.)

– Я живу не на Марсе и не на Луне. Ежедневно с большим удовольствием встречаюсь с еврейской аудиторией.

– **Считаете ли вы, что сценарий, по которому живет сейчас русский народ, хорош для него? Долго ли продлится эта серия?**

– Ну как же хорош, если в одно воскресенье в метро четыре человека кончают жизнь самоубийством?! Что тут хорошего, господа? Это ужасно, и тут даже нет сценария. Есть то, что хуже ошибки, – глупость, абсурд!

– **В своих передачах вы говорите, что люди не меняются на протяжении веков, не меняется их стержень, их психология. Если так, то есть ли вообще прогресс (не технический) и в чем он?**

– По поводу не технического прогресса – очень сомневаюсь. Возможны ли сегодня такие люди, как царь Саул, царь Давид? Сегодня настолько всё мелко – и наверху, и везде... Какой прогресс, господа, вы о чем? Мы долгое время питали иллюзии по поводу прогресса. Считали, что если мы создали нечто, движущееся со скоростью 120, а потом и 220 км/час, то во столько же раз стали умнее, глубже, содержательней! Нет, тут зависимость, судя по всему, обратная. Спасибо за ваши вопросы.

ЯКОВ БЕЛИЛОВСКИЙ: «И БОЛЬШЕ ИХ НЕ БЫЛО»

Он не любит, когда его называют «Яков Бенционович».

– Пожалуйста, просто Яша.

У него седая голова. И лицо крупной лепки. Немосковский говор с певучей мелодикой, с чуть шелестящими шипящими. Как-никак, родной-то язык – идиш. И учился в еврейской школе. А после – на практике – усвоил украинский. Смертельная была практика...

Обожает старые швейные машинки. И руками, кажется, умеет всё: сапожничать, стричь, шить... Почти весело рассказывает о своей фантастической судьбе, о том страшном, что довелось пережить и увидеть. Трудно поверить, что этому невысокому, энергичному, жизнерадостному человеку – 75. Что был в Ружинском гетто. И несколько раз – на краю гибели.

דוֹאַַעִי

В 1929 году, когда я родился, наше местечко называлось уже ПГТ – поселок городского типа (райцентр Ружин) Житомирской области. Примерно полторы тысячи евреев. И столько же украинцев, русских... На речке Рось – двухэтажная красавица-синагога. Туда – маленького – водили меня родители. Отмечали праздники: брис, бар-мицву...

Потом синагогу закрыли. Евреи-мужчины по десять человек (миньян) собирались у кого-нибудь дома. А председатель поссовета Бродецкий и его зам (тоже еврей) с хорошей фамилией Малюта разгоняли молящихся. Спасибо – не доносили.

ד' א' ע' ו' א' ע' ע'

Мой папа, Белиловский Бенцион Яковлевич, работал кацевом, шойхетом, резником. Как и его отец, и братья отца. До революции, нет, даже до 1928 года был кошерным мясником, а после – на государственной бойне. Субботу, однако, соблюдал. Ходил в синагогу, откуда действовала. Имел талис, цицис, тфилин...

Мама – Одл Нохимовна – портниха. Но как я родился – сидела с детьми. У меня две сестры и брат. Я самый младший.

א' י' ע' א'

К 1932 году прекратилась государственная торговля. Прикрылась и бойня – нечего резать. Отец и старшая сестра Сима (16 лет) уехали в Москву к бабушке, что переселилась еще раньше. Отец устроился сторожем и снабжал нас московскими посылками: хлеб, сухари, рыбий жир... Вот мы и выжили.

Ведь было как? Утром приходили на рынок, а вечером смотришь – некоторые уже без движения. Сидят, лежат. И ноги опухли. Их не трогали день-два, а потом поссовет собирал мертвых... Это уже 1933 год.

ו' ע' י' ע' א'

Учился в еврейской школе, единственной на всю область. Была и украинская... Но родители отдали в еврейскую.

Был октябренком. Был и пионером. Как все...

Нормальное советское детство. С футболом, волейболом, демонстрациями, катанием на лодках и лесными походами. Никаких «межнациональных конфликтов». Так, драки с мальчишками...

Перед самой войной закончил я начальную школу. Перешел в пятый класс.

י' א' י' ו' ו'

13 июля сбежала местная власть. 16-го прикатила танкетка с мотоциклистами. Остановились, размялись, осмотрелись. Двинули на мост – не заминирован ли...

Мы, мальчишки, прямо глаза вылупили. Взрослые не то чтобы не боялись, а как-то не представляли, что будет. Ведь кайзеровские солдаты в первую мировую особо злобой не отличались...

После разведки колонной вошли войска. Обычные, не эсэсовцы. Посшибали с магазинов замки, но ничего не взяли. Да что им нужно, фронтовикам?.. Помню, какой-то немец стоял на крылечке с гармошкой, растягивая меха. Поиграл и бросил... Ну и наши, местные, видят такое дело, – тащи, не стесняйся...

Через два дня – объявление на столбах: приглашают добровольцев в немецкую полицию. Евреям – наряд на работу: где полы вымыть, где освободить помещение – книги свалить на площади и поджечь. Собрали человек десять, велели ломать памятник Ленину. А он бетонированный, по-быстрому не справишься... Ну и поставили к стенке. Винтовки вскинули, прицелились... И отпустили... Хохочут.

Был приказ, чтобы каждый еврей, даже ребенок, имел на груди (с левой стороны) и на спине желтую заплатку. Не звезду, а круглый лоскут. Диаметром 5–6 сантиметров... И у меня тоже была заплатка. Молодые девушки прятались, чтоб лишний раз не попасться на глаза. Сестра Руня (17 лет) лежала в кровати. Мать обмотала ей голову и написала «тиф».

10 נָאִי אֲבָדָב

В тот день закончилась мирная жизнь. Едва рассвело, прибыла команда эсэсовцев. Всем евреям выйти на площадь!.. Перед универмагом. Напротив нашего дома. Полицаи кричали, мол, на работу... Лил дождь, очень плохая погода. Отец сказал:

– Тебе надеть нечего, сиди дома. – Спрятал меня на чердаке, а лестницу убрал...

Я проделал отверстие в черепице и всё видел. Разделили мужчин и женщин с детьми. Отвели в сторону (вместе с семьями) специалистов – портных, сапожников, часовщиков, парикмахеров... Посреди площади – ведро. Для драгоценностей. Кольца, часы, сережки, браслеты...

Сперва погрузили мужчин – будете, дескать, строить дорогу. Потом женщин – «копать картошку». Какой-то эсэсовец выхватил у Миндл Винокур грудного ребенка и – головкой – под водосточную трубу. Младенец захлебнулся. Эсэсовец отдал его матери. Она закричала. А он указал палкою, чтобы лезла в кузов. Это я видел сам, своими глазами.

Повезли не на работу, а в ружинский лес. И расстреляли из двух пулеметов. Девятьсот пятьдесят мужчин и женщин. Мой отец, мать, сестра Руня... Их убили. И больше их не было.

אֲוֹוִי

Остались на площади дети и специалисты с семьями, человек восемьдесят. Начальник полиции Руденко и его заместитель Возняк командуют: разбирайте детей – родителей больше нет. Вот вам двенадцать домов по Школьной улице... И наш дом тоже попал в гетто.

Я лежал на чердаке до шести вечера. Знакомые и соседи – Плисковские, Кригер, Кращунские – ходили по местечку и выкликали: «Есть кто живой? Не бойтесь! Уже не трогают...» Я и спустился. Плисковский говорит: иди жить ко мне.

На другой день завезли столбы, обнесли «колючкой», соорудили ворота... Настоящее гетто! Направляли сюда окрестных евреев. Набралось к маю человек пятьсот.

Были у нас вечерние молитвенные собрания. Порой и меня включали – восьмым-девятым – в этот миньян.

Выживали кто как умел. Раз в день – баланда. Потом что-то обменивали. Помогали друг другу. Только вот малыши умирали часто – лекарств никаких...

Я тоже заделался специалистом – подмастерьем обувного закройщика. Платили едой: хлебом, овощами, яичками... Как-то перебивались.

אֲוֵאֵי אֲוֵ

Население в основном хорошо относилось. Жалели, подкармливали... Да и как иначе? Все знали друг друга, кто чей. Столько лет вместе... Хотя, конечно, всяко бывало.

Полицай Яков Кравчук вывел меня из гетто, чтобы помыл велосипед. Потом вынул платок, потер по крылу и показывает – нечисто. Ударил нагайкой, рассек лоб и бровь... А рядом – поликлиника. Я – туда. В кабинет к врачу – к Белявской.

– Мы жидов не лечим, – она говорит. – Уходи отсюда.

В коридоре сидела молодая женщина – Яворская. Сняла с головы платок, перевязала. И за руку, чтоб не упал, проводила домой, в гетто. А тоже украинка. Помню ее до сих пор.

11 АВ

Да, забыл! Была со мной старшая сестра – Сима. Как телеграфистку, забрали ее в армию, в штаб. Под Киевом попали они в окружение, штаб разбежался. И Сима ничего лучшего не придумала, как прийти домой, прямиком в гетто... Я чуть в обморок не упал.

На рассвете 1 мая – опять эсэсовцы. Сейчас же всем быть в синагоге!.. Я понял, что будут расстреливать, и укрылся в дровах. В поленице. Загодя обустроил местечко. А сестру упрятал в каморку, где раньше держали поросенка, – засыпал соломой... Часа через три нагрянули полицаи. В дрова не полезли, а в поросячем сарайчике отыскали сестру...

Детей – на подводу. Взрослые пешком. И – до коммуны-совхоза. Там ямы, где зимою хранили свеклу... Расстреляли пятьсот человек. Мою сестру Симу тоже... Эсэсовец говорит:

– Кто изъявляет желание бросить детей живыми?

И нашелся такой полицай, который всех маленьких – сорок человек – пошвырял в яму.

Помню имена некоторых: шестилетние Поля Шамес, Шулька Плисковский, Прилуцкая, Винокур (мальчик лет пяти), Бродецкий...

А І І А А А Е А

С гетто сняли охрану (некого охранять), и местные к вечеру разворовали дрова.

Я убежал из города и зарылся в скирду. Три дня ледышки сосал, а на четвертый вылез. И пошел в деревню Криливка. Дали молока, сала, хлеба. Бери что хочешь, только уходи!.. Был ведь приказ: если у кого в хате застанут еврея (то есть не еврея – жида) – конец всей семье... Ну и поплелся в скирду.

В полдень приходит девушка за соломой. Я сдуру высунулся, сделал ей вязочку, положил на плечо... И заснул. Вдруг сапоги топают. Два полицаи – Лодыжко Василь с пистолетом и Уштанит с винтовкой.

– Не ховайся! – кричат.

И штыком сквозь солому.

А Лодыжко Василь меня знал. Бойня, где отец работал, – в их доме, в деревне Баламутовка, и я туда часто наведывался. За одним столом обедали, чай пили. Ну и говорю:

– Пан Лодыжко! Отпустите меня. Вам же прекрасно известно, кто я такой. Не коммунист. И отец – рабочий...

– Молчи! Не имеем права!

А было воскресенье. Базарный день. Идем через рынок. Бабы орут:

– Тикай, хлопец!.. Зачем мальчика поймали?!

Да Уштанит, здоровый лоб, ухватил за шиворот – куда денешься...

Сидим в подвале. Человек десять наловленных. А фундамент гнилой. Собаки бродячие да кошки бездомные с воли на волю шастают... К ночи новый полицай заступил – Заселян Пилип. Лет восемнадцати. Тоже, вроде Лодыжко, был у отца в помощниках. Я – втихую к нему:

– Пилип, что с нами будет?

– Завтра того... на распыл.

Я и заплакал. Он говорит:

– Покуда дежурю, принесу железяку. А ты пробей дырку побольше, готовься... – И, правда что, притащил ломик.

Расширяю кошачий лаз. А ночь! Железом по кирпичу, – кажется, весь мир перебудишь... Ну, кое-как наладился – голову просунул. Я ж маленький, тощий. На вид не двенадцать лет, а семь... Пилип сменился, нас посчитали – и шмыг наружу. Говорю ребятам:

– Давайте за мной!

Да один больно толстый. А другой:

– А-а, нас завтра выпустят...

А их – как Пилип говорил – в расход.

Ї ДААААІ ЁЁЁ

До середины мая живу в лесу, километрах в десяти от города, за деревней Голубовка. Побираюсь по домам. Кормить кормят, а ночевать – ни-ни. Страшно... Была там семья Левчуков – Анна Васильевна с мужем Федором. Вот она-то, Анна Васильевна, и повстречала меня в лесу.

– Сыночек, – спрашивает, – а где ж ты спишь?

– Тут, – говорю, – и сплю. Хворост набрал. Старую телогрейку мне подарили.

– Заходи-ка вечером к нам.

Пришел. Уже темно было.

– Садись, – приглашают, – за стол. Кто ты, откуда?.. Только правду.

А что мне терять? Я уже ничего не боялся...

Семья Левчуков причислена сейчас к Праведникам народов мира. Федор Левчук погиб на фронте в 1944 году. Анна Васильевна умерла в 1979-м. Награду вручили их сыну Ивану, тоже Праведнику. Он на год меня моложе. А была у Левчуков еще девочка двухмесячная... А не испугались, взяли к себе, относились, как к сыну. Да там вся деревня – золотые люди. Никто не продал, не выдал... Однако ж не без уroda.

Пасу я коров, а парень лет восемнадцати – Глечик – ко мне:

– Ты, – говорит, – жидок. Сбежал из гетто. И я, – говорит, – обязан доставить тебя в полицию.

– Ты что? – отвечаю. – Зачем? Я пастух. Как же коров брошу?.. Хоть на руках неси!

А он, здоровый такой (после на шахте вкалывал, в Донбассе), схватил за руку да поволок. Два километра тащил. Упарился. И самокрутку сворачивает... А-а, думаю, была не была! И дал стрекача. Бегать-то я горазд. Отъелся малость на деревенских харчах.

Отдышался. И что же, соображаю, теперь? Обратного нельзя: Левчуков под расстрел подведу. И пошел назад. В гетто. Сам.

Ñěäää íáí ðääí.

Î. Áääëíáääëý ñííáääääé.

Î ééíí 1913 áäää

24 ÈÐ ÈÇ 1942 ÁÎÄÄ

Все специалисты – человек пятнадцать – ютились в одном доме. Семьи, детей убили у них на глазах, а сами специалисты работали... И снова Плисковский меня принял.

Я заранее приглядел местечко, где затаиться, – в разбитом доме, куда мусор бросали. Дырка сантиметров на сорок. Досточкой прикрыл, чтоб не заметили...

В три часа ночи (светло уже) заезжает машина с немцами и полицией – «на работу». Да какая работа?.. Я в свою дырку – фырк – и в печку нырнул. Хорошо, ногами, не головой, а то бы задохся. Кирпичами, досками завалил... Никто не хватился.

А пятьдесят человек погрузили в машину – и на Бердичев... По сей день неведомо, куда эти люди подевались, где их могилы...

Промаялся в печке часов до четырех. Слышу – Плисковский и Кригер обо мне беспокоятся, мол, Яшу не видели на машине... А я полумертвый – гари печной наглotalся.

– Аврум, – прошептал, – я здесь... – Кирпич ногою толкнул.

Вытащили, отмыли, накормили... Ну и опять живой! До следующей «акции».

ՆԻ ԱՆՈՒԷԱ

1943 год самый опасный. Каждую минуту думаешь: вот сегодня убьют... И бежать некуда.

Что ни день, в 7 часов и в 19 ходили под конвоем на переключку. Где-то в сентябре окружили всех полицаи и погнали к лесу. В колонне – много молодых ребят, и дальний мой родственник, Мойша Абович Белиловский (он теперь в Америке), крикнул:

– Нас ведут убивать!

Мы – врассыпную. Я – не к лесу, как многие, а за плетень, в огород, где кукуруза с подсолнухом... А восемьдесят человек погибли. Рядом со мной убили Рувима Сегала, убили Этл, продавщицу... забыл фамилию...

А я – назад к Левчукам, в Голубовку. Те увидели меня – обрадовались.

– Не бойся! – говорят. – Мы того парня, Глечика, «взяли в оборот». Наши, дескать, придут, повесят тебя на первом столбе.

И он, Глечик, передо мной каялся, повинился:

– Ой, Б-га ради, не журысь! На колени встану...

Я и простил.

Федор Левчук, через родственника, добыл справку, вроде метрики, что родился я в Голубовке, фамилия – Левчук, Яков Федорович. Будто бы я – их ребенок... И справочка пригодилась!

Как-то пасу коров, а тут – полицаи:

– Где партизаны?

– Не бачил.

– А ты не жидок?

– Откуда? Вот мое свидетельство. – И достаю «метрику». Честь по чести – Левчук Яков Федорович, родился в Голубовке...

– А ну, кажи «кукуруза», кажи «горох»!

Я, хвала небесам, не картавый...

РУССКИЙ ДВОРЯНИН И «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»

Людмила Поликовская

Имя Михаила Осоргина звучит не так громко, как имена других писателей, его великих современников. В советскую эпоху его романы не издавали, а в перестроечную издали, когда практически всё лучшее, созданное эмиграцией «первой волны», было уже известно. Самые интересные произведения Осоргина, быть может, те, где разговор автора с читателем идет без посредников, собственные мысли не передоверяются героям, а сюжет взят из реальной жизни. Это тексты, осевшие в так и не переизданных книгах: философско-публицистических, очерковых. Иногда даже невозможно определить их жанр. Рассыпанные еще и по газетам и журналам, они до сих пор известны не полностью и немногим.

Михаил Осоргин (настоящая фамилия Ильин) родился в 1878 году в Перми, в семье обедневшего, но очень знатного дворянина: согласно «Российской родословной книге» П. В. Долгорукова, Ильины – прямые потомки Рюрика. В городе и вокруг, как и вообще на Урале, жили представители множества народностей: пермяки, коми, удмурты, татары... Ильин еще гимназистом понимал: «цельной России нет и никогда не было, она состоит из нагромождения земель, климатов... народов, языков и культур. Из нее, многобожной и языческой, старательно выкраивали “матушку-Русь православную”».

Он имел полное право – уже на закате жизни – сказать о себе, что не испорчен ни сословными, ни расовыми предрассудками... К сожалению, предрассудки «классовые» на короткое время затронули и его. Он принимает участие в революции 1905 года. Далее – арест, выход из тюрьмы под залог, бегство в Италию. С 1908 года Осоргин – итальянский корреспондент «Русских ведомостей».

1913 год. Русские газеты освещают дело Бейлиса. Иностранному корреспонденту должен писать о событиях за границей. Российские дела – не его епархия. Но как быть, когда горечь и стыд за то, что творится на родине, сжигают душу?! И он использует старинный прием: рассказывает о происходящем в России глазами западного человека.

Итальянский корреспондент «Русских ведомостей» сообщает: «Что можем ответить мы сегодня на немой вопрос европейца? Что мы не виноваты в этом позоре, что этот дикий процесс – продукт темных сил России? На чем мы можем базировать нашу невиновность в навете на евреев, оформленном в судебный процесс? На нашем бессилии? Но ведь бессилие – это и есть наш первый и пушистый позор в глазах европейца. Кто теперь поверит нам, что по улицам Москвы не ходят белые медведи, что мы также употребляем тарелки и вилки, что кочевой период в России закончился, а боярам на улице бород не стригут, что мы моемся мылом и имеем... университеты... Попозже, когда уйдет в прошлое и эта “злоба дня”, к нам вернется, быть может, решимость снова, шаг за шагом, растолковывать зрителям, мимо которых ночной порой проносятся

вагоны нашей истории, что в России есть и еще что-то, кроме столь известных европейцу атрибутов нашей родины: vodka, nagaika, pogrom».

В Италии Осоргин знакомится с семнадцатилетней Рахилью Гинцберг, дочерью киевского раввина, активного сионистского деятеля. Молодые люди полюбили друг друга. Но как жениться? Различие в вероисповеданиях в те времена было препятствием непреодолимым. И Михаил Андреевич принимает решение, руководствуясь, как всегда, только собственной совестью: он проходит гиюр и принимает иудейство. Нет, он не стал верующим иудеем; в те времена он называл себя «веселым безбожником». Он был убежден, что человеческая жизнь не должна быть принесена в жертву идее – ни политической, ни религиозной. Однако отказ от брака, основанного на еврейских законах, убил бы отца Рахили. Пойти на это Осоргин не мог. (Брак длился около десяти лет, и после развода он, скорее всего, просто забыл, что когда-то принял иудаизм.)

В Италии же Осоргин знакомится с другим сотрудником газеты «Русские ведомости» – В. Е. Жаботинским. С тех пор взаимное уважение и глубокая симпатия связывают этих двух людей, разных по происхождению и жизненным целям, но близких по культурным, философским пристрастиям, по взглядам и устремлениям. И еще у них была общая любовь – Италия. (Оба в совершенстве владели итальянским.)

В 1916 году Осоргин, так и не получив официального разрешения, на свой страх и риск возвращается в Россию. По условиям военного времени – кружным путем, через Францию, Англию, Норвегию, Швецию. В Лондоне он проводит несколько дней с Жаботинским. Они отводят душу разговорами по-итальянски – о чем угодно, кроме политики. Только однажды Михаил Андреевич позволяет себе спросить: «Вы уверены, что еврейское государство будет лучше прочих?» «Я уверен, что оно будет хуже, – отвечает Жаботинский, – но мне будет приятнее, когда бить мне морду будет свой, еврейский городской». Отшутился Владимир Евгеньевич. Но гость и не пытается добиться серьезного ответа. Он считает, что только еврейский народ имеет право решать, нужно ему отдельное государство или нет, а русский человек (или человек любой другой национальности) обязан это решение принять – каким бы оно ни было.

Вернувшись в Россию, Осоргин становится одним из самых крупных русских публицистов и непримиримым врагом большевиков. Но ни в одной из его многочисленных статей не говорится о национальной принадлежности того или иного большевистского лидера. Впоследствии, уже во второй эмиграции («французской»), он напишет: «Вся наша революция от декабристов до большевиков – типично русская, славянская революция. Многие будут это оспаривать, но для меня Плеханов всегда заслонял Мартова, Мазурин (в 1905 году один из руководителей Московского вооруженного восстания. – Л. П.) и Каляев – Гоца (один из основателей партии эсеров. – Л. П.), Ленин – Свердлова, не говоря уже о высокой, внеконкурентной значимости имен Лаврова, Михайловского, Бакунина, Кропоткина, Толстого. Если социал-демократизм – продукт импортный, то большевизм – чисто национальный, нашенький, нутряной». Он уверен: бандитское «правительство Владимира» – следствие, а не причина.

И. Ивдеев.

«Правительство Владимира» предпочло избавиться от Осоргина. В 1922 году он был выслан на знаменитом «философском пароходе», увозившем из страны лучших философов, ученых и литераторов. По воспоминаниям современников, Осоргин на пароходе плакал: внутреннее чутье подсказывало ему, что никогда больше не увидит он родину.

Прожив недолгое время в Берлине, Осоргин уехал оттуда и обосновался во Франции. Всё написанное им в Париже – будь то роман или газетный очерк – всё о России. И только по-русски. (Хотя французским, так же как итальянским, он владел в совершенстве.) До 1937 года жил с советским паспортом. «Вне России никогда не чувствовал себя “дома”, как бы ни свыкся со страной, народом, языком».

Он печатается едва ли не во всех эмигрантских изданиях. В том числе и в редактируемой В. Жаботинским газете «Рассвет» – «общественно-политической и литературной еженедельной газете, посвященной еврейским интересам». Но и там он выступает как русский человек, хоть и болеющий прежде всего за свой народ, но умеющий отдать должное народу другому. В статье «Русское одиночество» (1925) Осоргин признается: «Свои, русские, мне гораздо ближе по духу, по чистоте языка и говора, по специфическим национальным достоинствам и недостаткам. Иметь их моими единомышленниками и соратниками мне ценнее, просто даже удобнее и приятнее. В многоплеменной, вовсе не русской России я умел уважать и еврея, и татарина, и поляка и за всеми ими признаю совершенно одинаковое со мной право на Россию, нашу общую и нашу родную мать: но сам я из русской группы... из той духовно влиятельной группы, которая дала основной тон российской культуре». Однако теперь «русский за рубежом захирел и сдался, уступив общественные посты иноплеменной энергии... Еврей акклиматизируется легче... – его счастье! Зависти не испытываю, готов за него радоваться... Но есть одна область, где “еврейское засилье” решительно бьет меня по сердцу: область благотворительности... Обращаться к богатым русским – бесполезная и унижительная трата времени». Другое дело – «отзывчивое еврейство».

В ответной статье, написанной, по всей видимости, самим Жаботинским, говорилось, что «взаимопомощь – есть один из основных навыков диаспоры», порожденных самой историей евреев, и с ним поэтому нельзя связывать имманентные качества еврейского народа, якобы возвышающие его над всеми прочими.

Следующая (не менее характерная для Осоргина) публикация в газете «Рассвет» – статья «Был ли Толстой антисемитом?» (1929). Статья, видимо, написана по просьбе В. Жаботинского и как бы служит ответом русского писателя на ранее опубликованный в «Рассвете» материал, обвинявший Л. Толстого в антисемитизме.

«Для меня представляется несомненным, – пишет М. Осоргин, – что Толстой не мог быть антисемитом в обычном значении этого слова: это противоречило бы его душевному складу и его идеям. Не сомневаюсь и в том, что погромы, а особенно те, в которых было явно прямое или косвенное участие властей, были ему отвратительны и его возмущали. Но вряд ли он мог быть и “филосемитом”, т. е. человеком, особенно остро скорбевшим о печальном положении евреев в России. Толстой не любил лицемерия, а филосемитизм русской интеллигенции был почти столь же театрален, как и “любовь к мужику”. Он всегда был подсахаренным, потому что евреи не были равноправными, значит, и относиться к ним спокойно и критически было невозможно; порядочный человек был обязан им сострадать, а любовь по чувству долга – не настоящая любовь. ...Допускаю и то, что евреи как нация не были ему привлекательны. Это не антисемитизм, не преступное отношение к угнетенной нации, а просто реальное отношение, основанное на чувстве взаимного притяжения и отталкивания. Вам ближе еврей, мне ближе русский... Есть чувства, с которыми не справишься, – да вряд ли и браться следует. ...Участвовать в театральных выступлениях “филосемитов” по чувству долга Л. Толстой не мог. Я ведь лично не верю в искренность филосемитизма тех многих, которые пишут и говорят вам, евреям, пламенные слова, и вам верить не советую. Гораздо дороже должно быть простое признание: “Свои мне, конечно, гораздо ближе, и за своих я буду ратовать горячее, но я человек и по человечеству принимаю к сердцу и ваши национальные страдания; за своих я положу душу, вам же предлагаю, например, мое честное перо”... Я понимаю и ценю, что для вас, как евреев, нет ничего важнее и трепетнее еврейского вопроса. Но в картине мира и общечеловеческого бытия судьба еврейства – лишь страничка обычного размера. Невозможно требовать от всех такого страстного отношения к этому вопросу, какое естественно для вас, – а особенно после того, как евреи в России уравниены со всеми гражданами, если не в правах, то в бесправии».

В октябре 1930 года отмечалось пятидесятилетие В. Жаботинского. Юбилейный номер газеты «Рассвет», естественно, был полон всевозможных дифирамбов главному редактору. Из этого хора выделяется голос Осоргина. Он также, разумеется, поздравляет Жаботинского. Но основная тема его выступления другая. Ибо его позиция – позиция русского человека.

А. Жаботинский

«Я поздравляю евреев, что у них есть такой деятель и такой писатель. Но это не мешает мне искреннейшим образом злиться, что национальные еврейские дела украли Жаботинского из русской литературы... Но какая судьба, Владимир Евгеньевич! Вот вы несомненно гражданин Сиона, как я – гражданин советской республики. Я, русский, всей душой люблю мою старую родину; вы, еврей, всей душой любите свою новую, поэтому мы оба проживаем преимущественно в Париже и оба, насколько я правильно осведомлен, имеем мало шансов переменить адрес на более национальный. Мне думается, что в этом нелепом обстоятельстве есть нечто связующее и указующее путь от национального к общечеловеческому».

Здесь уже звучит та мысль, которую Осоргин выразит в своей речи на юбилее Шолома Аша: судьба русского интеллигента наиболее близка судьбе еврея¹. «По внутреннему, идейному содержанию его (Ш. Аша. – Л. П.) произведения именно нам, русским, близки и понятны и делаются всё ближе и понятнее по мере того, как новые судьбы русского народа начинают во многом повторять судьбу народа еврейского, народа-мессии, ищущего и страждущего. И в особенности понятно оно той части русского народа, которая вынуждена жить по чужим странам в рассеянии, подобно еврейскому, в постоянной тоске по своему Сиону. Именно здесь мы поняли, что такое черта оседлости, ограничение в правах передвижения, как действует на душу человека постоянная подозрительность и незаслуженное неуважение к его нации, виноватой лишь в том, что ей выпала судьба быть ферментом духовных, политических и социальных исканий нашего времени, что ее боятся духовные мещане Старого и Нового Света, дрожащие за свое маленькое житейское благополучие... Я говорю от своего имени, никем не уполномоченный, но я не сомневаюсь, что таково же отношение к Шолому Ашу большинства знающих его русских писателей».

Не раз Осоргин откликнулся на выход в свет произведений еврейских писателей. Он рецензировал оба романа В. Жаботинского («Самсон Назорей» и «Пятеро»), «Хасидские рассказы» И. Переца, роман А. Высоцкого «Суббота и воскресенье». И всюду Осоргин «высвечивает» проблемы общечеловеческие, те, что роднят еврейский народ с русским.

С начала 30-х годов Осоргин всё больше времени и сил отдает масонству. Он гордится своей принадлежностью к единственной в мире организации, объединяющей людей всех национальностей и политических убеждений. Осоргин (с 1931 по 1939 год) – активный член ложи «Северная звезда». По словам исследователя русского масонства В. Серкова, «господствующей идеей» ложи было «общественное служение русской интеллигенции». Но в ту же ложу входил и В. Жаботинский, и другие евреи, и это лучшее подтверждение того, что масонские декларации не были пустыми словами. К сожалению, о деятельности Жаботинского в качестве масона нам известно очень мало. Достоверно одно: 7 января 1933 года он выступил на заседании ложи с докладом «О социальной революции в Библии».

Неожиданная смерть Жаботинского потрясла Осоргина. «Правда ли об Влад(имире) Евг(еньевиче)? Не слух ли только? Разве он был болен? Или внезапно? Один из замечательнейших людей нашего времени!» – пишет он 21 августа 1940 года заместителю главного редактора газеты «Последние новости» А. Полякову.

Некролог Осоргина был опубликован в США, в газете «Новое русское слово». «Один из замечательнейших людей своего времени» – это звучит и там. Но опять-таки Осоргин говорит прежде всего о вкладе Жаботинского в русскую культуру и о тех качествах его личности, которые делали еврея и сиониста Жаботинского близким русскому писателю, человеку, влюбленному в Россию, – Михаилу Андреевичу Осоргину.

Не случайно некролог напечатан в американской газете. После немецкой оккупации двери парижских редакций закрылись для Осоргина: фашисты преследовали не только евреев, но и масонов – те не соглашались с их расовой теорией. По этой причине Михаил Андреевич был вынужден покинуть Париж и поселиться в местечке Шабри, в неоккупированной зоне.

А. Осоргин

С началом войны вновь расцветает талант Осоргина-публициста. Свои очерки он разными путями переправляет в Америку. Очерки складываются в два цикла – «В тихом местечке Франции» и «Письма о незначительном». Одна из глав «Писем о незначительном» называется «Еврейский вопрос». Если в первой половине 30-х годов Осоргин считал, будто никто не обязан особенно заботиться о евреях, ибо они уравниены в правах (или в несправии) с другими народами, то теперь, во время войны, евреи снова стали преследуемой нацией. И посему, настаивает Осоргин, долг каждого порядочного человека – вне зависимости от любви или нелюбви к этому народу – прийти ему на помощь.

Преследованиями евреев он возмущается и в личных письмах. «Из Виши сейчас изгоняют евреев. Мой молодой друг, еврей, солдат, раненный дважды, едва бежавший из плена, был в Виши вызван полицией, и ему предложили убраться куда угодно и освободить Виши от своего присутствия».

Что бы он сказал, узнав о Дахау и Освенциме?!

Сочувствие Осоргина всегда было действенным. И он по мере сил старается помочь всем, попавшим в беду, – продовольственными посылками, содействием в получении американских виз... Старается, не задумываясь о том, кому помогает – русскому, еврею или французу.

Условия жизни самого Осоргина оставались в ту пору тяжелейшими, здоровье было подорвано. Он умер 64 лет отроду, 27 ноября 1942 года.

Некролог появился только в следующем году. Автор, Г. Гурвич, лично знавший Осоргина, писал: «...Осоргин был не только крупнейшим писателем. Он был замечательным человеком... последним рыцарем духовного ордена русской интеллигенции. Служение этому ордену было его призванием – не менее важным и важным, чем его писательская деятельность».

В «ПАРАДНОЙ ГОСТИНОЙ»

Аאי זאבֿעֿן נאָר פֿאַ

В «парадной гостиной» «квартиры» Маршака мне тоже случилось несколько раз побывать. Об этом, как и обещал, я еще расскажу. Но сначала надо объяснить, как и почему получилось, что в «квартиру» Маршака я попал, минуя не только «прихожую», но и эту «парадную гостиную»: сразу оказался в «кабинете».

Если бы впервые я заявился к Самуилу Яковлевичу с официальным визитом от «Литературной газеты», где я тогда работал, наверно, и меня тоже прежде, чем пригласить в «кабинет», какое-то время помуржили бы в «прихожей», а потом и в «парадной гостиной».

Но я пришел к нему не от газеты, а – от себя.

В 1959 году вышла первая моя маленькая книжечка: «Л. Пантелеев. Критико-биографический очерк».

«Республика Шкид» была одной из любимых книг моего детства. А пантелеевские рассказы «Часы» и «Пакет» принадлежали к числу самых любимых. Поэтому, когда в списке классиков советской детской литературы, об одном из которых мне было предложено написать небольшой критико-биографический очерк, я увидел фамилию Пантелеева, я сразу решил, что писать буду не о Паустовском, не о Катаеве и не о Кассиле (очерк о Гайдаре, о котором к тому времени мне тоже было что сказать, был уже кому-то заказан), а именно о нем – к тому времени, увы, уже почти забытом: к стыду своему, я даже не знал, что один из соавторов легендарной «Республики Шкид» еще жив.

Книжечка была написана и вышла в свет, – как водится, сильно пострадав от вмешательства редакторского красного карандаша. Но это была первая моя книжка!

Самому мне это в голову вряд ли пришло бы, но друзья и доброжелатели уговорили меня послать один экземпляр Маршаку, а другой – Чуковскому. Я слегка посопротивлялся (как-то стыдновато было посылать классикам и корифеям этот мой жалкий «первый блин», который, как и полагается, вышел комом), но в конце концов всё-таки послал. Корнею Ивановичу просто по почте, а вручить мою книжку Самуилу Яковлевичу вызвалась Лидия Корнеевна, с которой я в то время был уже хорошо знаком.

Отправляя Чуковскому и Маршаку этот свой «первый блин», я ничего не ждал и решительно ни на что не рассчитывал. Это был, как уверяли меня друзья, просто жест вежливости.

Но у стариков были на этот счет свои понятия.

От Корнея Ивановича очень быстро пришло довольно обстоятельное письмо, в котором комплименты, совсем мною незаслуженные, перемежались несколькими меткими критическими замечаниями, свидетельствующими о том, что письмо его было не просто актом старомодной вежливости, что книжечку мою он действительно прочел.

Ἰ ἀλλοδαῖά ἰ ἵρ ἐλέαεό Ναι ὀεό Βεῖάεε: ὁ Ἐεῖῦ Ἐῖῖ ἀαῖ ἰ ὀεῖάεεῖ.

Позже, когда я уже был знаком с Корнеем Ивановичем очно и даже не раз уже прогуливался с ним по переделкинским улочкам и переулкам, во время одной из таких прогулок он вдруг сказал мне:

– Между прочим, всё забываю вам сказать: здорово вы в своей книжке щелкнули по носу эту старую дуру Крупскую!

С Крупской я там действительно слегка полемизировал, но в тоне, как это тогда полагалось, вполне почтительном. Полемика эта была такой робкой и бледной (тут поусердствовал и редактор), что ее даже – без микроскопа – трудно было и заметить.

Но у Корнея Ивановича на Крупскую был зуб, и даже такая жалкая тень полемики с боевой подругой и соратницей Ильича доставила ему неизъяснимое удовольствие.

Чтобы не остаться в долгу, я в свою очередь тоже сделал Корнею Ивановичу комплимент. Вспомнил, как он в давней, еще дореволюционной статье написал: «Как же надо было оторваться от родной почвы, совсем уже перестать чувствовать дух родного языка, чтобы изобресть такое уродливое слово, как “отзовизм”».

Брякнув этот свой комплимент, я тут же пожалел об этом. Ведь это уродливое слово изобрел не кто иной, как сам Ленин, и мое бестактное напоминание об этом его глумлении над «священным писанием», каковым являлось тогда каждое слово вождя мирового пролетариата, вполне могло показаться Корнею Ивановичу даже и провокацией. Во всяком случае, не могло, как мне казалось, его не напугать.

Но он в ответ озорно подмигнул мне и – не без самодовольства – произнес:

– А что? Лихо это было?

Я обрадованно подтвердил: еще как лихо!

Радостно мне было, конечно, и от того, что своим знанием той старой его статьи я доставил ему истинное удовольствие. Но еще больше обрадовало меня это озорное, заговорщицкое его подмигивание: ведь это значило, что он меня принял, что я для него – «свой». И этот наш короткий диалог тоже вдруг обрел некий особый смысл: это было как пароль и отзыв.

Вот так же «своим» я сразу оказался и для Самуила Яковлевича.

В отличие от Корнея Ивановича, он никаких писем мне писать не стал. Просто позвонил и потребовал (именно потребовал!), чтобы я к нему приехал.

Я приехал, и сразу, при первой же встрече, почувствовал, что мне оказана, может быть, не высшая (если верить Жене Винокурову, далеко еще не высшая), но всё-таки несомненная и вполне определенная степень доверия.

Не знаю, то ли Лидия Корнеевна что-то ему про меня нарасказала, то ли моя книжка о Пантелееве стала для него моей визитной карточкой – а может быть, даже и сыграла роль некоего рекомендательного письма: Алексея Ивановича он искренне любил, а в книжке моей любовь автора к своему герою безусловно ощущалась. Да и выдающаяся роль, которую он, Маршак, сыграл в писательской судьбе моего героя, там тоже была освещена совсем не скупо.

В общем, вышло так, что сразу, с первого дня знакомства, Маршак предстал передо мной в затрапезном, домашнем своем виде. А официальный Маршак – «Маршак Советского Союза» – явился мне позже. Да и было это, наверно, раза два, не больше.

Первый раз это вышло так.

В одно из наших «поэтических утр, продолжавшихся до вечера», он вдруг спросил:

– Вы будете послезавтра на пленуме?

Я знал, что на послезавтра в Союзе писателей назначено какое-то торжественное бдение. Пленум правления так называемого Большого Союза. Но мне так непривычно было слышать это слово («пленум») из уст Маршака, что я даже не сразу сообразил, о чем он. А сообразив, сказал, что да, скорее всего буду. Я ведь тогда еще работал в «Литгазете» и не сомневался, что наше «литгазетское» начальство непременно потребует, чтобы я там присутствовал. Может быть, даже придется и заполнить информацией об этом ихнем бдении сколько-нибудь (сколько скажут) газетных строк.

– Если будете, подойдите там ко мне, голубчик.

Я сказал, что да, конечно, если буду, обязательно к нему подойду.

Прощаясь и по обыкновению троекратно со мной расцеловавшись (он всегда так со мною прощался: когда-то я думал, что это знак особого ко мне его благоволения, но потом выяснилось, что так он прощается со всеми своими посетителями), – так вот, по обыкновению троекратно облобызав меня на прощание, он снова напомнил:

– Так не забудьте, пожалуйста, голубчик. Непременно подойдите ко мне послезавтра. Обещаете?

Я пообещал.

В день открытия пленума, войдя в большой зал ЦДЛ, я сразу вспомнил об этом своем обещании и огляделся, ища глазами Маршака. Зал был уже почти полон, во всяком случае, все первые ряды были уже заняты. Но Маршака среди сидящих там я не обнаружил.

Отыскав для себя свободное место где-то в четырнадцатом или пятнадцатом ряду, я уселся и стал ждать. Зал быстро заполнялся, с минуты на минуту уже должно было начаться действие, а Маршака всё не было.

И вот он наконец появился.

Своей зрелищностью это «явление Маршака народу» превосходило все известные мне театральные эффекты. Даже знаменитый выход Сильвы Вареску в оперетте Кальмана по сравнению с ним являл собою довольно жалкое зрелище.

Впрочем, на выход Сильвы Вареску этот его «выход» был совсем не похож. Он был исполнен в совершенно ином роде.

Два человека вели его под руки. Сзади толпилась свита. Он шел еле передвигая ноги, всем видом своим изображая крайнюю степень немоги. (У себя дома, даже когда лежал в постели с воспалением легких, он выглядел не в пример бодрее.)

Вся эта зондер-команда остановилась где-то около третьего ряда. Возникла небольшая суета – кто-то встал, кто-то пересел подальше, уступая место ему и его свите. Поэтому некоторое время я со своего места видел его стоящим. Он близоруко озирался по сторонам, явно ища кого-то глазами. Я, конечно, решил, что меня.

Делать было нечего, надо было выполнять данное обещание, что сделать было не так-то просто: свита окружала его плотным кольцом. Но я всё-таки протиснулся к нему и, подойдя вплотную, гаркнул, как младший офицер, представляющийся генералу:

– Здравствуй, Самуил Яковлевич!

– А-а, – сказал он, как мне показалось, не вполне меня узнав, – здравствуйте, здравствуйте, голубчик.

Сказано это было не то чтобы неприветливо, но как-то непривычно сухо. Во всяком случае, у себя дома он встречал меня иначе.

Я был обескуражен. Ведь он сам просил меня, чтобы я непременно к нему подошел! Причем – дважды. И весьма настойчиво.

Обиженный, можно даже сказать оскорбленный, этим его холодным приемом, я, потоптавшись около него минуты две, сказал:

– Ну, я, пожалуй, пойду.

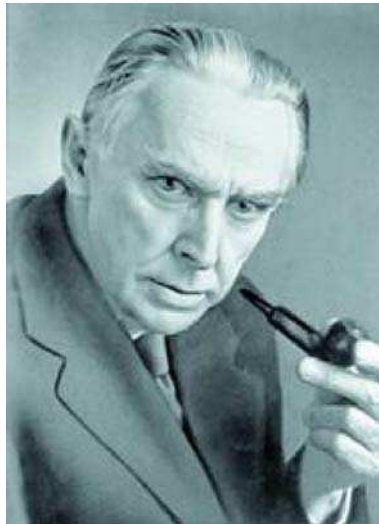
– Да, да, идите, голубчик, – ответил он, – но при этом положил руку мне на плечо и слегка меня как бы попрердержал.

Постояв так еще минуту, я осторожно высвободил свое плечо из-под его руки и отбыл на свое место.

На сцене тем временем за огромным столом президиума возникла неведомо как и откуда явившаяся одинокая фигура Федина. (Занятый своей обидой на Маршака, самый момент его возникновения я как-то упустил, отчего в этом внезапном его появлении мне померещилось что-то потустороннее.)

Федин был худ, сидел как-то нахохлившись. Весь его облик, да еще огромность стола, за которым он восседал на этой пустой и потому тоже кажущейся огромной сцене, – вся эта мизансцена словно нарочно была придумана для того, чтобы подчеркнуть прозвище, которым члены СП наградили тогда зицпредседателя своего Союза: «Чучело орла».

Впрочем, гораздо больше, чем на орла – и даже, чем на его чучело, – он в этот момент был похож на другую птицу. Я живо представил себе, как он сейчас откроет рот и прокаркает оперным басом: «Я здешний ворон!»

Ἐ. Οἰᾶται ... Ἐὐὐὐὐ ὁ ἀδελφὸς αἰεὶ, ἐφᾶσα τὴν ἡδονὴν τῶν ἀνθρώπων ἀεὶ τὴν Νίρφα τῆς ἐπιδοσῆς, γὰρ τὴν ἀεὶ τῶν ἰδίων τῶν ἀνθρώπων ἀεὶ τῶν ἰδίων τῶν ἀνθρώπων: «Χόρῳ τῶν ἀνθρώπων» ἐ «Ἐὐὐὐὐ τῶν ἀνθρώπων τῶν ἀνθρώπων τῶν ἀνθρώπων».

Нечто подобное и произошло.

Прокаркав свою короткую вступительную речь, «Комиссар собственной безопасности» (таково было второе прозвище нашего зицпредседателя) исчез так же незаметно, как появился – словно растворился в воздухе. И на сцену в полном составе выкатилась, как выразился в иные, более поздние времена Солженицын, – «нечетная дюжина секретариата».

Обедня (или, если быть более точным, заутреня) пошла своим ходом – утверждение регламента, выборы мандатной и счетной комиссии, и всё прочее, что полагалось в таких случаях. Но я за ходом всего этого действия почти не следил (хотя следить за ним мне по должности полагалось). Не следил, отчасти из-за полного отсутствия интереса к происходящему (всегда ведь одно и то же), но главным образом из-за того, что все мысли мои были заняты загадочным поведением Маршака.

Зачем он так настойчиво просил меня подойти к нему? Почему был так сух и официален? А если, допустим, напрочь забыл, зачем просил меня, чтобы я непременно к нему подошел, почему положил руку мне на плечо и некоторое время не отпускал меня, не давал уйти? Ожидал он чего-то, что ли? Чего-то такого, что должно было произойти, но почему-то не произошло?

Потом, так сказать, задним числом я сообразил, в чем состоял его умысел.

Тут мне невольно вспомнилась одна реплика моего друга Гриши Поженяна. Однажды он пригласил меня и Лазаря в «Арагви». Мы спрашивали: зачем? С какой радости? Дата какая-то или что? Или вдруг крупный гонорар где-то отхватил? На все эти наши недоумевающие вопросы он отвечал: «Да нет, ничего такого. Просто хочу сделать вам хорошо». Вот и С. Я. тоже просил меня подойти к нему на том пленуме, потому что хотел «сделать мне хорошо».

Он заранее знал, что, когда появится в зале со всей этой своей свитой – в ослепительно ярких лучах всей официальной, государственной своей славы, – это станет неким событием. Все увидят и возьмут на заметку, кто там стоял рядом с самим Маршаком и кому положил он на плечо свою ласкающую руку. И ему хотелось, чтобы в лучах этой его государственной ласки на миг высветился и я. Глядишь, это принесет мне какую-нибудь пользу. Повысит мой кредит в глазах начальства, которое – уж это он знал! – всё видит, всё замечает, всё мотает на ус.

Г. Поженян: «Хочу сделать вам хорошо!»

В другой раз я увидел этого официального Маршака, когда мне пришлось самому привести к Самуилу Яковлевичу и познакомить с ним посетителя, место которому было именно тут, в этой его «парадной приемной».

Это было в тот короткий период моей «литгазетской» службы, когда наш отдел литературы пребывал в состоянии довольно длительного безначалия. Главный редактор – В. А. Косолапов, – питая к нам некоторую слабость и желая сохранить наш замечательный коллектив, предоставил нам даже возможность самим найти себе начальника – руководителя отдела. Из этой затеи, конечно, ничего не вышло, и выполнять обязанности руководителя отдела Косолапов временно поручил мне. В этой роли я пробыл недолго: месяца два или три. А потом Валерий Алексеевич пригласил на эту должность Евгения Ивановича Осетрова, работавшего замом главного в слегка конкурирующей с нами газете «Литература и жизнь». («Лижи», как мы ее называли.) Всех, кто работал в этом малоуважаемом сервильном органе, мы слегка презирали. Во-первых, за «направление». (А какое у них могло быть направление: «Кормимся, ваше сиятельство!») Ну, а кроме того, – за профнепригодность: «Лижи» была газетка довольно-таки малограмотная.

В общем, приход на должность руководителя нашего отдела Евгения Ивановича Осетрова я воспринял как полный крах нашего и без того уже вполне безнадежного дела и совсем было уже собрался вернуться с шестого этажа на свой четвертый, к своей непыльной должности «спецкора при секретариате».

Но тут меня снова позвал Косолапов и – в тоне просьбы, а не приказа – попросил еще какое-то время из отдела не уходить, чтобы, как он выразился, «помочь Евгению Ивановичу войти в курс».

Так мы с Евгением Ивановичем стали работать вместе.

Работать с ним мне было легко: ведь я теперь уже ни за что не отвечал. Вводил его «в курс». Но никакого курса, собственно, уже не было. Во всяком случае, оказывать какое-то влияние на литературную политику газеты я уже не пытался – да и не смог бы, даже если бы очень постарался.

С деловыми качествами Евгения Ивановича я столкнулся сразу, на первой же планерке. Накануне редколлегия забодала – по причине какой-то обнаруженной в ней крамолы – большую обзорную статью. В номере образовалась огромная дыра, которую необходимо было чем-то заполнить. Евгений Иванович тут же заверил редколлегию, что никаких поводов для беспокойства нет. Требуемую статью он напишет сам. Срочно. Прямо в номер. Когда сдаст? Завтра утром.

Когда планерка кончилась и мы с ним остались вдвоем, я не скрыл, что изумлен отчаянной храбростью, с какой он лег на эту амбразуру.

– Ну, знаете, – сказал я, – вы просто герой. Меньше чем за полсуток написать два подвала! Да как же вы это успеете?

– А я очень быстро пишу, – безмятежно ответил он.

И в самом деле: к утру статья – два газетных подвала! – была готова. И, как и предполагалось, появилась в текущем номере.

Проглядев ее, я понял, что сочинить такую статью и впрямь можно было быстро. Дело это не требовало ни малейшего умственного напряжения.

Написана она была так:

«За минувший год очень слабо проявили себя поэты...» Далее следовал длинный – чуть ли не на целую колонку – перечень фамилий.

Затем:

«Несколько успешнее работали...» И новый список поэтов – знаменитых и незначительных, широко и не очень широко известных.

Другой, новый вариант:

«Особенно ярко и талантливо потрудились на ниве отечественной поэзии...» – и опять внушительный список имен.

И так – всю дорогу, все два подвала.

Не могу сказать, чтобы этот простой и незатейливый способ сочинения литературно-критических статей – проблемных, обзорных, всяких – был мне так-таки совсем уж незнаком. Но с таким откровенным обнажением приема я столкнулся впервые. И трогательная наивность этого обнажения меня как-то даже умилила.

Так обстояло дело с профессиональными качествами Евгения Ивановича. В остальном же он оказался человеком довольно занятым. А кое-чем даже довольно сильно меня удивил.

Однажды, заглянув в мой маленький кабинетик, он как-то таинственно поманил меня пальцем. Провел в большой – бывший бондаревский, а недавно еще мой – кабинет. Усадил напротив себя. Плотно прикрыл дверь в «предбанник», где сидела наша секретарша Инна Ивановна. На всякий случай еще раз проверил, насколько тщательно она закрыта, и тихо, вполголоса, словно сообщая мне важную государственную тайну, начал:

– Я вчера был на вечере Евтушенко...

– Да? – без особого интереса отреагировал я.

Он слегка понизил голос:

– Впечатление огромное...

И наклонившись к самому моему уху:

– Я подумал, что этот человек мог бы возглавить временное правительство.

– Бог с вами, Евгений Иванович, – в полном обалдении пробормотал я. – Какое временное правительство? У нас, слава Б-гу, есть правительство. Постоянное...

Но он в ответ только приложил палец к губам, давая мне понять, что сказал всё, что хотел, и добавлять к сказанному больше ничего не намерен.

Надо сказать, что человек он был мне вполне чужой – по всем линиям. И откровенничать с ним, да еще на политические темы, я не собирался. Но и от него никаких таких откровенностей, естественно, ждать не мог.

Тут можно было заподозрить некое прощупывание. Провокацию даже. Но я чувствовал, что он искренен. Делится тем, что его действительно волнует.

А спустя какое-то время случился у нас второй – такой же неожиданный для меня – разговор на эту деликатную тему.

Я бездельничал. Работа была такая же непыльная, как в должности спецкора. Ни за какой помощью ко мне Евгений Иванович не обращался. Я даже на планерки ходить с ним перестал.

Но однажды он, приоткрыв дверь моей комнатухи, вот так же таинственно поманил меня в свой кабинет. Я ждал каких-то новых откровенностей, и на первых порах эти мои ожидания как будто подтверждались. Точь-в-точь так же, как в тот раз, когда он поделился со мной своими мыслями про Евтушенко, он тщательно проверил, достаточно ли прочно закрыта дверь, приложил палец к губам и, понизив голос, словно опять доверял мне какой-то важный секрет, сказал:

– У меня к вам просьба. Познакомьте меня с Маршаком.

Я сказал, что да, конечно, не

т проблем, ничего не может быть легче. Позвонил Самуилу Яковлевичу. Он в то время отдыхал в Барвихе: по официальному, а скорее полуофициальному своему статусу («Маршак Советского Союза») он и лечился в Кремлевке, и отдыхал в санаториях так называемого Четвертого управления.

Узнав, что я хочу его навестить, он искренне обрадовался. И против знакомства с моим новым начальством тоже не возражал. Соскучился, видать, по привычным ежедневным, многочасовым московским разговорам. А в Барвихе с кем ему было их вести? Не с номенклатурными же партийными функционерами, вроде Поликарпова. (Позже я прочитал в «Рабочих тетрадах» Твардовского, что там, в Барвихе, можно было встретить кое-кого и поинтереснее Поликарпова – например, Поскребышева. Вот бы с кем поговорить! Но Поскребышев, прошедший суровую сталинскую школу, как я узнал из тех же «Рабочих тетрадей», ни к каким разговорам, а тем более на интересующие его собеседников темы не был склонен: при малейшей попытке разговорить его сразу замыкался, уходил в себя, как улитка.)

В общем, сговорился я с Самуилом Яковлевичем на какой-то назначенный им день и час. Евгений Иванович вызвал редакционную машину (ту самую черную «Волгу», на которой любил ездить Барабаш) – и мы поехали.

А. Абабабаба: «Уо!ò ÷áé!áé í íæáò áí çáááéòíí áðáí áí í íá í ðááéò áéííò áí!»

Шофер нам попался хоть и пожилой, но какой-то недотепистый. А может, просто никогда в такие места не ездивший. Так или иначе, но в самый ответственный момент он зазевался и пропустил нужный поворот. Казалось бы, дело нехитрое: развернуться, проехать немного назад и исправить свою ошибку. Но не тут-то было! Трасса была правительственная, и до разворота нам пришлось ехать довольно долго. Километров, наверно, двадцать, а то и больше. И на протяжении всех этих двадцати километров наш водитель нещадно материл всех, кто ездит по этой правительственной трассе.

Нет, по правде говоря, не всех, а одного. Вернее, одну.

Накал его негодования, в основе своей имеющий ясно выраженную социальную направленность (классовая ненависть к «слугам народа»), был стократ усилен тем обстоятельством, что этой правительственной трассой наравне с мужчинами пользовалась женщина. Как он говорил – баба.

А «баба» в тех высоких сферах у нас была только одна: Фурцева. (В ту пору она была членом Политбюро.) И не могло быть ни малейших сомнений, что, матеря некую «бабу», из-за которой мы вынуждены совершать столь далекий и долгий объезд, наш водитель имел в виду именно ее.

Тут надо сказать, что слово «баба» у него мелькнуло только раз-другой. А потом у него нашлись для Екатерины Алексеевны совсем другие, гораздо более крепкие выражения.

Он просто заходился от священного гражданского негодования, вызванного столь очевидным и наглядным отражением установившегося в нашей «рабоче-крестьянской» стране социального неравенства. Но весь его гнев почему-то уперся только в эту одну точку: в то, что вот, сколько мы уже проехали, едем и едем, а знака для разворота всё нет и нет, и всё это только потому, что по этой правительственной трассе шманается... Предоставляю читателю самому вообразить перечень подходящих к случаю народных фразеологизмов – сколько бы их вам не припомнилось, могу поручиться, что в том яростном монологе нашего водителя ни один из них не был забыт.

Долго ли, коротко длился этот наш путь (нам показалось, что бесконечно долго), но до разворота всё-таки доехали, развернулись, нашли поворот на Барвиху и благополучно добрались до Маршака.

С. Я. встретил нас радушно и был, как мне сперва показалось, таким же, каким бывал, когда мы являлись к нему вдвоем с Валею Берестовым, с которым, кстати, там, у него, мы впервые встретились и сразу подружились, или с Эмкой и Стасиком Рассадиным, которых я к нему привел и с ним познакомил.

И говорил он Евгению Ивановичу то же, что нам, – иногда слово в слово.

Но при всем при том – это был совсем другой Маршак. Не тот, которого знали мы, побывавшие в других, «задних» комнатах его необъятной «квартиры», а не только в парадной ее «зале».

Вот, например, он повторил любимую свою мысль о часовой и минутной стрелке – о том, что по одной минутной, без часовой, даже если часы ходят правильно, невозможно узнать, который час.

В том контексте, в котором он говорил об этом мне, это означало, что правильно понять и точно оценить «новаторство» современных молодых поэтов – Евтушенко, Вознесенского, Сосноры – невозможно, не зная угасших от сегодняшнего читателя Мандельштама, Пастернака, Хлебникова, Цветаеву.

Сейчас же его можно было понять так, словно речь идет о том, что молодые не должны отрываться от вековой традиции классического, пушкинского стиха, что именно он, этот пушкинский стих, и есть – та самая «часовая стрелка».

Однажды он сказал мне:

– Между нами говоря, голубчик, Маяковский – это байстрюк. А законное дитя всё-таки Твардовский.

Я, конечно, с ним не согласился. Но сама по себе эта его мысль не больно меня шокировала, поскольку перед этим он не раз повторял, что любимые его поэты, самые любимые, самые ему близкие – Хлебников и Блейк.

Сейчас же, когда он сказал, что Твардовский – законный наследник великой русской поэтической традиции, это прозвучало так, словно он просто повторил тогдашнюю официальную банальность, согласно которой флагманами современной советской поэзии полагалось считать Твардовского, Исаковского и Алексея Суркова.

Кстати, Исаковского он и нам тоже хвалил, ценил его не сильный, но чистый поэтический голос. Но мог при этом хитровато улыбаясь, сказать про знаменитую его, любимую народом песню «Летят перелетные птицы...»:

– Между нами говоря, голубчик, ведь это знаете что?

И с искорками веселого смеха в глазах:

– Это – песня домашнего гуся!

А про Ираклия Андроникова, устные рассказы которого я обожал, он сказал мне однажды:

– Ираклий – натура в высшей степени артистическая. Я очень его люблю. Ведь он – мой ученик. Но между нами говоря...

И понизив голос, наклонившись к самому моему уху:

– Между нами говоря, голубчик, ведь это же – вакуум!

В «парадной зале», где он принимал меня с Евгением Ивановичем, он мог повторить (и повторял) все свои – хорошо мне знакомые – суждения и оценки. Но вот этих «между нами говоря, голубчик» и этих веселых смешливых искорок иронии в его глазах там не было.

Евгений Иванович тем не менее визитом нашим был доволен безмерно.

Прощаясь, Самуил Яковлевич троекратно с ним расцеловался, как он делал это всегда, прощаясь со мной, с Валей Берестовым, с Эмкой, и это слегка укололо меня ревностью: вон оно, оказывается, что! Значит, это он со всеми так, а не только с нами!

Но мимолетное это ревнивое чувство быстро улетучилось, и уезжали мы с Евгением Ивановичем от Маршака в отличном настроении: я – от сознания выполненного долга, он – радуясь, что как будто сумел понравиться классику, произвести на него благоприятное впечатление.

Обратно мы ехали уже без всяких приключений. Водитель наш молчал, мы тоже. Он развез нас по домам. Сперва высадил Евгения Ивановича, потом меня. Но даже «когда начальство ушло», то есть оставшись со мной наедине, к обсуждению правительственной трассы и тех, кто по ней ездит, больше не возвращался.

*Ἰ. Ἐπιεικέως, ἀποῖθ' ἰαυτὸ «Ἐὰν οὖο ἰαδικηθῶν ἰοεῶν...», εἰοῖοθ' Ναι οεῖ Βεῖαῖαε-
ἰαυτὸ οεῖαῖ ἰαυτὸ «Ἰαυτὸ οεῖ ἰαυτὸ οεῖ».*

А наутро Евгений Иванович снова заглянул в мой крошечный кабинетик и таинственно поманил меня пальцем. Как и в прошлые разы, сперва внимательно поглядев, достаточно ли плотно прикрыта дверь, усадил меня в кресло, сам уселся напротив.

По простоте душевной я ждал, что он станет говорить о том, какое впечатление произвел на него Маршак. Благодарить меня за удачный визит. Может быть, расспрашивать, как я думаю, не ударил ли он лицом в грязь перед классиком. Но, как выяснилось, волновало его совсем другое.

– Вы знаете, – с ходу начал он. – У меня из головы не идет вчерашний шофер.

– Да, – согласился я. – Палитра у него богатая.

– Нет, вы не смейтесь! Я всю ночь не мог уснуть. Положение очень серьезное.

Догадавшись наконец, о чем он, я попытался его успокоить.

– Да будет вам, Евгений Иваныч! Нашли тоже, из-за чего не спать ночь...

– Нет-нет, – не успокаивался он. – Вы недооцениваете значения этого факта. Это сигнал. Симптом. Народ потерял всякое уважение к власти. Поверьте мне, это кончится плохо...

Он долго еще что-то говорил на эту тему. Я слушал не слишком внимательно, искренне считая всё это блажью, до тех пор пока у него не вырвалось:

– Надо что-то делать... Пока еще не поздно, пока есть время, что-то надо делать!

– Б-г с вами! – изумился я. – Что же мы тут можем сделать?

Он в некотором замешательстве замолчал, как видно, сообразив, что и так уже сказал слишком много. Но кое-что я уже понял.

Ἰ ἀδοαε ἀπῆαε «ἰάδαἰἰἰε ἀπὸεἰἰε». Β ε ἰ ἰε ἀδοαἰ, ἰἰάἰἰἰεεἰ ἀ «ἰἰἰεἰ» εἰἰ ἰἰἰἰ ἰἰ ἰἰἰἰἰἰἰε «εἰἰἰἰἰἰ», ἰἰἰἰἰ ἰἰἰἰἰ Ἰ ἀδοαεἰ, πῆἰἰ ἰἰ ἰἰἰἰἰἰἰ ἰἰ ἰἰἰἰἰἰ.

Понял, сопоставив этот разговор с предыдущим – про Евтушенко. Вот, значит, о чем он думал, когда говорил, что тот может возглавить временное правительство. О ненадежности, непрочности нашей родной советской власти. О том, что ситуация чревата переменами. А может быть, даже... Да, да, может быть, даже и о том, что есть силы, способные форсировать, ускорить этот процесс.

Конечно, это могло отражать антихрущевские настроения – намек на локальный дворцовый переворот (что, как мы знаем, вскоре и произошло). Но при чем тут тогда Евтушенко и разговор о временном правительстве?

Нет, речь безусловно шла о смене ВСЕЙ ВЛАСТИ. О смене ВСЕЙ СИСТЕМЫ.

И это говорил мне – беспартийному – член КПСС! Мало того – состоящий в номенклатуре ЦК.

ЕВРЕЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА

Алина Полонская

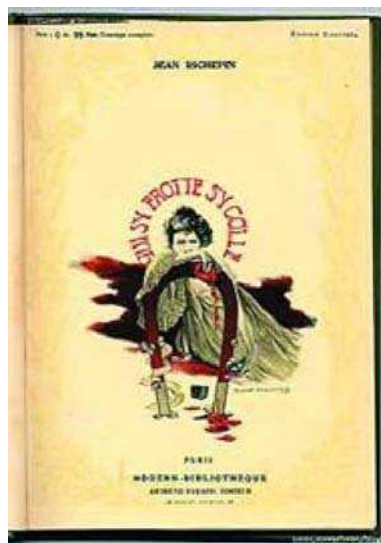
Еврейские образы достаточно редки в русской классической прозе и поэзии, особенно по сравнению с другими европейскими литературами, влияние которых на русскую не подлежит сомнению. При этом, как и в европейских литературах, женские и мужские образы выполняют разные задачи.

Образ еврея-мужчины в произведениях русской классики (старый, мерзкий, карикатурный злодей, шпион и ростовщик) перенесен на отечественную почву из западноевропейской и польской литератур. Таковы герой Пушкина из «Черной шали» и «Скупого рыцаря», Янкель из «Тараса Бульбы» Гоголя и тургеневский «Жид».

Именно мужской еврейский персонаж традиционно отражает проблемы сосуществования евреев и христиан.

Еврейка в произведениях русских писателей обычно молода и красива. Ее привлекательность экзотична, притягательность загадочна, порой мистического свойства.

Женские еврейские образы в первую очередь связаны с исследованием темы любви и страсти (и в этом русские авторы следуют европейской традиции). Иногда они подобны прекрасным и добродетельным героиням Библии^[1], как, например, в сентиментальной повести Тургенева «Несчастливая» (1868), где история любви Сусанны Ивановны почти детально воспроизводит романтический сюжет Ребекка – Айвенго Вальтера Скотта, о чем героиня сама неоднократно напоминает читателю.

Ὀδοὶ αἰὸ δὲ οὐδέτις τᾶ ἐπιθὰ ἐς ὄρι αἰὰ Αἰὰ ἢ Δὲ οἰ αἰὰ «Ἐπίεσᾶ».

Позже появляется образ роковой еврейки, вызывающей страсть порочную и губительную. Образ фатальной женщины вообще и фатальной еврейки в частности пришел в русскую литературу из французской. Интересен тот факт, что, несмотря на тесные контакты русской и французской литератур, он несомненно прижился на русской почве. Возможно, толчком для создания подобного образа должно было послужить личное знакомство автора со своим прототипом, как это произошло у А. П. Чехова.

Его рассказ «Тина» (1886) можно считать первым опытом изображения еврейской героини в русской литературе, совершенным в традициях реализма^[2]. Во второй раз еврейская героиня появляется в пьесе того же автора «Иванов» (1-я редакция – 1887, 2-я редакция – 1889), и эти два персонажа надолго остаются единственными в русской литературе, если не считать произведений забытых сегодня периферийных антисемитских авторов, таких, как Всеволод Крестовский или Николай Петрович Вагнер^[3].

В «Тине» провинциальная обрусевшая еврейка, дочь богатого владельца водочного завода Сусанна Моисеевна, беззастенчиво пользуется женским обаянием, чтобы обманывать своих кредиторов. Так, она разрывает вексель молодого поручика Сокольского, которому нужны деньги для женитьбы, и соблазняет его. Наутро жених возвращается в имение старшего брата Крюкова ни с чем. Полный негодования Крюков едет к ней и... сам попадает в те же сети. В конце рассказа автор раскрывает силу эротического притяжения этой уездной «царицы Тамары», когда Крюков решает поехать к Сусанне «освежиться» во второй раз и застаёт у нее в гостях всё мужское общество провинциального городка, в том числе своего младшего брата, который сказал ему, что поехал к невесте.

Неудивительно, что многие представители русской интеллигенции – Короленко, например, – сочли этот рассказ антисемитским и потому недостойным внимания^[4]. Понятна реакция еврейской прессы:

Αὰδὶδ̄ [...] ἰεεὰεεὸ ἰαυῖνῖαίεε ἰὰ ἀὰδὶ ἰε ἀὰ δαῖν ὀνὸδῶ, ἰε ἀὰ ἀε-ἰῖνὸε, ἰαῶῖνῖ ἰὰ ὀἰ, ὀἰ, ἰδὲ ἀῖνῖαῖνὸδῶβῦαἰ ἂ εἰαῖνὸἰἰε ὀ-ἀῖνὸε ἰαοῖε ἰᾶ-ἀὸε ε ἂ εἰαῖνὸἰἰε ἡῖαῖα ἰαοῖαἰ ἰαῖαῖνὸδᾶ ἂ εἰαῖνὸἰἰε ἰὰ ἀὰδῖα ἂἰἰαῖα, ὀαεῖαῖ ἀὰδῖεῖα ἡεῖαῖδὸ ἰὰ ὀ-εῖνὸδῶ ἰ ἰἰῖαὸὸ [...] Ἰ ἀεῖὸ ὀαἰ ἀῖνῖεε ἰ ἀεῖ-ἰ ἀεῖνῖεε ἰαεῖἰ ἰε ἡ ἀὰδῖεῖνῖβ ἡδῖαἰε [...] ἰὰ ἰῖνῖαἰεε ἡδῖαἰεἰ ἰὸε ε ἀῖνῖ δεῖνὸ δῖαῖνὸ ἰ ἰὸε ἰ ἀεῖβᾶἰεε ἰ ἀῖ ἡἰ ἰβ ἀεῖἰεἰβ ἰ ἰαεὸ ὀαῖδὲ ὀῖα ὀ-ἀῖἰαἰ, ὀἰ [...] ἰὸὰ ἡῖαἰ ἰᾶ - ἰ ὀῖνὸἰ εἰαῖεἰε ἀεῖἰ ἡῖνὸδ̄.

В контексте эпохи считалось, что литературное произведение призвано правдиво изображать жизнь^[6] для того, чтобы повлиять на умы и поступки людей. Еврейская общественность в свою очередь принимала на себя ответственность за неблагоприятные поступки каждого члена своего сообщества. Существование хотя бы одной литературной Сусанны Моисеевны бросало тень на весь народ и даже могло угрожать его безопасности.

С современных позиций, когда мы уже не воспринимаем непорядочное поведение литературного персонажа еврейской национальности как проявление антисемитизма его автора^[7], рассказ «Тина» всё-таки выглядит не чуждым антисемитских настроений. Сама сюжетная линия – дочь владельца спиртового завода обирает кредиторов – слишком соответствует антисемитскому мифу о том, что евреи спаивают русский народ, чтобы отнести это на счет невинной авторской фантазии.

Сусанна говорит поручику о любви к русским и всему русскому, о предпочтении мужчин женщинам, особенно еврейским женщинам. Эти «признания» интригуют и очаровывают Сокольского, а затем и вторую жертву – его женатого брата.

...ῖ δαοεὸ ἀεῖνῖ ἰᾶ ἰἰἰεἰ ἂβ, εᾶε ἰὸἰ ἰἰῖαἰ-ἰῖε ὀ-εἰἰαἰε ἰ ἰαεὸ ἀεὸῖνῖαἰ ἰεἰἰε? [...] ἰε δαῖ ἂ ἀεῖἰε ἰᾶ ἀεῖαἰε ἰε ἰᾶἰε ἡἰἡἰε ἀῖἰεἰῖ ἰ [...] Β ἡῖαῖ ἰ-ἰᾶἰῖ εἰβᾶἰβ, ἰἰ εἰᾶἰ ἰ ἰᾶ ἰᾶἰἰε εἰἰβ, ὀἰ ῖ ἀῖἰεἰᾶ, ὀἰ ῖ ἰᾶ-εἰἰβ ἰᾶἰᾶεῖαὸῖἡῖαῖ.

Ἰ ἡῖα ἀὰδῖα ῖ ἰεἰᾶ ὀαε ἰᾶ εἰβᾶἰβ, εᾶε δῖνῖεεὸ ε ὀδᾶἰ ὀῖἰᾶ Β ἰεἰῖ ὀ-εεᾶἡἰᾶ ἂε ἰ ἰαεε ε εἰνὸἰδεε ἰᾶ ἰᾶβ, ἰἰ ἰ ἰᾶ εᾶεᾶὀἡῖ, ὀἰ ἡῖαἰα ἰᾶἰ εε ἰαῖἰεὀἡῖ ἂ δεῖαὀ ὀ ἰὸεὀ ἂαὀ ἰαδῖᾶἰᾶ [...] Ἀῖ, εἰἰᾶ-ἰἰ, ἰᾶ εἰβᾶεὸᾶ ἀὰδῖα... Β ἰᾶ ἡἰῖβ, ἰᾶἡἡἡἡἡἡἡἡ ἰ ἰἰᾶ, εᾶε ε ὀ ἀῖνῖεἰε ἰαὀεε. Ἰ ἰ δαῖᾶ ἀὰδῖε ἀεἰἰαὀῖ? Ἰᾶδ, ἰᾶ ἀὰδῖε ἀεἰἰαὀῖ, ἂ ἀὰδῖεἡεᾶ ἀῖἰεἰῖ! [...] Ἀῖ ἰεἰἰᾶ ἰᾶ ἀεεε ἡ ἀὰδῖεἰε ε ἰᾶ ἰᾶὀᾶ ὀ-ὀἰ ἰὸἰ ἰᾶ ἰ δῖεᾶἡἡἡἡἡἡ.

В «откровениях» Сусанны просматриваются не только уловки роковой соблазнительницы, высказывающей парадоксальное в устах женщины (и лестное для мужчины) отношение к своему полу, но и уловки ассимилированной еврейки, стремящейся завоевать доверие русского мужчины, рассуждая о недостатках евреек.

Сусанна предстает роковой женщиной, опасной для всех мужчин, и еврейкой, опасной для всех русских^[8].

Обрусение Сусанны чрезвычайно занимает автора. В начале рассказа поручик тщетно ищет в обстановке дома Сусанны нечто «собственно еврейское», хотя отмечает, что Сусанна картавит звук «р». Хозяйка дома первым делом спешит заверить гостя, что у нее в доме не пахнет чесноком, потому что она не хранит его «даже в погребе». Она хвалится тем, что бывает в церкви, где и видела старшего брата поручика: «У всех один Б-г. Для образованного человека не так важна внешность, как идея...»

Таким образом, невольно напрашивается параллель между ней и ассимилированным русским еврейством^[9], которое также «любит» русских и французов, на самом же деле невероятно опасно, по мнению Чехова, для русского общества.

Автор статьи в «Восходе» сомневается, что Чехов мог наблюдать Сусанну в действительности. Однако оказалось, что у этого персонажа был реальный прототип. После восстановления купюр в переписке Чехова в 1960 году стало известно о его романе в январе-феврале 1886 года с дочерью московского адвоката Евдокией Исааковной Эфрос (1861–1943), или «Эфрос с носом», как шутливо называл ее Антон Павлович. Кстати, этот самый нос, то есть национальный признак, – первая характеристика Сусанны:

À éðáññá [...] ñéäää æáí ùéíà [...] ñóóóáííé äéíáé. Èç-çá äýçáííá òáññóýííá í èáò èá äéáí áúé òíéúéí äéáí úé äééííúé íñ ñ íñòòúí éíí-ééíí è í äéáí úéíé äüäéíéíé äá íäéí áíéúéíé ÷áííúé äéç.

Вероятнее всего, как указывает Елена Толстая в своей книге «Поэтика раздражения», одна из ссор молодых людей 29 октября 1886 года произошла именно вследствие публикации «Тины» в «Новом времени». Видимо, девушку не просто оскорбил антисемитский тон рассказа, – она узнала в героине свои черты. Чехов подарил рассказ актрисе Каратыгиной с припиской: «с живой списано»^[10].

Несмотря на то что мы не располагаем подробными биографическими данными о Евдокии Эфрос, однако, вместе с Еленой Толстой, склонны полагать, что поведение московской образованной барышни, которая вместе с сестрой Антона Павловича посещала педагогические частные курсы Герье, вряд ли могло иметь много общего с поступками провинциальной гетеры.

Сюжетная канва и само название рассказа отсылают к роману Жана Ришпена «Клейкая» («La glu»), написанному в 1881 году. Тип сексуально притягательной вульгарной женщины, которая губит мужчин, вообще достаточно распространен во французской литературе конца XIX века. «Нана» (1879) Золя является, пожалуй, наиболее ярким примером такой героини. Зачастую в этой роли выступала именно еврейка^[11], что, однако, не относится к героине «Клейкой».

Зато наполовину еврейкой была Сара Бернар^[12], у которой во время репетиции пьесы «Клейкая» завязался с Ришпеном роман. Сорокалетняя Сара Бернар в очередной раз подтвердила свою репутацию фатальной женщины на сцене и в жизни, а 35-летний Ришпен бросил молодую жену с ребенком^[13]. Неудивительно, что репортеры поспешили указать на сходство событий личной жизни Ришпена с сюжетом написанного им романа.

Таким образом, скорее французская литература, чем личный опыт Чехова, подсказала ему определенную «характерность» образа данной национальности и данной модели поведения.

Но почему «с живой списано» и чем, кроме своего еврейского происхождения, Дуня Эфрос заслужила такое нелестное литературное воплощение?

Вероятнее всего, близость Сусанны к русской культуре и ее любовь к русским (поданные Чеховым в карикатурной форме) могли быть свойственны его бывшей невесте, ассимилированной московской еврейке. И именно это, наряду с антисемитским тоном рассказа, могло задеть девушку и быть воспринято ею на свой счет.

«Была сейчас Эфрос. Я озлил ее, сказав, что еврейская молодежь гроша не стоит; обиделась и ушла», – пишет Чехов Киселевой в день выхода «Тины» в печать.

Однако мы оставляем открытым вопрос о том, в какой степени стереотипное представление о развратной роковой еврейке, существующее во французской литературе и разделяемое российскими антисемитами^[14], могло повлиять на воображение автора, увидевшего Сусанну в Дуне Эфрос.

Перейдем к пьесе «Иванов», первый вариант которой был написан в 1887 году, в период депрессии автора, по мнению Елены Толстой, в значительной степени вызванной разрывом помолвки с Дуней.

Именно в этом году в произведениях Чехова рождается знакомая нам «чеховская тоска», а писатель заболевает чахоткой...

Иванов – 35-летний провинциальный помещик, страдающий скукой и тоской в своем имении. Когда-то он был молод и энергичен, теперь же стал зол и раздражителен.

Он охладел к своей жене, крещеной еврейке Анне Петровне, бывшей Сарре. Большая туберкулезом, Анна не понимает причину этой перемены, она по-прежнему любит своего мужа, чахнет в одиночестве и в конце концов умирает.

Иванов сознает свою вину, но ничего не может с собой поделать, он сам себе противен. В него влюблена 20-летняя дочь его друга Лебедева, Сашенька. Роман Иванова с Сашенькой развивается на фоне болезни его жены, и это заставляет некоторых героев пьесы думать, что Иванов женился на Сарре ради денег, а когда ее родители отказываются простить ей переход в другую веру, он решает свести ее в могилу и жениться на богатой наследнице Сашеньке.

На самом деле Иванов – честный человек, он сам страдает от произошедшей с ним перемены. В первом варианте пьесы, названном «комедией», он умирает во время своей свадьбы с Сашенькой и стреляется – во втором варианте.

Как сам Чехов объясняет в письме Суворину от 7 января 1889 года, своим «Ивановым» он «лелеял дерзкую мечту суммировать всё то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях, и положить предел этим писаньям». Иванов, по мысли Чехова и со слов Короленко, – «Иван Иванович Иванов [...] обыкновеннейший человек» и воплощает «одни только типичные русские черты», такие, как «чрезмерная возбудимость, чувство вины, утомляемость»: они-то и приводят к трагическому финалу.

Один из кульминационных моментов пьесы – диалог Иванова и Анны Петровны в конце третьего акта, где он кричит своей больной жене: «Замолчи, жидовка!»

Зеев Жаботинский в своей статье «Русская ласка» (1909) охарактеризовал эту реплику как проявление «правдивого безразличия»^[15] со стороны автора. Однако это не так: именно эти слова, вслед за которыми Иванов открывает жене, что она смертельно больна, показывают нам всю глубину падения Иванова, заставляют зрителя ненавидеть его в этот момент.

Трогательный образ умирающей и любящей Анны Петровны на первый взгляд безусловно положителен. Однако он не лишен некоторой специфически еврейской бытовой приземленности, которая особенно заметна в первом, «комедийном» варианте пьесы. Несмотря на искреннее сочувствие своей героине, автор вставляет анекдотические ремарки по поводу ее национальности, которые, правда, исходят не от мужа, Иванова, а от его родственника графа Щабельского. В частности, в первой версии упоминается запах чеснока («Семитическое, перхатое туше, от которого на десять верст пахнет чесноком» [действие I, явл. II]). Даже цензор счел нужным вычеркнуть эту реплику Щабельского, что затем и было сделано самим автором во втором варианте пьесы. Там, где во втором варианте Щабельский говорит Анне: «Покойной ночи, прелесть!» – в первом варианте он произносит вместо этого: «Гевалт... Вей мир... Пэх» [действие I, явл. VII]. При этом нужно учесть, что Щабельский искренне привязан к Анне Петровне). В обоих вариантах пьесы героине свойственна коммерческая терминология, когда она говорит о своей несчастной женской судьбе:

Ι. Ι. Έεοίάωάάά άθρεέ Άίίύ Ι άοθράύύ (Νάδδύ).

...πάλια ή άύ ήάν-εοάέα Ι ήεάηοάή έρπάε [...] ήε-άή ήά ήεάογò çά ήά ή-άηοά Β εά çά άή ήεάοέα, άεεοάέή ή çά άή !. Έ εάε άήθή! Çá ÷οί άάοή ή ή άύ οάέα έεάή ήά ήθόά ήοή?..

Знаменитая реплика Иванова «Замолчи, жидовка!..» также произносится им в ответ на обвинение супруги в том, что он женился на ней из-за денег. Впрочем, в этом убеждены и другие герои пьесы, несемитского происхождения.

Чехов в письме Суворину от 30 декабря 1888 года отмечает, что жена не понимает «тоску» Иванова и поэтому «в конце 3-го акта высказывается прямо и резко».

Однако в процессе подготовки второго варианта пьесы автор избрал иную трактовку. Он, напротив, подчеркивает, что Анна вполне способна понять Иванова:

θηέα? ήήεί άρ, ήήεί άρ... [...] ήεάή ήάή ό οάύ ά εάεήάόά ά ήόάι έαθ, εάε ή άεάά έ ού ή ήά ήθ ήήθ ό ήεό άήήεάεάοή.. Ό οάύ οάέα ήό άάάέή-άήεά έάçá! Β άάό έέγάοή ά ήεό έ έεάοή έ ήά ήάή ήόάήό έάέ-ά.

(Νή άάοή έ ήεά-άό.)

Тем не менее Чехов не считал Анну Петровну подходящей парой для своего героя:

Έάί ήείύ <Άίίύ Ι άοθράύύ έ Νεοάήέα> ά ή ήε ήήή ήά ήέήύ. Άέάή άý ή ήý άήέα çάή όά ήά άάάοή άάάή çάή έεέάοή ήάή έά όθ όγέάηόε, ήέý ήέ έή έό. Άήε άύ ή ήά έάέήή ήάέάοή έό έδαιέάή έ, όή ý ή-εοάέ άύ ήήθ çάά-ό ήή ήόήήάήθ έ ήεί ήάάοάήή έήήέήάήθ. Έάί ήείύ ό-άηόάήέέ ά ήήεάέέ Έάή ήά.. Ι ό οάέ ÷οί εά? Ι άεεάέ ήέήή έέήήή ήήήή όή ή ό-άηόέά Έήόήά ήήήόή έ όήή-ό άεά ό άεό ήάέήή έ άή ήόά ή άý?

(Ι έήή ή Νεάθέή ό ήό 8 όάάέý 1889 άά.)

Мы можем рассматривать сюжет «Иванова» как возможный вариант развития отношений Чехова и Дуни в том случае, если бы их свадьба всё-таки состоялась. Судя по всему, этого не произошло из-за того, что она не захотела перейти в православие. Но этот брак, по мнению Чехова, был в любом случае обречен на неудачу:

СЛОВО О ГРИГОРИИ БЕРЕЗКИНЕ

В. Кардин

Начав печататься в 1935 году, Григорий Соломонович Березкин выпустил сборник статей о белорусской поэзии лишь в 1958-м. А ведь относился к тем считанным критикам, чье слово немало значило для поэтов и прозаиков, для читателей. Вскоре, однако, выяснилось, что его жаждут слышать также и следователи НКВД. И не на шумных публичных встречах с талантливым литератором, а в своих укромных кабинетах.

Человек природно-смелый, решительный, Березкин не считал возможным таиться и, приглашенный в следовательский кабинет, продолжал резать правду-матку. Как резал ее в своих статьях.

Критик получил срок. Но неожиданно лишился возможности его отбыть. Разразилась война, и минские чекисты, торопливо уложив вещички, устремились на восток, норовя опередить танки, меченные черно-белым крестом.

На данном этапе их стремления не расходились со стремлениями зэка: внезапно обретя свободу, Березкин направился в ту же сторону. Его путь совпал с движением вражеских танков, опережавших толпы минчан, среди которых затерялись притихшие следователи.

На армейском языке это называется ретирадой, на общенародном – драпом. Что подтверждено еще В. Шульгиным, познавшим опыт Гражданской войны.

Однако на этой стадии человек может оставаться самим собой, то есть человеком. И так, освободившись от разбежавшихся конвоиров, Григорий Березкин в первом же населенном пункте записался добровольцем, получил оружие и не выпускал его из рук до самого Берлина, куда прибыл уже военным переводчиком. Благо в совершенстве владел немецким.

Славные чекисты тоже не отсиживались в тылу без дела. Освоившись, они воздали должное отважному добровольцу и указали ему место. Правда, теперь у них уже не всё прошло гладко. Письма А. Твардовского и А. Кулешова в защиту «врага народа» Г. С. Березкина, как оказалось, кое-что значили.

Назвать наступившие дни нормальными для Григория Соломоновича было бы натяжкой. Но он и сам оказался не из тех, кто сдается, платочком утирая слезы. Березкин без устали трудился. Его

превосходные статьи составляли два сборника. Появилась книга об Аркадии Кулешове. Обращаясь к тем, кого при жизни зачислили в классики, он никогда не робел. Тональность не менялась, голос не вибрировал.

Мнение Березкина – я тому свидетель – стоило многого для белорусских стихотворцев, немало весило при оценке отечественной поэзии в целом.

Он же оставался прежним – умным, ироничным, неуступчивым.

И добрым тоже.

Вот шестует стихотворец. Сосредоточен, мрачен. Дума на челе. А пишет дребедень – курам на смех. Ждет одобрения, но смиренно выслушивает замечания. «А как лично вам, Григорий Соломонович?» Он бы ему выдал... Да стар тот уже, войну прошел. Тяжело ранен. Когда-то лишился отца – «врага народа». Ни от чего не отмахнешься...

Он из критиков, для которых автор – не отвлеченное понятие, но живой человек. Живой и тогда, когда своими творениями ставит критика в щекотливое положение. Особенно такого, как Гриша Березкин. То есть видящего в авторе личность с непростой судьбой. Далекую от благополучия и душевного комфорта...

Отведавший тюремной баланды, слышавший рык надзирателей, знакомый с армейским беспределом, с самодурами-старшинами, офицерами-тиранами, он сознавал, что круг литераторов не слишком отличен от круга, в котором когда-то протекали его собственные горькие дни.

Широта, точность вкуса, но одновременно и терпимость к странностям поэтов и прозаиков, становившихся объектом его исследований, сочеталась в нем с редкой естественностью. Такая позиция тоже может ставиться в вину. Скольким он «вмазал» беспощадно, скольких ободрил, даже благословил...

Григорий Березкин еще и из тех редких собеседников, отсутствие которых особенно досадно, горько...

Эти мои беглые заметки – всего лишь дань уважения и благодарности.

Жаль, я не успел сказать ему всё это при жизни. Такие вещи нельзя откладывать.

Мне довелось с короткой дистанции наблюдать первые шаги самых разных критиков: Марка Щеглова, Исаака Крамова, Владимира Лакшина, Андрея Туркова, Якова Гордина, Александра Лебедева. При несомненном внутреннем родстве каждый из молодых оставался самим собой.

Минчанин Березкин, вне всякого сомнения, был близок к названным мной писателям. И они это сознавали, ценили. «Мы одной крови», – мог бы каждый сказать ему, процитировав незабвенного Киплинга. И он бы улыбнулся в ответ – радостно и понимающе.

ГОРЬКИЙ ФАРС

Άαίι τῶ Οάαδῶ

Άαίι τῶ Οάαδῶ (1913-1968) - αἰ ἀδεαίπееε ἱγγῶ, ἐδεοέε, ἰδιχαέε. Διὰεῖν ἃ Ἀδееεία ἃ πῆι ἡ ἀδееееε εἰ ἰεάηιότᾶ ες Δῶι ἡέε. Γάδατᾶαίεᾶ ἱτέε:εε ἃ Ἰῦρ-Εἶδεηῆι δἰεάαηεοάα Ἰδαῖτᾶαᾶε ἃ Ἀαδᾶαηῆι, Ἰδεῖποῖηῆι ε ἀδᾶεο δἰεάαηεοάα. Ἰδεῖαᾶεᾶε ε εδῶπ ἀδееееε εἰοᾶεᾶεοᾶεῖτᾶ εᾶηᾶεεο ἀεῖεῶρ δῆυ ἃ εεοαηᾶοδῆε εεεῖε Ἀι ἀδεεε ἱπῆᾶ ἀοῖθε ἰεδῆε ἀεῖῖ. Ἴ 1943 ἱῖ 1955 πᾶ αῖε :εᾶῖῖ δᾶεῖεᾶᾶε «Ἰ ἀδεεῖαι Δεᾶρ», ἱᾶῖῖ ες ᾶεῖοᾶεῖῖᾶεεο εοδῆεῖῖᾶ Ἀι ἀδεεε.

Οάαδᾶ ἱαηᾶᾶε «πῆι ἡ ἱαῖῖοᾶᾶῖῖῖ ἱγγῶι ὀδ ᾶεᾶ». Ναι ἱῖ ἱαηᾶᾶε πᾶῖ «ἱγγῶι ἰεάηεε :αῖ: Ἀδεαίοεεῖ πᾶεᾶεᾶε Ἀι ἀδεεε». Ἐ ᾶᾶῖῖῖ οᾶῖ ἃ ᾶᾶ ἰδῆεᾶᾶᾶῖεε - ῖοᾶ ἱῖᾶῖ Ἀι ἀδεεε, δᾶτῆᾶᾶῖῖ ἰεεᾶο ἱῖεῖεᾶῖεᾶῖ εἰ ἰεάηιότᾶ ε εῶ δῆεᾶῖῖῖ ἡ ἃ Ἀι ἀδεεε ᾶῖῖῖ ε.

Βδεᾶῖ, ὀδᾶᾶ:ᾶῖᾶῖ δεᾶᾶᾶ Ἀαίι τῶα Οάαδᾶ ἱπῆεεεᾶ ἰδῶοῖοεῖῖῖ ε ὀῖῖ Ἀᾶ ἀεῖῖῖοο ὀεᾶεοᾶῖ, ᾶῖῖ ἱᾶῖῖῖ ες εῶ:εεο δῆι αῖῖᾶ Ἴεᾶ Ἀεεῖο «Ἀᾶ Ἀῖῖ ἀεῖῖῖῖᾶ» (1975).

Ἰδῆεᾶᾶᾶῖεῖ Οάαδᾶ - «Ἴῖῖ ᾶᾶῖο ε ἱγγᾶοᾶεῖῖῖῖῖῖ» (1938), δᾶῖῖᾶε, ἱῖᾶῖ, πῶεε, ἱῖῖ ἃ, «Ἀῖᾶεῖ Ἐῖεᾶ ἱᾶᾶῖῖ» (1943), πᾶᾶῖ αῖῖῖε ῖῖῖ ἃ ἰδῆε ε πῶεῖᾶ, «Ἰῖᾶᾶεᾶῖεᾶ εεεῖε», πᾶῖῖεε ῖῖῖ (1941), «Ἐᾶοῖῖῖ ἰ ὀῖῖῖῖ ἱῖᾶῖᾶ ε εςᾶᾶῖ ἱῖᾶ πῶεε (1938-1959)» (1959), «ὀᾶᾶ:ῖᾶῖ εῖῖᾶῖῖ ε ἀδῖᾶ ἃ δᾶῖῖᾶῖῖ» (1961) ε ἀδῖᾶ - ἱῖ:ῶε ᾶῖῖᾶ εἰ ἀῖο ᾶᾶῖᾶεῖᾶᾶε:ᾶῖῖῖ ἱῖῖ ἱᾶῖ

Δᾶῖῖᾶε «Ἰῖῖεεε ὀᾶῖῖ» - ἃ ἱᾶῖ Οάαδῶ ᾶῖᾶᾶ πᾶῖ ἱῖᾶ εἰ αῖᾶῖ ἰεῖῖᾶᾶ ὀεεᾶ - ᾶῖᾶεο ἃ πᾶῖῖεε ἱῖᾶ ἱαηᾶῖεᾶῖ «Ἀᾶῖῖ ἰεδ - πᾶᾶῖῖᾶ» (1949).

Для мистера Фиша, моложавого преподавателя – он вел занятия по письменной практике – и многообещающего писателя лето выдалось трудное. До сих пор ему никогда не доводилось вести занятия в такое душное, жаркое лето, вдобавок на этот раз ему выпало учить моряков, притом кое-кто из них успел поучаствовать в боевых действиях на Тихом океане. Вел он занятия и с девушками, и этот класс ничем не отличался от тех, где он преподавал прежде.

Вскоре мистер Фиш уяснил, что моряков учить надо простейшим вещам, точно и четко. Однако такая стояла жара и так трудно было вести занятия летом, что он быстро отвлекался и переключался на темы, которые принято называть злободневными.

Вскоре для учеников и первого, и второго класса мистер Фиш стал высшей инстанцией, а вот что тому причиной, было неясно, как мистеру Фишу, так и его ученикам. Мнение это неоспоримое и всеобщее мало поддавалось объяснению; мистер же Фиш думал, что кажется всезнающим благодаря застарелому безразличию, которое проступало в его голосе, когда он излагал свои соображения.

Пошло второе лето с тех пор, как Америка вступила в войну. И всех не покидало ощущение, что война в самом разгаре: ведь надежды на ее скорое окончание, и это понимали все, нет. Вот отчего ученики спрашивали мистера Фиша, когда, как он думает, откроют второй фронт, существует ли секретное оружие и про гитлеровский генералитет.

Будь мистер Фиш подержанней и понапористей, ему удавалось бы устоять перед соблазном втянуться в такие дискуссии чаще или, во всяком случае, отвечать на вопросы учеников иначе. Но оттого что он был и достаточно умудрен, и достаточно равнодушен, то подходил к каждой теме с двух сторон, причем так, чтобы и та и другая представлялась единственно верной. Моряки, в восторге от его диалектических кульбитов, не противоречили ему. И при первом удобном случае просили мистера Фиша затеять обсуждение.

Вот почему ему задали вопрос, когда откроется второй фронт и приведет ли это к желаемым результатам.

– Понять, что означает открытие второго фронта, во всей целостности возможно лишь лет через сто, а до конца войны и вовсе невозможно, – заметил мистер Фиш, прежде чем перейти к обсуждению грамматики и орфографии. – Однако вынужден заметить, что война закончится, прежде чем кое-кто из моряков научится писать грамотно. Тем не менее давайте приложим все к этому усилия.

Его продуманные увертки и молниеносные перескоки восхищали моряков.

Когда во второе лето войны в Детройте произошли расовые беспорядки, морякам понадобилось во что бы то ни стало узнать, что думает мистер Фиш о негритянском вопросе.

– Это тот случай, когда не понять, где черное, где белое, – студенты, как и ожидал мистер Фиш, грохнули, хотя, с другой стороны, начиная фразу, он не ожидал, что скаламбурит.

– Что, по-вашему, тут следует предпринять? – спросил один из студентов – вопрос он задал отчасти из любопытства, отчасти из нежелания зубрить грамматику.

– Что, по-моему, можно или должно предпринять, – сказал мистер Фиш – хоть он и держался несколько отстраненно, ему льстило, что ученикам важно его мнение, – никоим образом не может возыметь никакого действия на кого бы то ни было. И тем не менее, сколь бы премало, а скорее и вовсе ничего ни значило мое мнение, выскажусь так: на Юге решительно невозможно достичь чего-либо, разве что негры покинут Юг. Любой другой ход событий закончился бы возобновлением гражданской войны. С другой стороны, страна наша большая и по сю пору находится в периоде становления. Не вижу причин, почему бы не ввести полное равенство в одной выбранной для этого области. Однако подписанием закона равенства не установить. На это потребовалось бы, по меньшей мере, лет сто. А к тому времени никого из нас уже не будет в живых, и верна моя мысль или нет, вам не узнать.

По меньшей мере половина моряков была с Юга, и мистер Фиш это знал. Один из южан вскинул руку, помахивая ей, как бейсбольной битой, – так взбудоражился.

– И где же эта область будет? – не терпелось ему узнать.

– Вы зря всполошились, – сказал мистер Фиш. – Это всего лишь праздная мысль преподавателя, чье дело наставлять вас, как лучше писать, но чье мнение не сыграет никакой роли в славной судьбе нашей стареющей республики.

Он понимал, что студент опасается: а вдруг эта воображаемая область окажется рядом с его малой родиной, а именно штатом Миссури – он ведь граничит с Югом.

Тут руку поднял еще один студент. Фамилия его была Мерфи, и мистер Фиш нередко нарушал его душевный покой. Лицо рослого, крепкого сложения, широкоплечего, жуковатого Мерфи часто искажалось гримасой злобы.

– Ну это же чисто как собачьи бои, сэр, – так Мерфи определил расовые беспорядки. – Породистые собаки вечно грызутся с дворнягами.

– Мистер Лонг, – обратился мистер Фиш к студенту родом из Техаса. – Мистер Мерфи только что обозвал южан собаками: неужели вы это стерпите?

Класс засмеялся, лицо мистера Мерфи перекошилось. По его представлениям, он поднял серьезный вопрос, а преподаватель ушел от ответа, переиначив его слова.

– А теперь пора, – сказал мистер Фиш, – вернуться к вопросу о разнице в употреблении точки с запятой и запятой. Если пропустить запятую, это может, как я уже говорил, привести к смерти человека...

– Сэр, – обратился к нему один из парней с задней парты, некий мистер Кент: он не стал дожидаться, когда мистер Фиш заметит, что он поднял руку. – Я хочу задать всего один-единственный вопрос, имеющий касательство к вашим соображениям о чернокожих: вот вы женились бы на негритянке?

Мистер Фиш предвидел, что его спросят об этом, едва зашла речь о расовых предрассудках. И так как ему неоднократно приходилось вести разговоры на эту тему, пусть и при других обстоятельствах, ответ у него был готов, и подавал он его, как правило, в пародийно-величественной манере. Мистер Фиш собирался сказать, что согласен жениться на любой женщине, с которой был близок: ведь в ином случае его дети станут незаконнорожденными. Он надеялся, что такой ответ пробудит в студентах не только чувство чести, но и память – как знать, вдруг кое-кому из них пришлось пережить нечто подобное.

(Мистер Фиш понял, что обратил против своих вопрошателей их же оружие, и теперь им придется защищаться. Точно так же, когда началась война, он, предвидя, что его будут спрашивать, почему он не в военной форме, заранее заготовил ответ: «Хороший вопрос. Почему бы вам не написать в призывную комиссию? Адрес я дам». Но никто не обратился к нему с таким вопросом, и это говорило о многом.)

Словом, пока эти мысли проносились у него в голове, он решил, что ответить так было бы весьма опрометчиво: коснись секса, ученики начинали ухмыляться, пересмеиваться, и занятия – крайне некстати – прерывались.

– Вопрос отнюдь не новый, – сказал мистер Фиш – он тянул время, – и очень интересный.

Мистер Фиш понимал – признайся он, что готов жениться на негритянке, он уронит себя в глазах студентов. Этого они ему не простят. С другой стороны, скажи он, что не женился бы на негритянке, студенты сочтут: он признал, что не верит в социальное равенство точно также, как они. А это было бы предательством тех принципов, которым он предан – так он полагал – умом и сердцем.

– Дело в том, – продолжал мистер Фиш, обращаясь к замершему в ожидании, взвинченному классу, – что у меня нет знакомых негров. Почему – сам не понимаю, но уж никак не потому, что я их сторонюсь: просто так случилось, что никому не пришло в голову познакомить меня хоть с одним из них. Следовательно, ваш вопрос ко мне в некотором смысле неприложим...

Студенты застонали, выражая так свое торжество: они сочли ответ мистера Фиша и явной отговоркой, и покаанием одновременно.

Мистер Фиш – стон его подстегнул – понимал, что должен идти дальше. Держался он отчужденно и замкнуто, но в душе трепетал от страха.

– Я не женился бы на негритянке, – сказал мистер Фиш – ответ нашелся быстро, – но есть множество белых женщин, на которых я не женился бы по тем же причинам, что и на негритянке. И в этом ничего унижительного для негритянской расы нет. А теперь – хватит обсуждать мою личную жизнь и matrimониальные планы...

Класс вздохнул с облегчением. У южан от души отлегло, когда они услышали, что мистер Фиш не женился бы на негритянке. Кое-кто из студентов вообще не понял, что сказал мистер Фиш. Да и сам мистер Фиш ломал голову над тем, что он такого сказал, что означают его слова, хотя не сомневался, что ответ его имел успех. Большинство же студентов тогда заключило, что мистер Фиш не женился бы, как на многих белых, так и на многих негритянках, потому что он еврей. И возрадовались; возрадовались от души. Истолковали его ответ они, однако, неверно.

Отучив моряков, мистер Фиш отправился обедать. За обедом о еде не думал, думал о том, что он мог бы сказать о расовой нетерпимости, да вот не сказал же. Убеждал себя, что его долг – учить, как наилучшим способом обращаться с великим английским языком. Но язык – он повсюду, чего ни коснись, и мистера Фиша точило чувство, что он был не на высоте, увильнул. Ушел в кусты, как нередко поступал и раньше; уклонился, а должен был бы высказаться прямо и в открытую в соответствии со своими взглядами и убеждениями. Вскоре – и часа не пройдет – у него занятия с другим классом, со студентками. Вот уже два года, как он дает урок студентам, потом пересекает городок и на противоположной его стороне дает урок студенткам; порой, когда он занимался со студентками, ему казалось, что он преподает в другой стране или, во всяком случае, другой предмет. Потому что учить девушек было – в самых разных отношениях – совсем не то, что парней. Девушки спорить не любили, парни – чуть что затевали спор. Девушки – вялые, вежливые, исполнительные – являли полную противоположность парням. С ними преподавателю надлежало проявлять напористость. Нередко мистер Фиш строил урок, задавая девушкам вопросы и обсуждая их ответы, для того чтобы они не вяло вникали ему, подавленные его авторитетом, а воспринимали урок как игру.

Чуть больших успехов можно было добиться на так называемых консультациях – получасовых беседах, во время которых он обсуждал со студентками с глазу на глаз проверенные им ранее сочинения или помогал выбрать темы для следующих. Девушки, оставшись наедине с молодым человеком, смущались, зажимались – как-никак всего-навсего подростки. Тем не менее эта сторона преподавательской деятельности, весьма сходная с репетиторством, была мистери Фишу и интересна, и полезна. Она служила способом лучше узнать людей, познакомиться с которыми поближе не представлялось возможности.

Не так давно он попросил студенток вести дневник и каждый вечер записывать всё, что им довелось увидеть или услышать за день интересного. Дневник имел целью выработать привычку передавать свои ощущения, переводить впечатления в слова; вдобавок непродуманный, непринужденный характер дневника должен был освободить студенток от запретов, сковывавших их в сочинениях на заданную тему. В прошлом году затея с дневником принесла свои плоды.

Когда мистер Фиш вошел в кабинет, там его уже ждала мисс Люси Эберхарт. Высокая голубоглазая блондинка, она обещала стать хорошенькой в будущем. Однако сейчас, в восемнадцать лет, выглядела нескладной, дергалась, смущалась и оттого держалась и вовсе неловко. Примостясь на стуле напротив мистера Фиша, она излишне нарочитым движением одернула юбку так, будто та задралась слишком высоко и преподаватель газеет на ее голые ноги. Но мистер Фиш и не думал смотреть на нее: он без промедления приступил к чтению; первая же, сегодняшняя запись в ее дневнике была озаглавлена:

ÀÑÁÀÌ-Ì ÀÀÑÁÀÌ ÈÌÁ-ÈÀÈÈÁ ÑÌÌÁÐÀÆÁÌ ÈÈ

Çà Ìáááì ó ì áí ý è ááó ì Ìéó ÌÌáðá çàýçàéñý è Ìóáááí ùé ðàçááíð Ìáí á çç Ìéó Ìéó Ìé ñ óíá Ìé ñ ñáá ñ ñ ðñééá: «Áíéé áú óááá ì ðéóéíñí áíéòé çàì óé çà Ìáí Ìá çç òðíéó, èéòáéóá, áááý èéé Ìááá, Ìá èíì óú Ìñóáí Ìáééá áú áúáíð?» Ì ù ááéí Ìáóóí ñáááñéééñí, ÷òí á óáéí ñéó-áá Ìáááí-èé áú è áúáá Ìá áúòíáéòú çàì óé! Ì Ì Ìá Ìáééðáíáòú áá áéñéóñéç, è ì ù áúáá ñéééñí, ÷òí ñáááí ù áíéòé çàì óé çà èíá-Ìéááú èç òðíéó è ÷òí áúá Ìé óí Ìú, Ìáðáçááí Ìú è òíðíéé ñáíé, ðàçú ááòñý, èáé Ìáááíáééòáéé ñáíéó ðáí Áíá Ìé Ìýáéééñí Ìá ñáó ó ñáý Ìá ðíáéíá Ì Ì Ìðé ýòí Ìééé-Ì ñááýó Ì-áíáééñéé è áíñéòáí Ìá áéáí òéúñ áí ù. Ì, è Ìðéí áðé ðáéóðáéúñ Ìá Ì Ìááá Ìñóáí Ìáéòú áúáíð Ìé Ìá èíì. Ì Ìé ÌÌáðáé ÌÌááí áéé-ÌÌááí áéé è ñéáçáéé, ÷òí, ÌÌááéóé, áúáááó èéòáéóá, Ì Ì óé Ìéáééí Ìáðáçí Ìá Ìááá.

- Ì Ì-áí ó áú áúáááé èéòáéóá, à Ìá áááý? - ñ ðñééá ý èó - Áááú ó áááý, Ì óíòú áááé Ì ðíáí èç Ñéðéé, áíáóíá áíéúóá ññááíáá ñíáí è, ÷áí ó èéòáéóá?

Ìáíáéí Ìáýñééòú ñáíé Ìáááí-òáíéý áíýóí Ì èé ÌÌáðáé Ìá ñ Ìáéé. Ñéáçáéé óíéúéí: áíòú á áááýó ÷òí-òí óáéíá, ÷òí Ìóðáéééááó Ìð Ìéó èçááé áðáéó Ìáðéí Ìáéúñ Ìñóáé. È ðáí èéé ÌÌááí ýòí áíéúóááó Ìáðáéó Ñðáéé ááááá áíòá-áçòñý è Ì-áí ù Ìááýðáéúñ ùá, Ì Ìááá éó-ééó èç Ìéó Ìá èçááó: ÷òí Ìé áááðé, à Ìéé Ìáçéééáá, áááí ùá è Ìá Ìñóáí ááééáçòñý Ìðáéóé-áíéé Ìé Ìááá ÷áí, ÷òí áú áíáéòúñ ñááá. Èéòáéóú áá, èáé áááýçò Ì Ìé ÌÌáðáé, Ì-áí ù áíáðáééòáéúñ ù, à óá èç Ìéó, èíì ó ááéíñí Ìéó-éòú Ìáðáçááí éá, áúá è Ìáçáóýáí Ì óí Ìú.

Ì Ì ý çááú áéáñí à Ìá Ìáýñí ýáòñý èé èó áúáíð èí Ìé Ìðé-èí Ìé? È ðíòý á Áí áðééá ðáñáíá Ìááááíñáéé Ìá èááçò óáéíé ðíéé, èáé á áðáéó ñóðáí áó, Ìáéúç Ìððéóáòú ÷òí è ó Ìáñéí ááó Ì áíòí Ìáóáíéí Ìñóú ðáé èáé Ìááá èíáá-òí áúéé Ìáééí è ðáááí è, Ìáóðááí ÌÌýóú, Ì Ì-áí óí ù Ìóí Ìñéí ñý è Ìéí, èáé è Ìéçééí ñáíáíááí. Ñ óáééí áá Ìááááéááéáí è ù Ìóí Ìñéí ñý è è áááýí. Ìá èñéç-áíí, ÷òí á Ìñ Ìáá ýòíá èáééó çáéñóú, óáé èáé áááýí ááéíñí Ìðíòúðéòúñ Ìá ðíðíééá Ì áíòá-èé è çáééáéòú ááí ùá. Ì Ìóíáé, áááé Ìáééáçò ñáá ááááá Ì Ìáçáá, ááá áú Ìé Ìé ÌÌáééééñí èç-çá ñáíéó ÌÌáááé è Ì áðééó ñ Ìñááá, èíòíòú è áíáéáçòñý ñááá. Á áíò èéòáéóáí Ì ù óé Á-á çááó ñéíéúéí éáó Ì ùóááí ñý Ì Ì Ì-ú, à áýóó áíéí ó Ìé áúá è ñóáéé Ìáééí è ñççéééáí è! Ìáí ñíéí è Ìá-ááí ááééòú è Ì ù èí ñ-ááíòááí.

Áíéé áúáíð Ì Ìéó ÌÌáðáé Ì ðááééééé ýóé ññáðáéáíéý, Ìá Ì Ìé áçáýá, èó áúáíð Ìáéúç ñ-éòáòú áíéíá Ìááéééáí ùí. Áí ñéááíòáéá ÷áá ý áú áç: Ìéáééñí ý Ìáááí óáééí óéáí ùí áúáíðí, ý áú áúááéá ñá Ìá éðáéáíá, Ì ðýáí-Ì Ìá, áíáðáá èç òðíéó, Ìó è óíá, ÷éé áçáýáú áúéé áú áééáá áúá è Ì Ìéí.

- Весьма интересно, мисс Эберхарт, – сказал мистер Фиш – он был до того озадачен, что это заглушило все другие чувства.

Мистер Фиш осведомился у студентки: учатся ли у него ее подруги, и она сообщила, что да, одна из них учится у него, и она-то и отговаривала ее записать их разговор в дневник, однако вопреки совету подруги она всё же решилась на это.

- Ну нет, мисс Эберхарт, – сказал мистер Фиш, – искренне высказать то, что думаете, то, что занимает ваши мысли, – в этом и состоит цель задания. Вы станете писать лучше, если будете выражать непосредственно то, что чувствуете. Должен, однако, заметить, что в вашем сочинении имеются изъяны. Как я уже указывал ранее, такие сугубо разговорные выражения, как «протыриться» и «зашибить деньгу», в письменном языке неуместны. «Воспитанный джентльмен» – тавтология: понятие «джентльмен» предполагает воспитанность. Допускаете вы и другие лексические ошибки: правильно было бы написать «вследствие чего», а не «впоследствии чего». Что же касается содержания вашей дневниковой записи, я полагаю неуместным делать по этому поводу какие-либо замечания.

- У меня не было намерения никого поддеть, – сказала мисс Эберхарт, чем изрядно удивила мистера Фиша: ему казалось, что в его тоне не проскользнуло ни обиды, ни неудовольствия.

Некоторое время мистер Фиш помолчал. Задался вопросом, что он чувствует, но чувствовал лишь, что те чувства, которые он должен был бы испытывать, отсутствуют.

Мисс Эберхарт всматривалась в него – ждала, прежде чем уйти из кабинета, чем он закончит консультацию.

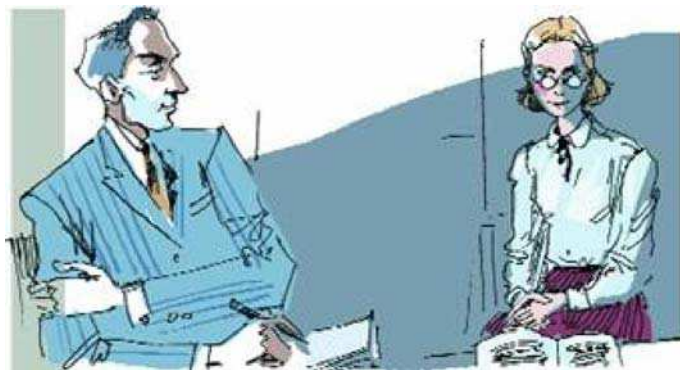
– Если не считать тех ошибок, о которых я уже упоминал, мисс Эберхарт, – нарушил наконец молчание мистер Фиш, – работу вашу можно считать вполне удовлетворительной, с заданием вы справились. Должен добавить, что в настоящее время в нашем университете есть китайцы...

Он запнулся. Не надо бы мне этого говорить, одернул он себя: при этих его словах ноздри у мисс Эберхарт раздулись.

– Однако мне рассказывали, – продолжал он, не в силах остановиться, – что на побережье Тихого океана не любят и китайцев, во всяком случае, не любили до тех пор, пока не были приняты Законы об исключении.

Тем не менее я вправе судить лишь о том, верно или неверно вы выбираете слова, логично ли выстраиваете тему, четко ли выражаете мысль. Если у вас больше нет вопросов, на сегодня – всё.

– Я не хотела вас подъялдыкнуть, – мисс Эберхарт была озадачена, сконфужена.

– Мисс Эберхарт, такие слова, как «подъялдыкнуть» и «протыриться», относятся к низкой лексике. Можно выражать свои мысли естественно, без экивоков, не прибегая к жаргонизмам.

– Очень вам благодарна, мистер Фиш, – с этими словами мисс Эберхарт отбыла: мистер Фиш вернул ей дневник жестом, означавшим, что консультация окончена.

Трудно объяснить, почему впоследствии мистер Фиш не вспоминал об этом эпизоде. Наверное, заботы личного характера так занимали его мысли, что у него просто не оставалось времени ни на что другое. Разумеется, эпизод этот ему был неприятен. Тем не менее особо сильных чувств он у него не вызвал.

Через два дня мистеру Фишу предстояло дать урок морякам; предполагалось, что основой для классной работы послужит текст из учебника, предназначенного специально для моряков. В этот день он намеревался обсудить эссе Луиса Адамик, посвященного иммиграции в Америку. Эссе – как нельзя более кстати – называлось «Плимутский камень и остров Эллис», и суть его, обложенная множеством оговорок, сводилась к тому, что сильной и славной Америку сделал труд иммигрантов, ее приятие людских различий, разнообразие влившихся в нее национальных потоков. Америка – надежда мира, писал Адамик, прежде всего потому, что она соединила представителей самых разных наций, благодаря чему родилась всеобщая культура, культура общечеловеческая, донныне неведомая миру. Вот в чем и американская мечта, и американская традиция. Адамик конкретизировал свои доводы: он говорил о немцах, евреях и неграх как о народах, которые могут особо пострадать от расовых предрассудков, от ненависти тех, кто отличен от них. И хотя немецкий народ произвел Гитлера, замечал Адамик, он произвел и Томаса Манна.

По дороге на урок мистер Фиш обдумывал эссе. Разумеется, оно вызывало в памяти и разговор с мисс Эберхарт, и дискуссию о негритянском вопросе с моряками. Он решил бегло обозреть эссе и не допустить, чтобы урок перешел в спор, который ничего не даст, только предоставит морякам возможность высказать самые мракобесные воззрения.

Тем не менее, так как у мистера Фиша вошло в привычку выражать несогласие с предписанными текстами – был у него такой прием, – он сам не заметил, как принялся критиковать Адамика. Приему этому он придавал большое значение и часто напоминал студентам, что печатное слово нельзя принимать на веру, не подвергнув предварительно самому тщательному анализу. После того как путем умело поставленных вопросов ему удалось подытожить доводы Адамика, он сказал:

– Всё, о чем говорил Адамик, – правда, но не вся правда: не следует забывать, что, хотя Америка всегда была страной свободы, она была также и страной гонений, страной, где любой человек опасался оказаться чужаком или опасался чужака. Всё так, однако это ни в коей мере не отрицает положений Адамика и не противоречит им. Америка была страной свободы и страной гонений с того самого дня, когда в Салеме сожгли ведьм, и вплоть до того дня, когда месяц тому назад случились расовые беспорядки в Детройте или, скажем, майские беспорядки в Лос-Анджелесе, когда моряки поколотили местных пижонов. Такие беспорядки, беспорядки подобного толка не могли бы случиться, не будь наша страна и страной свободы.

От того что преподаватель разнес эссе, жуковатый мистер Мерфи раззадорился: он тоже разошелся во взглядах с Адамиком.

– Взять хотя бы евреев, сэр, – сказал мистер Мерфи. – Вот Адамик утверждает, что «во многих частях нашей страны (он читал по книге) евреи склонны утаивать свои таланты и держаться особняком». Это неправда. Но не в том суть, просто в большинстве евреев что-то не так. Кое-кто из них вроде бы ничего. А вот о большинстве такого не скажешь. Знаю по личному опыту: мне довелось работать на двоих-троих...

В классе мистера Фиша было три еврея, и он заметил, какое впечатление произвели на них слова мистера Мерфи. Один из них сделал вид, что углубился в учебник, другой сильно побледнел. Третий безразлично уставился на доску, но что тот чувствует, мистер Фиш определить не смог: он бросил на него лишь беглый взгляд. Однако при виде мертвенно-бледного лица одного из моряков мистер Фиш почувствовал, что не может промолчать: впрочем, не исключено, что его побудила говорить причина более глубокая, которой он сам не сознавал; впрочем, не исключено, что в этот день он был в ударе и рвался в бой; не исключено также, что у него гвоздем в мозг засела запись в дневнике мисс Эберхарт.

– Вы сказали, – обратился он к жуковатому Мерфи, – что по личному опыту знаете: от кое-кого из евреев, точнее от большинства евреев, ничего хорошего ждать не приходится. Вы ирландец? – Ему было отлично известно, что Мерфи ирландец.

Мерфи подтвердил, что и мать, и отец его ирландцы.

– А вы знаете, что у нас в городе часто говорят об ирландцах? Говорят, что ирландцы пьянчуги и буяны. Так вот, я по личному опыту знаю, что мой сосед-ирландец по субботам напивается и бьет жену. Означает ли это, что я вправе ненавидеть чуть не всех ирландцев, а то и поносить их, как пьянчуг и буянов?

– Я знаю ирландцев, – сказал Мерфи, – и знаю, что большинство из них не пьяницы и не буяны.

– А я могу утверждать, что знаю евреев, – сказал мистер Фиш, – и знаю: легко доказать, что ваше мнение о них во многих отношениях не верно. С другой стороны, нельзя отрицать, что кое-какие нарекания и на евреев, и на ирландцев справедливы. Так как евреи уже не один век занимаются финансами, нельзя отрицать, что кое-какие их методы позорят коммерческий мир. Вот вы католик, а знаете ли вы, почему евреи чаще всего занимаются коммерцией?

– Не знаю, – сказал мистер Мерфи – тон его говорил, что он человек разумный и готов признать свою неосведомленность, раз уж так случилось, что он в этом вопросе неосведомлен.

– А занимаются они коммерцией, – сказал мистер Фиш, – потому, что католическая церковь запретила евреям заниматься чем-либо другим. И знаете, почему папа вынудил евреев стать ростовщиками? Потому что ростовщичество – грех, притом грех, обрекавший на вечные муки. Евреи же, по мнению святого отца, в любом случае обречены на вечные муки, а раз так – кому и заниматься ростовщичеством, как не им. Вследствие чего и государство, и церковь отторгли евреев от полезной деятельности и обрекли на занятие, считавшееся смертным грехом. И как вы думаете, обходиться так с людьми – хорошо это, благородно, достойно верующих?

– Ну а почему же евреи всё-таки занялись ростовщичеством? – спросил Мерфи.

– У них не было выбора, и я в свою очередь спрошу вас: почему святая апостольская церковь так поступила? Вынуждать другого заниматься ростовщичеством вместо себя – не меньший грех, чем вынуждать другого убивать вместо себя, ведь так? – сказал мистер Фиш, ошеломленный тем, как стремительно развивается его мысль: до этого ему не случалось думать о ростовщичестве в таком плане.

– Евреям, похоже, было в охотку заниматься ростовщичеством, – сказал Мерфи. – Это им подошло как нельзя лучше.

– Интересно, как так получилось, что ростовщичество им подошло? – осведомился мистер Фиш – он ощутил прилив красноречия.

– Не знаю, – мистер Мерфи призадумался. По его лицу было видно – он и сам не рад, что ввязался в спор: не ожидал, что спор зайдет так далеко. Он замялся. – Надо думать, вероломство передается у них из рода в род.

– Как может вероломство передаваться из рода в род? Мыслимо ли приговорить человека к смерти как убийцу, потому что лишь, что убийцей был его отец?

На этот ошеломительный вопрос никто ответа не нашел.

К этому времени класс притих – застыл в напряжении.

– Так вот, – сказал мистер Фиш, – у цивилизованных народов нет законов, по которым человек был бы обязан отвечать за преступление другого человека. Следовательно, если бы даже всё самое плохое, что говорится о евреях, и было верно, противозаконно (равно как и безнравственно) заранее почитать каждого еврея виновным...

(Мистер Фиш уже предвкушал, какие он тут выдвинул бы возражения, какие отыскал бы изъяны, – студентам до такого ввек не додуматься.)

– Так как, если даже признать, что модели поведения передаются из рода в род, как, скажем, родовые болезни и родовые черты, нельзя быть уверенным, что характер любого человека предопределен начиная со дня его появления на свет. У кого из великих людей были великие сыновья? Таких можно пересчитать по пальцам. И тем не менее осуждать человека прежде, чем он в чем-либо провинится, гнусно. А расовые предрассудки основаны на отрицании свободы воли и моральной ответственности. Сколько ирландцев у нас в классе?

Половина учеников подняли руки, в том числе и парень по фамилии Коган – с виду то ли еврей, то ли ирландец. Мистер Фиш решил, что тот шутит, ан нет.

– Позвольте мне в этом месте нашей беседы заметить, – сказал мистер Фиш – его порадовала остроумная, как ему мнилось, выходка Когана и добродушное настроение класса, – что кое-кто из моих лучших друзей – ирландцы...

Он рассчитывал насмешить класс, но до парней шутка не дошла.

– ...а кое-кто – антисемиты, и что же мне теперь делать?

Парни, хоть и были заинтригованы, опять озадачились.

– Двое из современных писателей, чье творчество вызывает у меня наивысшее восхищение, – ирландцы, и я, пожалуй, рискну утверждать, что будь они не ирландцами, а англичанами, им бы великими писателями не стать...

Слова его ничего не говорили ни уму, ни сердцу студентов. И мистер Фиш решил привести другой резон.

– Рассмотрим, – сказал мистер Фиш, – утверждение мистера Мерфи, что у евреев вероломство передается из рода в род.

Мистер Фиш моментально набросал на доске весьма приблизительную карту Ирландии. Вдохновлял его Джеймс Джойс.

– Если уж в наших умозаключениях исходить из предрассудков, то эта карта зримо свидетельствует о вероломстве ирландцев. Писатель, о котором я говорил выше, однажды написал, что вся Ирландия воюет со всей остальной Ирландией. Он имел в виду раздор между Ирландией и Ольстером.

Мистер Фиш показал на карту.

– Про ирландцев те, кто их не любит, могут сказать, что вероломство у них в природе. Их потуги освободиться нередко бывали подорваны, а то и сорваны из-за предательства ирландцев. Сам я, – мистер Фиш выдержал паузу, – продукт русско-еврейского разлива, точнее разброда. Я горжусь моими предками: они создали Библию и другие великие книги замечательной духовной, нравственной и художественной силы, которые служили основой западной культуры последние две тысячи лет, – это, по меньшей мере. Среди моих предков – предмета моей, пусть и не личной, гордости – были ученые, поэты, пророки и вероучители еще в ту пору, когда чуть не вся Европа поклонялась камням и деревяшкам: нет, я не ставлю вам лыко в строку – вашей вины в том, что ваши предки были дикарями, ползавшими по болотам в поисках кусков торфа или чего-то в этом роде, нет. Всё так, и тем не менее я, как ни стыдно, должен признаться – среди моих предков тоже затесался дикарь.

Тут мистер Фиш призвал класс обратить внимание на его выдающиеся скулы и широко расставленные глаза.

– На моем лице оставил свой след монгол-наильник. Какой-то монгольский дикарь изнасиловал одну из моих прабабок. Еврейская община обязывала мужчину признать такого ребенка, плод насилия, своим; и я, как – увы и ах! – постоянно напоминает мне зеркало, еврейско-монгольская помесь. Но тут встает весьма существенный вопрос: вполне вероятно, что монголы – предки американских индейцев, а они, и только они, – коренные жители этой страны, нашей страны Америки. Следовательно, я вправе утверждать, что я – согласно расовым критериям – индейского разлива, точнее разбоя. И американец на сто пятьдесят процентов. А значит, я вправе сказать вам, мистер Мерфи: раз вам не нравятся те, кто здесь живет, не пошли бы вы, откуда пришли.

Порадовал этот вывод класс или ужаснул, трудно сказать.

Прозвенел звонок, урок закончился. Четверо моряков сгрудились у стола мистера Фиша – они разгорячились, им не терпелось обсудить проблему детально. Все были настроены по-боевому. Мистер Мерфи тоже ждал своей очереди поговорить с мистером Фишем.

– На Юго-Западе дела обстоят получше, – сказал парень из Техаса. – Там браки между евреями и белыми в порядке вещей, там это никого не волнует...

– У меня у самого смуглая кожа, – сказал мистер Фиш, – но я понимаю, что вы хотели сказать (по правде говоря, техасец просто-напросто хотел подладиться к нему, ну и заодно заклеить прогнивший, погрязший в пороках Восток).

– Еще один час пропал даром, – сказал мистер Фиш – он тем временем собирал книги и тетради, готовясь покинуть класс вместе с четырьмя студентами. – А знаете ли вы, – обратился мистер Фиш к одному из них, – что многое из сказанного мной сегодня в классе – всего-навсего многоглаголание, рационалистическое умствование (глядя на недоуменные лица моряков, он подыскивал слово попонятнее), спустя некоторое время я стал жонглировать фактами, словами.

Тут мистер Фиш заметил, что Мерфи стоит в стороне – всё еще ждет своей очереди поговорить с ним.

Мистер Фиш попрощался с парнями, и Мерфи приблизился к нему.

– Сэр, – сказал Мерфи, – с какой стати они включают такие тексты в учебник? Смугляны – вот они кто.

Они уже шли по городку, вокруг сновали студенты, переходившие из одной аудитории в другую.

– Мистер Мерфи, – сказал мистер Фиш, – что бы вы там ни говорили, мне, в сущности, до этого дела нет. Однако говорить такие вещи не стоит. Это же глупо. Даже если ваши утверждения верны, всё равно высказываться подобным образом – глупо и, если вы позволите себе нечто в этом роде в классе другого преподавателя, вас, по-видимому, ждут неприятности. Не имею представления, позволяют ли здешние установки выражать расистские взгляды, но предполагаю, что предавать их гласности в классе запрещено.

– Я против вас ничего не имею, – сказал Мерфи, – я от вас не видел ничего плохого.

– Рад, что вы так думаете, – сказал мистер Фиш, – но меня только что осенила любопытная мысль: если бы я сообщил о ваших высказываниях вашему командиру, вам грозили бы неприятности: вам явно недостает такта и осмотрительности – ну какой из вас офицер? Полагаю, мой долг сообщить о ваших высказываниях вашему командиру, но я, конечно же, ничего такого не сделаю.

– Спасибо, – сказал Мерфи – он насутился: был явно озабочен. – Но им бы не след включать в учебник такие тексты.

– В учебнике нет ничего, что давало бы основания для нареканий, – сказал мистер Фиш. – Мне пора идти, но прежде я хочу задать вам еще один вопрос, и вот какой: я еврей, вы в открытую оскорбили мой народ, почему же я не сообщаю о ваших высказываниях?

– Я уже сказал – я знаю, что и среди евреев есть приличные люди, – сказал Мерфи.

– Ответьте на мой вопрос, – упорствовал мистер Фиш, – почему я не сообщу о ваших высказываниях вашему командиру – ведь это, по всей вероятности, мой долг.

– Не знаю почему, – сказал мистер Мерфи.

– Вот и я не знаю, – сказал мистер Фиш, он уже вернулся домой: поджидать, когда на него нахлынет – а она не заставит себя ждать – тревога, порожденная всем, что творилось последние пять тысяч лет.

Ἰ ἀδικία πάλαιθενεσιῶν Ἐ. Ἀπὸ ἀετῶν

НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ

יְאִאֲדוֹוֹ הָאֵינִיאַ

Много веков назад умер где-то еврей.

Умер так умер. Дело обычное: не вечно люди живут. Одели покойника, похоронили честь честью, всё как следует.

Прочел сирота кадиш, поднялась душа на небо – на суд пред верховным судилищем...

Поднялась она, а там уже стоят весы, на которых будут взвешивать добрые и худые дела.

Явился защитник покойного – его, так сказать, земное йецер тов^[1], – явился и встал с белоснежным мешочком в руках возле весов справа.

Пришел обличитель покойного – его земное йецер о-ро^[2], – пришел и тоже встал у весов с засаленным мешочком. Только слева.

В белом чистом мешочке лежат добрые дела, в грязном – скверные.

Стал защитник выкладывать добрые дела в правую чашку – пошло от них благоухание, что твои розы, а светят – словно звездочки в небе.

Стал обличитель из грязного мешочка в левую чашку злые дела выкладывать. Черны они как уголь, и от них – смола и сера.

Стоит бедная душа и глядит, глазам своим не верит. Она и думать не могла, чтоб между добром и злом была такая разница. Внизу она часто одно за другое принимала. А весы между тем колеблются; то

левая чашка поднимется, то правая, стрелка подрагивает – возьмет на волосок вправо, потом на волосок влево...

Только на волосок... И не сразу. Еврей-то был из простых, без крупных пакостей и без святости большой прожил; мелкие добродетели, мелкие пороки... Крупинки, пылинки, часто едва для глаза заметные.

И всё же, когда стрелка двинется на волосок вправо, в вышних сферах слышатся радостные клики, а влево подастся – раздастся горестный стон, достигающий престола Славы.

Ангелы тем временем медленно и аккуратно высыпают дробинку за дробинкой, пылинку за пылинкой... Всё, однако, имеет свой конец: опорожнились мешочки.

– Кончили? – спрашивает шамеш при верховном судилище, такой же ангел среди других ангелов.

Предстатель и обличитель выворачивают мешочки наизнанку: нет, мол, больше. Подошел тогда шамеш посмотреть, куда стрелка склонилась – вправо или влево.

Смотрит он и видит нечто такое, чего еще не случилось с сотворения мира.

– Что так долго? – спрашивает председатель.

– Ровно! – отвечает шамеш. – Стрелка остановилась на середине.

Добродетели и грехи весили одинаково.

– В точности? – спросили вторично от судейского стола.

Шамеш глянул еще раз и говорит:

– Абсолютно.

И судилище после совещания вынесло приговор: «Принимая во внимание, что грехи не перевешивают добродетелей, душа аду не подлежит. Но так как, с другой стороны, добродетели тоже не перевешивают грехов, то и врата рая открыты ей быть не могут.

А посему – пусть скитается. Пусть летает между адом и раем, между небом и землей – до тех пор, пока Б-г не вспомнит о ней и не призовет ее к Себе в великой Своей милости».

И взял шамеш душу и вывел ее.

И заплакала душа, стала жаловаться на судьбу свою.

– О чем ты плачешь? – спрашивает шамеш. – Ты не будешь знать радостей рая, но зато и муки ада тебя минуют!

Душа всё равно была безутешна.

– Лучше адские муки, чем ничто. Ничто – самое страшное!

Сжалился шамеш над бедной душой и, подумав, дал ей совет:

– Лети, душа милая, долу и держись поближе к людям. На небо не гляди... Что ты там увидишь? Звезды разве... Это создания светлые, но холодные, они жалости не знают, о тебе радеть не станут, пред Б-гом за тебя слова не замолвят. Печься о бедной скиталице могут только святые в раю. Но они – слышишь, душа милая? – любят подарочки... какие получше... Уж такова натура у нынешних святых, – прибавил шамеш горько. – Лети же, душа милая, – продолжал он, – кружи над миром живых и присматривайся, что

там творится. А если увидишь что-нибудь очень уж хорошее или замечательно красивое, подхвати его и подымайся вверх, неси гостинец святым в рай. Постучись с гостинцем в руках и представься ангелу-привратнику. Скажи: я велел.

И когда добудешь ты для святых три подарка, знай: ворота рая откроются пред тобой. Святые о тебе позаботятся, и труды их не пропадут даром.

Говоря так, шамеш легонько подталкивал душу к краю неба. И столкнул.

Ī ĀDĀŪĒ Ī ĪĀĀDĪĒ

Летит бедная душа совсем низко над землей, ищет подарки святым в раю. Летит над городами и селами, парит под жгучими лучами солнца в летнюю пору, ежится холодной осенью от дождей, зимой пробивается среди снежных вихрей. Летит она и смотрит, ищет. Как только завидит еврея, быстро подлетает и глядит пристально – не идет ли он воспевать имя Б-жье, не собрался ли пожертвовать собою во славу Всевышнего.

Где свет пробивается сквозь щели ставень, душа сразу всматривается: не растут ли здесь благоухающие цветочки Б-жьи – скрытые добрые дела.

Не один, не два века прошли в тщетных поисках. Упала она духом. Города превратились в кладбища. Кладбища уже распаханы, стали полями, камни у воды обратились в песок, реки изменили русло, тысячи звезд закатились, миллиарды душ поднялись на небеса, а Б-г не вспомнил о ней: ничего сказочно хорошего, необыкновенно прекрасного она не нашла. И подумала душа: «Мир так беден, люди так убоги, дела их до того ничтожны... Где тут взяться необыкновенному? Я осуждена на вечные скитания...»

И как только подумала – в глаза ей ударило пламя; яркое пламя посреди крошечной ночной тьмы.

Из высокого окна вырывается красный свет.

Это разбойники напали на богача, разбойники в масках. Один держит в руке горящий факел, освещает комнату, сверкающий стальной нож приставил другой рукой к груди жертвы и твердит: «Одно движенье, еврей, одно движенье, и наступит твой конец, я проткну тебя насквозь этим ножом». Остальные открывают сундуки и грабят.

А еврей стоит совершенно спокойно и смотрит; бровью не поведет, волосок в белой, длинной, до пояса, бороде не шелохнется. Словно не его касается... «Б-г дал, Б-г взял, – думает про себя. – Да будет благословенно Его святое имя!» «С этим человек не рождается, и в могилу это не берет», – шепчут бледные губы.

И бестрепетно глядит он, как роются злодеи в ящиках комода, в шкафу, как достают мешочки с серебром и золотом, драгоценности, дорогую утварь... Глядит и молчит.

Но грабители добрались всё-таки до потайного ящика и вытащили последний маленький мешочек. И тут старик задрожал, в его глазах сверкнул гнев и, простирая руку, чтобы защитить свое сокровище, он хотел крикнуть: «Не трогайте!» Но не успел. Брызнула струя дымящейся крови – нож сделал свое. Кровь из сердца хлынула прямо на мешочек.

Еврей упал, и разбойники кинулись к мешочку – тут-то они найдут самое ценное!

Но они горько ошиблись. И кровь пролили напрасно. Не серебро и не золото лежало в этом мешочке, там вообще не было ничего из того, что высоко ценится на этом свете. Лежала там горсточка земли из Эрец Исроэл; ее-то и хотел спасти старик от чужих рук и глаз, ее-то и обагрил свою кровью.

И схватила душа окровавленную пылинку земли и вознеслась к небесным вратам.

Первый подарок был принят.

ÀÒÎÐÎË ÎÎÄÄÐÎË

– Не забудь, – сказал ангел, закрывая калитку, – за тобой еще два подарка.

– Б-г поможет! – с надеждой ответила душа и радостно полетела вниз.

Но с течением времени радость поуххла. Опять прошли долгие годы, а она добра по-прежнему не видит, не находит ничего необыкновенного и прекрасного. И опять овладели душой печальные думы.

«Чем дальше течет река жизни, тем больше грязи впитывает она в себя, тем меньше даров для неба можно отыскать в ее водах.

Вырождаются люди, мельчают, опаснее становятся пороки, а добрые дела – глазу не разглядеть.

Если бы Б-г, – рассуждает душа сама с собой, – повелел взвесить одновременно все добродетели и пороки мира, стрелка весов едва ли колебалась бы; так и подрагивала бы себе на самой середине.

Вселенная, сотворенная Им, тоже не может ни подняться ни опуститься, она зависла между светлым небом и мрачной преисподней. Предстатель и обличитель Вселенной борются вечно, как вечно борются свет и тьма, тепло и холод, жизнь и смерть.

Она едва покачивается, Вселенная, пребывая почти в неподвижности. Извечными пребудут свадьбы и разводы, обрезания и похороны, любовь и ненависть...»

Скиталица горестно вздохнула, и в этот миг громкие звуки труб и рогов донесли до ее ушей.

Она поглядела вниз. Что это? Старинный немецкий город, площадь перед зданием магистрата, заполоненная пестро одетыми горожанами, в окнах люди. Люди лежат и на крышах; кое-кто даже сидит верхом на балке. Эти балки торчат из стен под самыми крышами. На балконах ногу поставить некуда. Пред магистратом стоит стол под синей суконной скатертью с золотой бахромой, за столом – члены магистрата в богатых бархатных одеждах, в собольих шапках с бриллиантовыми пряжками. В высоком кресле, выше всех, сидит сам президент; хищный орел кружит над его головой.

В стороне, связанная, стоит девушка-еврейка, неподалеку десять слуг держат под уздцы дикую лошадь. Президент поднимается и громко читает бумагу с множеством печатей:

– «Эта жидовка совершила тяжкое преступление. Его не простил бы даже сам Господь, как бы ни было велико его милосердие.

Тайно вышла она из своего гетто и пошла по нашим чистым улицам в день святого нашего праздника.

Взглядом своих бесстыжих глаз она осквернила священную процессию и хоругви, которые мы несли с хвалебными песнями под звуки барабанов.

Нечестивые уши ее впитали в себя голоса невинных детей наших, и кто знает – не осквернил ли своим прикосновением нашу святыню этот дьявол в образе жидовки, дочери проклятого раввина...

Дьявол явился нам в прекрасном образе. Не спорим – она действительно хороша... Посмотрите на ее большие лучистые глаза под скромно опущенными шелковыми ресницами, на мраморное лицо, побледневшее, но не утратившее своей красоты от долгого заточения. На ее длинные, изящные пальцы...

Чего добивался этот дьявол вторжением в наши ряды? Хотел вырвать из самой середины процессии христианскую душу... И ему это удалось.

Сатанинскими чарами жидовка завлекла в свои сети благородного рыцаря, представителя одного из славнейших германских семейств.

Алебардоносцы заметили ее и схватили. Он даже не сопротивлялся, этот дьявол, потому что был бессилен бороться с ними, только что очистившимися от грехов. Он не имел над ними власти.

Слушайте же приговор дьяволу, принявшему образ прекрасной жидовки:

Пусть привяжут косы этой девушки, ее длинные косы, к хвосту дикого коня!

Пусть несется конь и тащит ее, как падаль, по улицам, которые она топтала подлыми ногами своими, попирая священные христианские законы!

Пусть кровь ее омоет те камни, что осквернила она подошвами своими!»

Дружный вопль восторга раздался над площадью. А когда снова воцарилась тишина, осужденную спросили, каково ее последнее желание.

– Я прошу пару булавок, – спокойно произнесла она.

– Жидовка помешалась от страха, – громко зашептались между собой члены магистрата.

– Нет, – возразила девушка холодно. – Это моя последняя воля.

Ее желание было исполнено.

– А теперь, – скомандовал президент, – привяжите ее!

Алебардоносцы дрожащими руками привязывают длинные черные косы дочери раввина к хвосту дикой лошади. Конюхи едва удерживают возбужденное животное.

– Дайте дорогу! – требует президент, обращаясь к народу на площади. Поднимается шум, толпа жмется к стенам – кто с хлыстом, кто с шпицрутеном, кто с платком в руке. Все готовы гнать дикую лошадь, все затаили дыханье от радости. Лица горят, глаза мечут искры... Никто и не заметил, как осужденная наклонилась и приколола край платья к ногам, глубоко вонзив булавки под кожу, – чтобы не обнажилось тело, когда лошадь помчит ее по улицам. Заметила это только душа-скиталица.

– Отпустите коня! – приказал президент, и слуги отскочили в сторону. Дикое животное яростно рванулось с места и вихрем понеслось вперед... Тысячная толпа разом издала злобный крик, послышался свист хлыстов и шпицрутенов. Дрожа от страха и ярости, мчится лошадь по площади, по улицам, по переулкам – вон из города...

А душа-скиталица уже вытащила окровавленную булавку из ноги несчастной девушки и летит с нею вверх, на небо. «Остался всего еще один подарок», – ободряет ее ангел-привратник.

ὉΔῶὸÈÉ Î ÎÄÄDÎÊ

И душа полетела вниз... Последний подарок...

Снова минули века и поколения, снова исполнилась отчаянья бедная странница. Мир кажется ей еще мельче и ничтожнее прежнего; жизнь, люди, их дела – добрые и злые. И снова говорит она себе с тоской: «Если бы Создатель пожелал вершить суд над миром сегодня, и с одной стороны встал бы предстатель и принялся высыпать из белого мешочка свои дробинки и зернышки, а обличитель, встав с другой стороны, – свои крошки и крупинки, долго бы они возились, прежде чем опустеть мешочкам. Так много ничтожного, так много...

А когда бы мешочки опустели, тогда что?

Такие жалкие мелочи, такая куча мелочей! Как тут стрелке весов сдвинуться с места? Еще перышко, еще соломинка, еще волосок, еще песчинка...

И как бы тогда поступил Б-г? Какой вынес приговор?

Опять хаос? Нет! Порок не превышает добродетели.

Искупленье? Нет! Добродетель не превышает порока.

– Ступай! – сказал бы ей Всевышний. – Пребуди и далее между адом и раем, между любовью и ненавистью, между теплыми слезами жалости и жадной крови, между колыбелями и могилами... – Ступай туда, ступай!..»

Но скиталице суждено было спастись. От безнадежных раздумий на сей раз ее отвлекла барабанная дробь.

Где она? Какое нынче время?

Неизвестно.

Она видит площадь перед тюрьмой. Лучи солнца освещают железные прутья решеток и крохотные окна, скользят по штыкам – ружья составлены у стены. Вместо ружей солдаты держат в руках розги.

Их выстроили в два ряда. Посередине узкий проход. Какого-то несчастного будут гнать сквозь строй.

Кого?

Еврейчика в изодранной рубахе на худом теле и ермолке, покрывающей наполовину обритую голову. Вот его уже ведут.

За что? Кто знает? Дела минувшие. Быть может, за кражу, за грабёж. Или за убийство? А может, просто по ложному навету...

Солдаты посмеиваются: зачем, мол, нас здесь так много? Еврейчик и половины ударов не выдержит.

Но вот его толкнули в проход между рядами: он идет, идет прямо, не спотыкаясь и не падая... Удары сыплются, а он держится... Ярость закипает в солдатах: ах, он еще шагает! Не падает, окаянный!

Розги свистят, змеями обвиваясь вокруг израненного тела, и кровь всё брызжет и брызжет.

Гу-га! Гу-га.

И тут один из солдат, слишком высоко замахнувшись, сбросил ермолку с головы осужденного. Тот сделал еще несколько шагов и заметил это. Остановился, подумал немного и повернул обратно: он не пойдет с непокрытой головой. И подошел к тому месту, где упала ермолка, наклонился, поднял ее, снова повернул и пошел, весь в крови, но с ермолкой на голове... Так он и шел, пока не упал.

А когда упал, подлетела к нему душа-скиталица, взяла ермолку, за которую заплачено было столько лишних ударов, и поднялась с ней в небо.

Третий подарок тоже приняли.

И святые не оставили странницу без своего попечения: врата рая открылись ей навсегда.

И шамеш сказал:

– Да, прекрасные подарки, необыкновенной красоты подарки. Пользы от них никакой, но красота – необыкновенная!..

Ἰ ἀθάνατ' ἂ. ἦ.

«Ἀθάνατ' ἂ. ἦ», 1907

^[1] *Ἀθάνατ' ἂ. ἦ.*

^[2] *Ἰ ἀθάνατ' ἂ. ἦ.*

ФЕТЕР МЕНАХЕМ УМЕР

(глава из романа)

וְעוֹדֵי עֵצִים לָעַד

Рувим лежал в полной темноте, подложив руки под голову поверх соломенной своей подушки. Вернее, по случаю лета подушка была набита третьегогодняшним сеном. Через холстину дивно пахло вяленой травой, не досушенным до конца медовым клевером, донником, который, срезанный и подвяленный на солнце, только-то и входит в настоящий дух. Рувим лежал с широко открытыми глазами, хотя зачем в такую непроглядную ночь открывать глаза, я лично просто не могу взять в толк.

Комар зудел противно, то подлетая к самому уху, то отлетая в сторону распахнутого настержь окошка.

В подушке тоже происходила своя невидимая, но отчетливо слышимая в ночной тишине жизнь. Жук, попавший в холстину вместе с сеном, теперь, в полной темноте своего заточения, вел бесконечный и никуда не ведущий побег. Рувим попытался представить себе этого жука, который сосредоточенно продирается через дебри травинок, стебельков и засохших соцветий. Рувиму показалось даже, что он слышит, как поскрипывают жесткие надкрылки и волосатые сочленения лакового пузика. Крючочки лапок всё время за что-то цепляются. И приходится с усилиями и хрустом их высвобождать. Жук при этом напрягается и сопит, по-своему, в неостановимом стремлении куда-то доползти, догнать, успеть. Рувиму вдруг так захотелось увидеть этого жука, что на мгновение он даже сам себя ощутил как-то странно – с множеством лапок, усиков и пушистых волосков. И тут же спохватился: «Не грех ли?..»

Всё же целиком жук никак не складывался... Явственно представлялись только отдельные части. «Это, наверное, потому, что я – мясник», – мелькнула мысль, но звук, доносившийся из подушки, всё вытеснил... Рувим как замороженный слушал этот нескончаемый псалом усердия и незаметно для самого себя предавался высоким размышлениям.

Собственно, сосредоточенное внимание к таинственному звуку, грядущему из-под холстины, обратилось в саму мысль. Ни подушки уже не было, ни головы, одна лишь мысль продвигалась трудно, путано и неведомо в дремучей сенной темноте.

Только что закончился дождь, который с треском грозы и грохотом разверзшихся хлябей пронесся над Казимежем, за пять минут своего безумного буйства заставив попрятаться всё живое – по

домам, конурам, стрехам, подклетям... Да и просто – под солому крыши или в какую ни то дырочку. И затаиться...

Гроза была такой силы, что всякий раз, когда сверкало, и впрямь казалось, что сам Элиёу а-Нови – местные мужики врут, по крайней мере, именно так – пророк Илия, свесившись со своей колесницы, налево и направо расшвыривает молнии... Или вдруг хватает за макушку и выдергивает из земли огромное дерево. И корни волочатся вслед. Наверх, на небо. Длинные, ослепительно белые. Освещающая клубящуюся черноту грозовых туч... А затем Элиёу с оглушительным хрустом и треском разрывает дерево надвое и обломки швыряет вниз – на землю.

И земля содрогается.

В пять минут всё, однако, закончилось, и наступила гробовая тишина. И гробовая же темень. Ночная жизнь, которая до времени попряталась от грозы, ждала, притаившись, дальнейшей воли небес. Редкие капли с заново перестеленной и словно смальцем смазанной соломенной крыши беззвучно падали на песчаную подсыпку под стеной. Комар, который то улетал, то подлетал к самому уху погнусить, и тот исчез, насосавшись под шумок во время грозы.

Уши словно пальцами заткнуты.

Глаза словно воском опечатаны.

А при том обе ладони лежат под головой – одна на другой.

«Может, я умер?» – подумал Рувим, но в этот же самый миг в подушке зашевелился жук и начал бесконечную канитель своего путешествия.

Рувим усмехнулся столь явственному проявлению жизни. Следом пришла мысль, что вот так, наверное, сейчас в гробу фетера Менахема другой какой-нибудь жучок ищет себе хода меж комьями земли, рядом с ухом замотанной в тахрихим головы старого шойхета.

Вслед за этой мыслью приплыла в бессонную голову Рувима другая мысль, что усердие, с которым жук продирается меж травинки в подушке, лучше любого ребе объясняет, как устроена жизнь мужчины вообще. Вот так – продираешься, продираешься, сам не зная куда. Год продираешься, два, десять – целую жизнь. А в конце концов выясняется, что, как ни продирайся, а из замкнутого своего мирка не вырвешься. Так и умрешь, как дядя Менахем, исполняя мицву Неизреченного – трудись во благо. А самого блага так и не увидишь.

Ну, какое благо было Менахему от того, что колотился он всю свою жизнь грудью в нищету, отгоняя ее, проклятую, от своего порога. До седьмого пота, до хрипа. За обе семьи – за свою и за Ривкину.

Всё равно всё, что он ни делал, всё – только лишь для того, чтобы Шейвочка, его Шейвочка ни в чем не нуждалась. Вот ведь диво дивное – как любил свою Шейвочку дядя Менахем. Мама говорит, что и Шейвину мать – свою первую, угоревшую до смерти жену – любил он безумно. Прожил с ней бездетно пятнадцать лет, а когда та затяжелела Шейвой, не давал ей, азой цу зогн, ногой наземь ступить. На руках, как говорится, носил. По дому хлопотал, как старая Ента. Фиш чуть ли не сам готовил. Лишь бы родила вовремя и в порядке. Родилась Шейва. Когда, к исходу года, с Шейвой всё стало понятно, фетер Менахем поседел. Буквально за месяц. Скоро и Шейвина мать угорела в «черной» бане.

Как-то всё совпадает на белом свете – одно к одному. У Менахема потом было еще две жены, которые рожали ему как сумасшедшие. Мальчики все умерли. А девчонки выжили.

И Шейвочка тем временем подросла. И всем евреям в Казимеже стало ясно, что она – прелесть.

Рувим вдруг поймал себя на том, что при мысли о Шейве его охватила какая-то странная тревога, как будто он чего-то сильно и болезненно устыдился.

Шейва не была похожа ни на Менахема, ни на свою мать. Она вообще была вся, как будто ее пчелы покусали. С рождения. На яйцевидном личике со скошенным назад треугольным лбом шустро

сверкали одинаково внимательные ко всему и ко всему же одновременно безразличные глазки. Узкие монголоподобные глазки – под углом к затекшему щеками носу, едва из этих щек торчащему. Нижнюю часть лица с толстой и всегда вывернутой наружу мокрой губой над едва заметным подбородком поглощала широченная шея. Вернее, это была даже не шея, а нечто, спереди представляющее собой сплошной зоб. Сзади, если хоть сзади это можно было называть шеей, прямо от затылка, расширяясь, она переходила в мощные покатые плечи. Из-за этого на Шейвиной голове не держался ни один платок. Как ни вяжи. Всё едино – соскользнет. И ниже плеч – в том же роде. Толстые ручки, толстые пальчики, и книзу – всё шире. Как большая сахарная голова – только живая.

В маленькой Шейвиной головке разума было очень мало. Если он там был вообще. Но Шейвино сердце было полно доброты и нежности. Она была настолько же добрее и нежнее ко всему сущему вокруг, насколько «разумнее» могли считать себя все, кто ее окружал.

Шейва была чудовищно добра. Готовность любить была в ней такою, что, казалось, побей ее, а она всё равно обеими руками будет нежно цепляться за твою только что поколотившую ее руку.

Она и впрямь предпочитала хвататься обеими руками. Преимущественно – за пальцы. Одной ладонью за большой палец, другой – за мизинный. Подойдет бочком и незаметно так – хватать. И уже тербит, тербит бесконечно, и с тревожной тоской в глаза заглядывает – ищет теплоты и ответной к ней, дурочки, нежности.

Вывраться, уж коли взялась она за пальцы, было совершенно невозможно. Шейва ко всему вдобавок была еще и чудовищно сильна. Коровье ребро, взяв за концы, она ломала, как тростинку, без видимых усилий. Куда там пальцы из ее ладоней выдернуть! Раз попробовал кто-то. Никто больше не решался.

А Шейве-то и нужно было всего, чтобы по головке погладили. Или, глядя в ее постоянно ищущие на чем бы сосредоточиться глазки, сказали маленькую нежность – «Шейвеле, шейне мейделе». Если переводить созвучно и дословно, это означает что-нибудь – «Шейвица, красна девица». И вообще любую ласковую глупость можно было сказать, из тех, что и вовсе ничего не означают, но до сочинения которых евреи большие мастаки.

Коеньке-пиеньке, Шейвеле...

Главное – посмотреть ласково в глаза. Тогда она нежно прижималась щекой к плечу любого, кто ее ни погладь, и, помычав-помурлыкав что-то мечтательное, выпускала из своих ладоней зажатые пальцы. И убегала как ни в чем не бывало. Голова и плечи вперед. Быстро и тяжело переставляя под юбкой широко расставленные негнущиеся ноги. Вечно с непокрытой головой. Вечно платок развеивается за спиной, приколотый на груди огромной «цыганской» булавкой.

Доброта ее сочеталась с бесстрашием, в котором не было ни капли разума, – одна только воля Неизреченного.

Шейва разнимала дерущихся котят, не в силах слышать их вопли и видеть клочьями летящую шерсть. Или едва живую кошку отнимала у своры собак. Или маленькую сучку спасала из пасти их свирепой мясницкой собаки, по кличке Сатана. И правда, сушая жуть была. Ротвайльской породы. Охраняла их лавку. Бросалась даже на шойхета Менахема. А он-то хозяином был... А Шейва – ничего. Цап ее за загривок – и знай себе сыпает денежки в большой кожаный кошелек, притороченный к ошейнику. Попробуй кто – возьми! Менахем боялся – всегда Шейву просил.

Даже когда у Сатаны случались щенки, Шейва брала их в руки, гладила, дула на них. А свирепая ценная ротвейлерка, которая с кого другого враз спустила бы ползадницы, заваливалась на спину, открывая небу свое разбухшее молочное богатство, поджимала лапы к пузу и только перекачивалась на хребте, с одного бока на другой, безнадежно закатывая глаза – лишь бы не видеть всего этого. И скулила, скулила, скулила... Не то умильно, не то бессильно и отрешенно.

Однажды бык, приведенный уже на убой, до того расколобродился от предсмертной истомы, что приступивший было к нему с ножом Менахем просто отлетел в сторону и сильно повредил себе спину, отчего, между прочим, впоследствии и согнулся буквой «рейш». Шейва, случившаяся рядом, казалось, даже внимания не обратила на стоны своего любимого татеню, а подошла к быку, потрепала по шее, погладила

большие, захлестанные соплями ужаса губы, и бык встал как вкопанный. Менахем, не в силах подняться, стонал и корчился у забора. Шейва метнулась было помочь своему папочке подняться. Однако только лишь она сняла руку с бычачьих губ, тот опять заволновался, загудел, затопотал...

Так что Шейве вновь пришлось его успокоить.

Она зашла за желоб. Встала прямо перед мордой. Уперлась своим странным взглядом быку в глаза и вдруг укрыла эти глаза своими толстыми ладошками. И бык обреченно замер. Даже хвост повис мертвой веревкой. Только бока высоко поднимались и опускались, да хлюпало в большом розовом носу с продетым в нем кованым кольцом.

Все замерли в ужасе.

Шойхет Менахем один всё понял. Согнутый болью пополам, он кое-как, кряхтя, поднялся, бочком-бочком подскочил... И, словно молнией, полосонул резвым своим ножом по бычьей шее. Снизу. От уха до уха. Так что хлынуло, как из ведра. Разъехавшись передними копытами, бык повис, носом вверх, промеж двух столбов, привязанный к ним за кованое кольцо. Кровь ручьем текла в желоб, а бык даже ни разу не дернулся, потому что Шейва не отнимала своих ладошек от его глаз. И плакала.

Шейва плакала раза три за всю свою жизнь. Первый раз – над этим быком.

Ай-яй-яй, алтер фетер Менахем – старый дядя Менахем! Мама Ривеле его так всегда звала – «фетер Менахем». И все в семье – за Ривкой следом. Даже Шейвочка звала своего татеню Менахема «фетер Менахем». А он только смеялся и грозил Ривке пальцем. Ривке! Не Шейвочке...

Ай-яй-яй – как он любил ее, свою «Шейвеле, шейне мейделе»! Каждую ночь, когда все уже засыпали и никто не мог услышать, дядя Менахем прокрадывался к постели, где их спало четверо девок, а Шейва – с краю, как старшая... Так он прокрадывался к постели, брал толстую Шейвину ручку в свою, Шейва ведь всегда была толстая, так он брал ее толстую ручку, гладил, гладил тихонько и плакал: «Шлимазеле майне... Умгликлехе майнс кинделе...» – «дурочка моя, несчастная моя деточка...» Его сегодня утром так и нашли – возле ее постели, на полу, с повернутыми в сторону Шейвы глазами. С протянутой к ней, в последний раз, рукой.

Никого он так не любил.

Мама Ривеле говорила, что неделю назад Менахем, едва жив, дотащился до их дома. Сел в горнице. Помолчал. Потом посмотрел на Ривку своими ясными и светлыми глазами... Такими ясными, светлыми, желтыми глазами на этой его трясушей голове. И сказал тихо-тихо, и даже голосом не дрогнул – как молодой:

– Ривеле!.. Ты слышишь? Я всю жизнь работал! Мне нравилось – и я всю жизнь работал! Для себя работал. И на всех вас. Честно работал. Вот так!.. Я иду к Неизреченному, туда, где твой отец Мендл, мой младший брат. Вот так! Ривка! Пусть моей Шейвочке за все мои труды будет от тебя, Ривка, только одно хорошо. Да? Ты слышишь? А? Не тебе бы это от меня слушать! Я знаю! Но некому больше. Рувим не скоро поймет. Шейвеле, кинделе майнс! Ей совсем немного осталось. Ай мне! Я уже не могу дотянуть. Прости меня, Ривка. Прости, дочка.

Скажи всем, Ривка, скажи всем! Если что – Менахем-шойхет из гроба встанет!

И заплакал.

Тихо и почти без слез, как сирота.

Как старый, до смерти заезженный конь, которому завтра – на татарскую бойню.

И Рувим, как был – руки под голову и с широко открытыми в темноту глазами – вдруг тоже горько заплакал. Так горько, как только мужчины умеют плакать по мужчинам.

Слезы еще не остановились, а Рувим вдруг усмехнулся – он почему-то вспомнил, как полоумная тетка Шейва всегда таскалась с ними, Ривкиными сыновьями, разносить каждый раз, в ночь под пятницу, тихую милостыню. Мама Ривеле при этом всегда рассказывала, что и в детстве Шейва была точно такой же. Бабушка напечет в четверг вечером корзинку хал, даст маленькой Ривке в руки и говорит, кому отнести, в какой дом. А Шейва тут как тут.

Люди бедные или больные должны халы в субботу от души поесть – не думать о хлебе, а думать об одной лишь милости Неизреченного.

Ночью, перед самой зарей, надо прокрасться и тихонько халу положить. Летом – на подоконник распахнутого окна, а зимой – аккуратно, в тряпочке, чтобы не замерзла, – на крылечко. Одну халу или две, а то и три, смотря по тому, сколько детей у бедняков в доме. Там же – немножко денег. Чтобы был у людей праздник. А потом кинуть маленьким снежком в окошко. Или прижаться спиной к стене, постучать в закрытые ставни и – деру. Покуда хозяин прохрипит спросонья: «Вер из дорт?» («Кто там?») – да тулуп накинет, да до двери дойдет, тебя уж и след простыл. Тут главное – чтобы никто не увидел, кто те халы кладет. Иначе не получится тихой милостыни. Надо делать всё быстро и втайне.

Это Сам Неизреченный творит Свою милость и, незримый, наблюдает, как бедняк в распахнутом тулупчике и одних подштанниках, озираясь и не понимая, откуда счастье свалилось, хватает приношение, прижимает к груди и – бегом в хату.

И веселится Неизреченный, как те дети, которых послали незримо творить Его милость, как веселятся эти дети, прячась за углами соседних домов, за сугробами да под покровом жидких прозрачных кустиков палисадничка, и сияют озорно своими мудрыми с детства глазами – Его глазами.

И творят Его волю, сливаясь с ней.

Незаметно, легко и радостно.

Вот такое вдруг пришло Рувиму в голову.

В общем, если тихую милостыню творить, прятаться надо вовремя.

Одна Шейва никогда не успевала. Пока все прыскали врассыпную, она начинала суетиться, метаться, не зная, за кем лучше кинуться вслед. И оставалась, как правило, лицом к лицу с бедняком, выходящим на крыльцо за праздничным гостинцем. Ее всегда спрашивали: «Дайн арбет, Шейвеле?» Что

означает: «Твоя работа?» Или: «Твоих рук дело?» Она с готовностью всегда отвечала: «Мамес арбет!» Или: «Ривкес арбет!» И весело, всплеснув своими толстыми ладошками, вторила хохоту, немедленно раздававшемуся из-под всех окрестных кустов, из-за всех углов, за которыми прятались, боясь быть узванными, распираемые озорным страхом сопливые податели субботних благ.

Шейва никогда не плакала. Так – пару раз на памяти. Ее даже невозможно было испугать. Она от испуга страшно сперва терялась, а потом, всплеснув руками, начинала смеяться, откидываясь назад, а затем – наклоняясь вперед.

Назад – вперед, назад – вперед.

Бедная Шейвочка!

Шлимазеле Шейвеле!

Один раз, мама Ривеле рассказывала, Шейва плакала, когда пастух убил гадюку. Шейва гуляла по опушке рощицы, что за околицей, и вдруг услышала шипение в траве. Наклонилась. И увидела громадную пеструю гадюку, которая с безопасного для обеих – для Шейвы и для нее – расстояния предупреждала: лучше не приближайся. Шейва остановилась, медленно и с любопытством склонилась над травой – рассмотреть змею поближе.

Обе замерли.

Гадюка приподняла свою непропорционально тяжелую, словно тупорылый утюг, треугольную голову с ледяной улыбкой сомкнутой до времени пасти, двумя малюсенькими дырочками вместо носа и мертвыми блестящими бусинками аспидных глаз. Она с недоверием проверяла окружающий мир, щупая перед мордой воздух своим молниеносным раздвоенным языком. Бедная гадина не могла ускользнуть от Шейвы, потому что только-только проглотила довольно большую крысу и даже не ползла, а судорожными рывками, толкая хвостом и подтягивая шеей, тащила плеть отяжелевшего тела от огородов к рощице в поисках подходящего убежища – переварить такую огромную удачу.

Как вдруг от опушки – Шейва.

На' тебе!

Правда, как только это странное существо наклонилось над ней, гадюка шипеть перестала, потому что страшная тяжесть и боль от съеденной поживы, оказавшейся чрезмерно большой, непосильной и, похоже, смертельной, внезапно утихла. Так внезапно стихает шум травы. Наоборот – наступила странная, приятная легкость. Захотелось чего-то большего, чем просто сытость и покой. Захотелось положить голову на медленно приближающуюся ладонь, от которой исходили приятное тепло и, казалось, свет. Гадюка медленно потянулась к приближающемуся счастью, чтобы припасть к нему, замереть. Может быть, даже заурчать... По-своему – по-гадючьи... Как вдруг...

Мир прекратился для этой гадюки. Перестал быть.

И гадюка выпала из этого мира.

Пастух, вышедший из роши с ленивым кнутом на плече, напряженно подался вперед, замер на секунду... А потом вдруг стремительно взмахнул рукой через сторону – вверх и...

Резко дернул вниз.

Волосяная косица на конце кнута оглушительно шархнула по воздуху и отрубила змее голову.

Шейва взревела так, что сбежались все в округе.

Успокоилась она припадком. Падучая начисто вытрясла из ее головы ту гадюку.

Только пастухов теперь обходит бедная дурочка стороной.

Очертания предметов в горнице проступили. За окошком начало медленно светлеть. Жук в подушке угомонился на время. Рувим закрыл глаза. Он еще раз вспомнил странную свою полоумную тетку Шейву.

Вот ведь учудила вчера!..

Когда тело проносили через ворота, Шейва, которая, кстати сказать, меньше остальных убивалась по покойному, испугала всех до смерти...

Сперва она так... Сидела тихонько в уголке со своей обычной улыбочкой на лице и временами бесцветно скулила, когда сестры и племянницы, едва отдышавшись от предыдущего захода, снова поднимали погребальный вой.

А когда Менахема проносили через ворота, Шейва бросилась Рувиму на шею, повисла на нем всей своей тушей и завывала страшным голосом:

– Рувимеле, бедненький ты мой, сиротка! Вэйз мир! Кто тебя теперь научит?! Умгликlexer бохер ду! Несчастный ты малый!

Рувим, как ни был здоров, чуть не упал от Шейвиной тяжести. От напряжения и удущья он весь побагровел, как бурак.

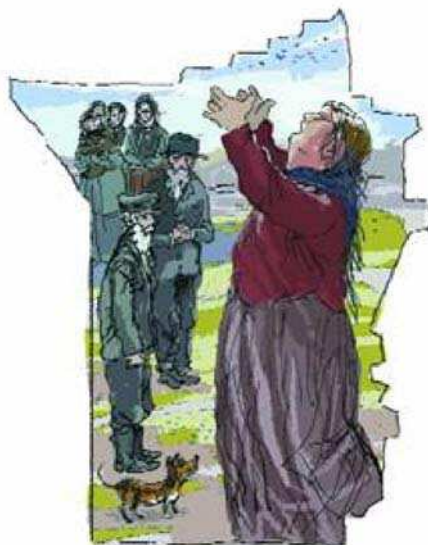
Шейва неожиданно его отпустила. Постояла, потупившись. Потом вдруг задрала в небо подбородок, раскинула руки и всей спиной грохнулась оземь с пеной на губах.

В тот же миг мама Ривеле побледнела и потеряла сознание.

Раввин крикнул, чтобы быстрее уносили тело.

Женщины остались во дворе – суетиться возле расслабленных. Мужчины припустились с носилками на плечах в сторону кладбища.

В общем, удалась похороны – нечего сказать!

Рувим еще раз вспомнил страшную Шейвину тяжесть и железные объятия ее маленьких толстых ручек. Вынул из-под затылка ладони и стал ощупывать ключицы, плечи, шею. Ладони сильно затекли под головой и теперь отходили. Ручейками побежали теплые иголочки. Как огонек по тополиному пуху – перебегают между травинки, затухая, потом возвращается откуда-то издали и вновь возникает рядом.

Ладони под мышки... На бок...

Птицы за окном защелкали потихоньку, точь-в-точь как эти иголочки в ладонях... Точно так же... Перебегающими ручейками...

В глаза словно песку насыпали.

Рувим начал проваливаться куда-то, всё еще пытаясь уцепиться за края сознания, из которого он утекал, словно в воронку водоворота, в раздавливающее всё тело сонное небытие, полное каких-то пестрых видений, мелькающих там, вдали, куда его стремительно несло.

Мама упала в обморок. Нет, не то...

Шейва. Ее припадок. Нет. Страшный крик:

– Рувимчик, несчастный ты парень! Кто тебя теперь научит?!

Нет. Это тоже не то, хотя постой...

Мама упала в обморок... Да, вот!.. Мама и на кладбище падала... Снова... Почему? Шейва?.. Нет, Шейва осталась дома... Вода течет... Ах, да! Течет вода... С оттопыренной и красной медной губы кувшина... Течет на голову и за шиворот...

Тайба!

Она подала мне на кладбище умыться. И потрепала по кудрям. А я вырвал у нее кувшин из рук и опрокинул себе на голову... Г-споди, какая она красивая!

Я давно не видел Тайбу так близко – больше года.

Но почему же Шейва всё время кричит, что я несчастный? Тайба ведь такая красивая! Ну и что, что красивая? Причем тут?

Тайба!.. У нее еще лицо потемнело внезапно, словно она меня вдруг возненавидела...

Почему петух кричит:

– Умгликлехер бохер ду!

Да нет! Это просто кричит петух.

Пора вставать...

Мойдэ ани лефонеха Мелех хай векаём...

Благодарю Тебя, Владыка Живой и Вечный, за то, что по милости Своей возвратил Ты мне душу мою. Велико Твое доверие.

ХРАНИТЕЛЬ МОГИЛЫ

Beit Olivot

Неизбежность есть не что иное, как пересечение случайностей. Побежал человек случайно через дорогу, а из-за угла, не менее случайно, вывернул автобус. И возникает, не про нас будет сказано, неизбежность.

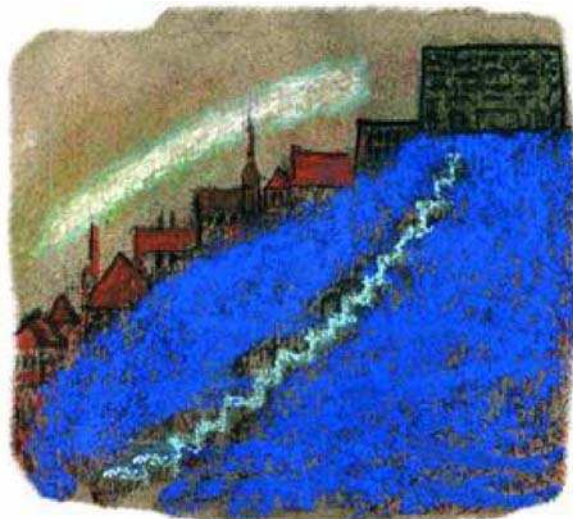
Мы лавируем между случайностями, точно между каплями дождя, вернее, они барабанят по нашей шкуре, словно те же капли. Никогда нельзя знать, где можешь оказаться, наклонившись за укатившейся монеткой.

Несколько десятков лет назад вильнюсский горсовет постановил разрушить старое еврейское кладбище. Особо злого умысла за этим решением не стояло: кладбище давно оказалось в черте разросшегося города, и на его месте должен был расположиться новый жилой район.

К могилам советская власть относилась пренебрежительно, точнее сказать, утилитарно: при первой необходимости пускали под нож экскаватора. В государстве, где главным символом служил мавзолей с так и не удостоившимся погребения покойником, такое отношение к мертвым удивляло.

По существовавшим правилам, родственники имели право перенести захоронения на новое кладбище. Таких случаев оказалось немного: коренные виленские евреи сгинули в фашистских концлагерях, и заботиться о мертвых было уже некому. Община перенесла только братскую могилу жертв погрома 1919 года и склеп с останками виленского Гаона.

Кладбище снесли, а из гранитных надгробий, после небольшой обработки, сложили роскошную лестницу. Лестница вела на холм посреди города, где возвышался Дворец профсоюзов. Во дворце выступала еврейская самодеятельность, и посетители концертов каждым шагом попирали прошлое литовского Иерусалима. Специально так было задумано или случайно получилось – неизвестно. А сегодня не так уж и важно.

Плиты обтесали халтурно, и на ступеньках проступали закорючки еврейских букв. Реб Берл, староста виленской синагоги, никогда не ходил по этой лестнице, предпочитая добираться троллейбусом на вершину холма и оттуда пешком через парк. Реб Берл возил на занятия в хоре еврейской самодеятельности внука, Витаутаса Марцинкявичюса.

Дочь реб Берла вышла замуж за одноклассника-литовца. Кроме национальности, в зяте реб Берла устраивало всё. На следующий день после свадьбы Юозас Марцинкявичюс объявил жене:

– Дома мы будем разговаривать или на идише, или по-литовски. Но не по-русски. Выбериай.

Особенно выбирать было не из чего: познания Юозаса в еврейском ограничивались несколькими ругательствами и проклятиями, в то время как молодая Марцинкявичене прекрасно владела его родным языком. Собственно говоря, между собой они всегда изъяснялись исключительно по-литовски, а посему, кроме позы, за словами Юозаса ничего не стояло. Но поза, согласитесь, была красивой.

Жили молодые хорошо, даже очень хорошо. Зять с большим уважением относился к религиозным странностям тестя и на Пейсах даже соглашался убирать из дому всё квасное, дабы реб Берл мог приходить к ним в гости.

– Вкусная маца получилась, – регулярно шутил он на седере у тестя. – Но до настоящей ей далеко! – и понимающе поднимал брови.

– Что значит – до «настоящей»? – как правило, откликался кто-нибудь из новых гостей.

– Настоящая, она с кровью! – продолжал шутить Юозас.

Однако, при всей своей либеральности и незаурядном чувстве юмора, делать сыну обрезание Юозас отказался наотрез:

– Где это вы видели Витаутаса Марцинкявичюса с обрезанным концом?

Сына он назвал в честь литовского князя, успешно громившего сотни лет назад русские дружины. Единственное, что смог вырвать у зятя реб Берл, – это участие внука в еврейской самодеятельности. К искусству Юозас относился положительно, Витаутас Марцинкявичюс, распеваящий «дринкен абисалэ вайн», его почему-то не смущал.

От реб Берла я узнал подробности перевозки праха Гаона. Когда стали доставать из ямы гроб, прогнившая крышка треснула. Гаон лежал в истлевшем саване, но сам совершенно целый, словно похороны состоялись не двести лет назад, а вчера утром.

Крышку заколотили, и гроб погрузили в автобус. По дороге кому-то пришла в голову мысль проехать через центр города, мимо того места, где когда-то стояли синагога Гаона и его ешива. На старых улицах Вильноса осталась бульжная мостовая, и автобус сильно трясло. Уже потом вспомнили, будто один из основателей хасидизма, Магид из Межерича, или Алтер Ребе, пригрозил Гаону:

– Твои кости будут греметь по виленским мостовым!

Обещание исполнилось – покой праведника оказался потревоженным, и все, кто принимал участие в перевозке, умерли в течение короткого времени. Мне не удалось отыскать ни одного свидетеля.

На новом кладбище Гаона положили, так же как и на старом, рядом с его зятьями и Гер-цедеком, графом Потоцким, перешедшим в еврейство и сожженным по приговору католического трибунала во второй день праздника Швуэс. Вернее, если соблюдать хронологию, то первым на старом кладбище похоронили Гер-цедека, а уже после этого Гаон попросил, чтобы его положили возле праведника. При переносе могил порядок слегка перепутали; первым справа захоронили Гаона, а за ним – бывшего графа Потоцкого.

Не знаю, насколько достоверно предание, рассказанное мне реб Берлом, но, по его словам, в Вильне оно передавалось из уста в уста две сотни лет.

В ночь перед казнью Гаон пришел к Гер-цедеку в тюрьму. Охраняли заключенного остервенело, и проникнуть через тройную цепь часовых было невозможно. Поступок молодого графа разъярил шляхту, и она мстила ему так же страстно, как еще совсем недавно лебезила перед ним, наследником знатнейшего рода и самого крупного состояния Польши.

– Пойдем, – Гаон протянул руку и кандалы, словно бумажные игрушки, упали с ног Гер-цедека. – Я выведу тебя отсюда.

– Скажите мне только одно, – попросил Гер-цедек, – это решение Неба?

– Решение, – ответил Гаон, – но в моих силах его изменить.

– Не нужно ничего менять, – Гер-цедек отодвинулся в глубину камеры. – Я не хочу пользоваться сверхъестественными силами для своего освобождения.

Гаон не ответил. Несколько минут в камере царила тишина.

– Хорошо, – произнес наконец Гаон. – Но знай: написано в наших книгах, что погибающие за веру не чувствуют боли.

Поленницу, на которую палачи поставили Гер-цедека, предварительно облили водой. Мокрые дрова горят медленно, и осужденный умирает не от пламени, а от жара, долгой и мучительной смертью.

Влажное дерево дымило, и клубы дыма закрыли Гер-цедека от взоров любопытной толпы. Обычно треск разгорающихся дров перекрывался криками жертвы, но на этот раз их не было слышно. Площадь притихла, а когда порыв ветра отнес дым в сторону, взглядам палачей и ксендзов открылось удивительное зрелище: человек, стоявший на костре, улыбался...

Место на еврейском кладбище для останков Гер-цедека определил сам Гаон. Чем он руководствовался при выборе – никто не знает, но говорят, будто он долго ходил по кладбищу, словно вымеряя, высчитывая лишь ему известные координаты.

После переноса над могилами соорудили склеп, небольшой домик из бетона с тремя окнами и башенкой. Автобус, в котором я возвращался с работы, проходил недалеко от кладбища, и я завел себе привычку два раза в неделю выходить на ближайшей остановке и молиться на могиле Гаона.

Поначалу я долго стоял у запертой двери, вглядываясь в сумрак внутри склепа. Дверь сделали недавно, пару десятков лет назад, но выглядела она очень древней. Железо прогнило, нижний лист был помят, точно по нему часто-часто стучали маленькими молоточками, концы шестиконечной звезды разлохматились, краска, намазанная прямо по ржавчине, отставала целыми пластами. При небольшом усилии рисунок, созданный на двери ветром, морозом и сыростью, можно было представить, как географическую карту. Я рассматривал ее, воображая неведомую страну, ее города, реки, озера. Наверное, это всплывало во мне непрожитое до конца детство.

Религиозные люди часто обладают большим воображением. Постоянные упражнения духа, попытки разговора с невидимым, но вездесущим Творцом развивают фантазию, а у тех, кому посчастливилось родиться в соблюдающей традиции семье, навсегда остается в сердце кусочек детства, с его наивной верой в чудеса, высшую справедливость, неперемнное возмездие и обязательную победу добра над злом.

Склеп выглядел так, будто простоял добрую сотню лет. По незнанию, я отнес состояние двери и раскрошившийся бетон на счет халтурной работы строителей. Много позже, изучая Талмуд в Бней-Браке, я обнаружил объяснение быстрого разрушения могилы.

Силы нечистоты обступают человека, точно канавка для полива окружает дерево. Ужасная, страшная нечисть вьется прямо у наших ног, и в том, что мы не видим эти создания, заключена большая милость Творца. Они кошмарны; тот, кому доведется хоть раз взглянуть на их истинное обличье, сходит с ума.

Особенно тянутся они к праведникам, летят на огонек святости, будто комары на огонек лампы. Одежда мудрецов изнашивается быстрее, чем у обычного человека, из-за мелких бесов, трущихся о штанины, цепляющихся к лацканам пиджаков. На могилу Гаона нечисть, видимо, летела тучами, словно саранча во время египетских казней.

Помечтав минут пятнадцать, я приступал к молитве. Поскольку день клонился к вечеру, я читал «Минху», послеполуденную молитву, и возвращался на остановку автобуса. Странное дело, на кладбище я приходил совершенно здоровый, а уходил с насморком.

– Виновата сырость, – думал я, – просто нужно одеваться потеплее.

Но свитер и даже куртка не помогали. Насморк приходил и уходил, будто по расписанию, начинаясь сразу после молитвы и отпуская только на следующий день утром, после накладывания тфилин. Даже такому непонятливому экспериментатору, как я, стало понятно, что дело не в одежде и не в сырости. Реб Берл, услышав мою историю, схватился за голову:

– Ты с ума сошел, кто же читает «Минху» на кладбище!

– А почему нет? – удивился я.

– Ты будто бы задираешь мертвых: вот, я могу, а вы уже не можете. Поэтому и молитвенники не вносят на кладбище, и цицис прячут. Подумай, кого ты дразнил! Еще легко отделался, только насморком.

Мои рассуждения о сырости, промозглой погоде и низком качестве шерстяных изделий реб Берл отбросил сходу.

– Знаешь что, – сказал он, роясь в карманах, – вот тебе ключ от двери в склеп. Открывается с трудом, но открыть можно. Внутри читай только «Псалмы». Через недельку расскажешь о результатах, экспериментатор...

К первому посещению склепа я готовился, словно к первому свиданию с любимой девушкой. Купил пачку свечей, вечером накануне долго и тщательно мылся в душе, надел чистое белье. Однако дело чуть не завершилось крахом. Замок не открывался и, сколько я ни давил на ключ, заветный щелчок не раздавался. Спустя полчаса, ссадив пальцы до крови, я опустил руки.

«Неужели это так и закончится, бесславно и постыдно? Ехать за слесарем, просить помощи. И ведь чего я прошу, в конце-то концов, о чем молю, чего добиваюсь?! Попасть на могилу праведника, псалмы почитать! Неужели Ты меня непустишь?!»

Я ухватился пальцами левой руки за головку ключа и в сердцах крутанул. Никакого результата! Я принялся крутить еще и еще, и вдруг замок, словно нехотя, шелкнул. Еще не веря, я потянул за ручку, дверь заскрежетала и начала отворяться. Видно, ее давненько не сдвигали с места, пыль на полу склепа сбилась в кучу и образовала валик, очертаниями повторяющий неровный край двери. Я разбросал валик носком ботинка, распахнул дверь и вошел.

Внутри царили тишина, полумрак и сырость. Из бетонного пола выступали шесть надгробий. Над одним из них, первым справа, в стену была вмурована каменная доска. Среди множества выбитых на ней слов выделялось одно, подойдя поближе, я прочитал: «Элиёу». В метре от меня покоилось тело величайшего еврейского мудреца последних трех столетий – виленского Гаона.

Начинающие духовное путешествие всегда склоны к театральности, ищут чудеса и отзываются на внешние эффекты. По мере продвижения, акцент постепенно перемещается с внешнего на скрытое, и подлинные переживания, а с ними и наслаждения, уходят во внутренний мир.

Я расставил свечи по могилам, зажег их, притворил дверь и прикрыл глаза. Сквозь неплотно сомкнутые веки едва заметно трепетало пламя свечи на могиле Гаона, внезапно пошедший дождь шуршал по крыше. Я ждал, не знаю чего, наверное, чуда, знака, ниточки, сигнала, что меня слышат, что я здесь не один, что трепещущая, но не рвущаяся связь по-прежнему крепка, сколько ни пробуй ее на прочность. Но ничего не произошло, просто ничего.

Свечи почти догорели, когда я вспомнил про «Псалмы». Достав из нагрудного кармана небольшую книжечку, я раскрыл ее наугад, рассчитывая на некую подсказку – в номере страницы, первом слове или фразе. Опять ничего. Тогда я принялся читать, почти не понимая смысла старинных слов, просто произнося звуки и пытаюсь делать это наиболее точно. Пять, десять, пятнадцать минут. Свечи начали трещать, и буквы в книжке, и без того еле различимые, стали расплываться.

И вдруг, да, вот тут наконец произошло так долго ожидаемое «вдруг», но произошло вовсе не так, как его ждали, а по-своему, по единственно правильному своему, совсем не похожему на наши ожидания. Мои руки вдруг опустились, а губы сами собой, вернее, почти сами собой забормотали, зашептали просьбы. Словно упала пелена с сердца, пропала стеснительность, исчезли робость и отчужденность недоверия. Я просил и молил о главном, о болезненном и невозможном главном, и слова текли, не отпуская друг друга, изумрудной нитью настоящей молитвы.

Сколько она длилась – не знаю, но, наверное, недолго. Когда я очнулся, фитили свечей коржились в последних судорогах. В душе моей царили тишина и покой, я знал: всё будет хорошо, просто не может, не должно быть по-другому.

Честно говоря, причин для такого оптимизма было маловато. К тому времени семейные обстоятельства моей жизни затянулись в тугой узел, настолько тесно прилегающий к горлу, что избавиться от него можно было только самыми радикальными средствами. Но резать, рубить по живому, по еще живому, не хватало ни сердца, ни решимости. Раскачиваясь и плача, я просил на могиле Гаона о чуде, о бесконфликтном разрешении моих проблем. Просил, чтобы для меня лично дважды два стало не четыре, и даже не пять, а восемнадцать.

Много позже в одной из старых книг я наткнулся на проклятие, обозначенное как наиболее страшное из всех существующих. Поначалу оно вовсе не показалось мне страшным, но, примерив его на собственную судьбу, я понял, сколь глубокая правда заключается в этих шести словах.

«Пусть исполнится всё, о чем ты просишь», – гласило проклятие.

Теперь, спустя жизнь, я с ужасом представляю, что стало бы с моей судьбой, если бы тогдашние просьбы на могиле Гаона были услышаны.

Закрывать дверь мне не удалось, я просто притворил ее покрепче и тихо удалился, боясь неосторожным движением расплескать покой, воцарившийся в душе. На следующий день, взяв взаймы у механиков завода, на котором я работал, масленку с длинным и тонким горлышком, я буквально залил замок самым лучшим машинным маслом. Капельки масла выкатились наружу и заструились по ржавому железу.

Дверь закрылась, но ее общий вид действовал на меня удручающе. Ничто в ней не походило на благородное старение, приличествующее могиле праведника, а напоминало обычные для советского строя запустение и бесхозность. И я решил действовать.

Тогда, в самом начале перестройки, пошли разговоры о размещении на заводах частных заказов. Будто обычный гражданин может заказать на танковом заводе ограду для садового участка или, заплатив наличными, изготовить на другом засекреченном предприятии не оптический прицел снайперской винтовки, а телескоп для любительского наблюдения за звездами.

Недолго думая, я отправился с частным заказом к заму гендиректора по кадрам. Зам гендиректора, сравнительно молодой литовец со странной для кадровика фамилией Панка, славился своей неусыпной бдительностью. Товарищ Панка мог часами подкарауливать на морозе негодяя, решившегося пропихнуть сквозь щель в заборе стальной лом.

Половина старого Вильнюса отапливалась печами. Если зимним утром забраться на башню Гедиминаса, то вид открывался пасторальный: из черных труб на красных черепичных крышах, украшенных белыми шапками снега, поднимались серые столбики. Улицы Старого города пропахли угольным дымом, его острый аромат я помню до сих пор. Переплетаясь с колокольным звоном тридцати вильнюсских костелов и монастырей, он создавал питательную среду для всякой нечисти, в изобилии гнездившейся под крышами старых домов. К концу зимы снег на крышах, заборах и подоконниках покрывался черной пудрой, и прикосновение к нему грозило основательно испачкать пальто.

Уголь хранили в деревянных сарайчиках, крытых латаным толем. Под беспрестанным давлением вильнюсской непогоды крыши там и сям протекали, и полторы тонны угля, запасаемые на зиму, превращались в сверкающий черный монолит, поддающийся только лому. После одной зимы лом тупился, а то и гнулся и требовал заточки или замены, потому сей нехитрый инструмент был в большом ходу среди

обывателей столицы Советской Литвы. Покупать его в магазине считалось зазорным: заводов в Вильнюсе хватало, и каждый хозяин, в преддверии угольных заготовок, исхитрялся, как мог.

Гораздо проще было бы заделать щель в заборе, но куда тогда направить охотничий азарт и благодное чувство справедливой расправы? Звездный час товарища Панки пришелся на недолгое правление Андропова. Принимая участие в рейдах по дневным сеансам кинотеатров, он умудрился изловить на одном из них начальника отдела сбыта вместе с любовницей, секретаршей главного инженера. Прелюбодеев уволили, правда, не за супружескую измену, а за нарушение трудовой дисциплины, и Панка несколько недель ходил, словно накачанный горячим воздухом. Окружающие опасались, что зам генерального в любую секунду оторвется от земли и торжественно отплывет в серое литовское небо.

– Вот, – сказал я, протягивая товарищу замдиректора написанное от руки заявление, – прошу завизировать.

– Это, что это? – не сразу сообразил Панка, разглядывая прошение.

– Дедушка у меня на кладбище лежит, – начал я, стараясь придать своему голосу самый обыденный тон, будто речь шла о простейших, сто раз деланных делах. – Ограда проржавела, дверь сгнила, надо чинить. Прошу оформить наряд на ремонт согласно прејскуранту.

Панка наморщил лоб. Обычно «левые» работы производились на заводе вечером: за бутылку водки охранники отворачивались, давая возможность нарушителям сначала заволочь на подотчетную территорию подлежащий ремонту предмет, а затем, спустя несколько часов или дней, – выволочь. Я был первым, кто обратился с такого рода просьбой в официальном порядке, и Панка плохо представлял, что со мной делать.

– Ты это, – сказал он после нескольких минут напряженного размышления, – ты обожди немного. Я проверю, как это оформлять, и сообщу.

– Так я зайду завтра?

– Нет, лучше послезавтра. А еще лучше, через неделю.

– Спасибо.

– Чего уж там.

Через неделю товарищ зам генерального долго морщил лоб, будто бы вспоминая, чего я от него хочу. Не было ни тени сомнения: он прекрасно помнит, о чем идет речь. Тягостное молчание повисло в комнате, но помогать Панке я не собирался.

– Ты это, вот что, – наконец молвил он, прервав затянувшуюся паузу. – Зайди еще через неделю.

Я зашел через неделю, и через две, и через три. На пятый или шестой визит Панка сломался.

– Знаешь что, – сказал он, стыдливо отводя глаза в сторону, – я дам указание начальнику охраны, он тебя пропустит. Сколько там стоит этот ремонт...

– Я заплачу. Сколько будет стоить, столько и заплачу.

– Да никто не знает, сколько это будет стоить, – рявкнул Панка. – В этом-то и проблема! Нету ни нормативов, ни прејскурантов. Что я, из-за твоего дедушки начну новый стандарт предприятия разрабатывать? Знаешь, сколько времени я на твою ограду потратил! Мой труд тоже не бесплатный.

– Спасибо, спасибо! – я быстренько пошел к выходу. – Так вы известите начальника охраны?

– Прямо сейчас, – Панка поднял трубку. – Вези свою дверь.

Снять и погрузить дверь в «пикапчик» труда не составило, настоящая проблема заключалась в другом. В те годы слово «еврей» и особенно символ еврейства – шестиконечная звезда – воспринимались будто нечто зазорное, вроде слова «сука». Само по себе выражение вполне пристойное и в литературе встречается, но вслух произносить неудобно. Дверь украшала огромная шестиконечная звезда, нести ее с таким украшением через весь завод означало не только привлечь к себе всеобщее внимание, но и вызвать многочисленные пересуды и толки. Поэтому я раздобыл рулон мешковины и старательно укутал дверь, наподобие того, как бойцы спецназа пеленают бинтами свои автоматы.

Панка не подвел, и на проходной меня пропустили без единого звука. Я втащил дверь на ремонтный участок и приступил к задаче магарыча. Расчет был чрезвычайно прост: пара рабочих рук – одна бутылка водки, две пары – две бутылки.

– Чья могилка-то? – поинтересовались слесаря, узрев могоендовид во всем размахе его треугольников.

– Дедушки, – ответил я, незаметно для себя самого оказываясь в одной компании с Остапом Бендером. Единственное, что оправдывало мое незаконное присоединение к семье виленского Гаона, была благая цель этой маленькой лжи: объяснять работягам, чью могилу я собираюсь отремонтировать, не имело никакого смысла.

Дверь не просто починили, а отреставрировали, заменив сгнившее железо нержавеющей сталью. Старую краску сбили на пескоструйке и положили новую, предварительно как следует загрунтовали. Замок я купил самый лучший, и слесаря скроили для него аккуратную коробочку из жести, защиту от влаги и сырости. Коробочку покрасили черной краской, и она стала напоминать футляр для тфиллин. Поместив замок внутрь, его набили специальным солидолом, густой смазкой, защищающей механизм от любого вида коррозии. Думаю, замок работает до сих пор, поскольку солидол предназначался для защиты электромоторов, двигающих щетки стеклоочистителей на рубках военных кораблей, и сносу ему просто не было.

Я очень торопил слесарей – ведь склеп оставался открытым, и мало ли какая холера могла забрести в него по своей нечистой нужде. Но всё обошлось, через день дверь была готова, я опять укутал ее мешковиной и беспрепятственно вынес с завода. Петли, вмурованные в бетон склепа, я обильно смазал тем же солидолом, навесил дверь и, вставив ключ, повернул его по часовой стрелке. Замок, мягко щелкнув, закрылся. Легким поворотом пальцев я вернул ключ в прежнее положение, и снова закрыл; теперь управиться с замком смог бы и трехлетний ребенок.

Новые ключи я отдал реб Берлу, два он оставил у себя, а третий вернул мне.

– Раз ты уже взялся за такое дело, – сказал он, протягивая ключ, – побудь немного хранителем могилы. – Не всё старикам на себе тащить, пора и молодежи плечо подставить.

– А в чем заключаются обязанности? – поинтересовался я, принимая ключ.

– Чтоб так особенно, то ни в чем. Держи порядок, навещай почаще и, если кто попросит, води смотреть. Но будь осторожен, близость к праведнику – непростое дело.

– А чего остерегаться?

– Да конкретно ничего, будь хорошим евреем и не обижай людей.

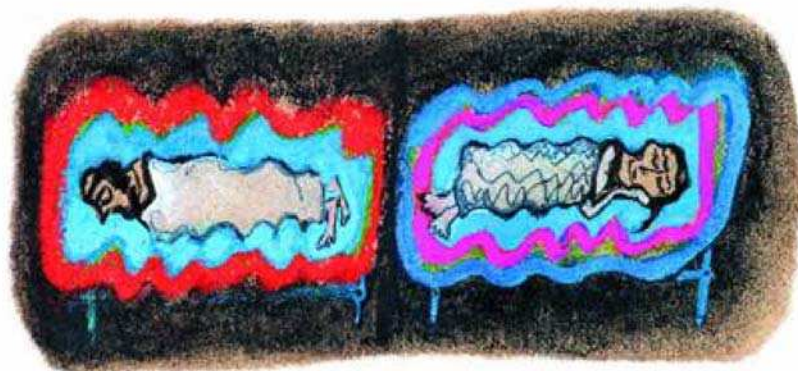
Несколько недель меня не покидало приподнятое настроение, похожее на тот, первый, восторг, а потом заботы и тяготы взяли свое. Сказать по правде, я ожидал если не полного и немедленного исполнения всех просьб, то хотя бы начала, первой весточки. Но она не появлялась – тьма мне не давала знака.

Реб Берл начал посылать ко мне тех, кто хотел посетить могилу Гаона. Их было немного, этих гостей, и все они оказались со странностями, каждый со своей.

В одну из суббот в синагоге появился хабадник из Ленинграда, Авигдор. Он остановился у своей дальней родственницы и вечером пришел на миньян. Мы разговорились, Авигдор выглядел обычным, не внушающим никаких подозрений человеком.

Странное началось на следующий день, после утренней молитвы. Синагога была полна книг, их присылали со всей Литвы из разрушенных и разграбленных молитвенных домов. По словам стариков, приходили посылки даже из украинских и белорусских городов, в которых не осталось ни синагог, ни евреев. Книг собралось великое множество, целая библиотека, и мы с приятелем потихоньку разгребали это богатство, сортируя, очищая от пыли и расставляя по полкам на втором этаже, в женской половине. Женщины – старушки – появлялись там один раз в году, на Йом Кипур, и «женской» половина называлась исключительно по старой памяти. Хотя, в общем-то, вся синагога держалась именно на той самой старой памяти, поскольку новых событий в ее жизни уже не происходило.

Разыскав среди завалов особенно хорошо сохранившиеся книги, мы переносили их вниз, в главный зал. Постепенно там также собралась очень прилично выглядевшая библиотечка. Огромные тома Талмуда в толстых кожаных переплетах с золотым тиснением, сборники алохических постановлений, книги наиболее известных комментаторов. Конечно же, на почетном месте красовались четыре тома «Шулхан Оруха» из частного собрания купца Лейба Виткина. Так, по крайней мере, было вытиснено на корешках. Авигдор снял с полки одну из них и буквально впился в нее глазами, казалось совсем позабыв о молитве.

После окончания службы он подбежал к реб Берлу с выражением чрезвычайного беспокойства на лице, покрытом клочковатой бородой.

– Вы староста синагоги?

– Да, – ответил реб Берл.

– А раввин тут есть?

Более идиотский вопрос трудно было задать. На весь Советский Союз власти разрешили только одного раввина, в Москве, и ходить к нему советоваться означало то же самое, что ходить советоваться прямо к куратору еврейского отдела КГБ. Не знать таких элементарных вещей Авигдор не мог, следовательно, в его голове варилась очень странная каша. Но это еще было ничем по сравнению со следующим вопросом.

– Нет, последнего виленского раввина расстреляли в сорок первом году. У вас есть еще вопросы?

– Да, да, – зачистил Авигдор. – Я остановился у родственницы, пожилой женщины, лет шестидесяти, если не больше, да?

– Что «да»? – не понял реб Берл.

Но Авигдор продолжал – «да», как выяснилось, он добавлял почти после каждого предложения, вместо точки или для связки мыслей.

– Так вот, комната у нее одна, я спал на диванчике за шкафом. А сейчас прочитал в «Шулхан Орухе», будто если мужчина провел ночь в одной комнате наедине с женщиной, он должен на ней жениться, да?

– Что «да»? – опять переспросил реб Берл.

– Так я обязан жениться или нет?

Реб Берл тяжело вздохнул.

– Послушайте, молодой человек, – сказал он, начиная складывать талис. – Написано в Торе, что нужно есть кошерную пищу. Написано, можно открыть и убедиться. А еще написано в Торе, что нужно накладывать тфилин. Тоже написано. Но покажите мне, где написано в Торе, что нужно быть идиотом?

– Так, значит, я не обязан жениться, да? – с облегчением вздохнул Авигдор.

– Ну почему, если вам так сильно хочется, можете попробовать. Она ваша дальняя родственница или ближняя?

Глаза у реб Берла заискрились. Авигдор наконец понял всю нелепость своего вопроса и тоже заулыбался.

На следующий день, в воскресенье, я повез его на кладбище. Молился Авигдор неистово и бесконечно: я успел прочитать все свои постоянные псалмы, попросить просьбы, просто подумать, разглядывая серую стенку склепа, погулять по кладбищу, еще раз постоять возле Авигдора, а он всё раскачивался и раскачивался, ничего не замечая вокруг себя. В конце концов мне это надоело, и я начал интеллигентно покашливать. Никакой реакции. Закашлял сильнее. То же самое. Наконец я решительно прикоснулся к плечу Авигдора.

– Мне пора, я должен запереть склеп.

– А, да-да, хорошо. Хорошо.

Мы вышли наружу. Лицо Авигдора сияло.

– Знаешь, какая роскошная идея пришла мне в голову? Пора кончать эту свару между хасидами и миснагдим. Я соберу хабадский миньян, мы приедем сюда на могилу и завершим двухвековую распрю, да?

– Вряд ли Гаон станет с вами разговаривать. А больше тут завершать не с кем.

Но Авигдор не слушал, его несло:

– Отцы ели виноград, а у детей оскомины. Сделаем «лехаим», почитаем псалмы, поучим хсидус – и делу конец.

– Ой ли, конец?

– Конец, конец, я тебе говорю, нет такой преграды, что устоит перед желанием, да?

Всю дорогу обратно он гудел и, крутя руками, словно пропеллером, перечислял тех, кому он позвонит, кто согласится наверняка, а кого придется уговаривать. Когда автобус въехал на улицы старой части Вильнюса, Авигдор уже призвал под свое знамя около тридцати хабадников и лихорадочно соображал, как и у кого их разместить. От продолжения разговора я уклонился, сославшись на семейные дела, и поскорее удрал.

Еврейский мир очень тесен, и слухи в нем разносятся со скоростью электричества, мчащегося по телефонным проводам с одного конца света на другой. После возвращения в Ленинград Авигдор развил

бурную деятельность и даже начал собирать с потенциальных участников деньги на билеты. Дело начало приобретать реальные очертания, пока кто-то из хасидов не поведал о затее одному из заезжих раввинов, проникавших в Союз под видом невинных туристов. Раввин пришел в ужас и тут же позвонил в Бруклин другому раввину, тот написал записку Любавичскому Ребе. Что точно ответил Ребе, молва не сохранила, но Авигдор несколько дней ходил с видом побитой собаки и возвращал собранные деньги. Так бесславно, даже толком не начавшись, закончилась попытка хасидско-литовского примирения.

Другой, особенно запомнившийся мне чудак был геофизик, уволенный за подачу документов на выезд. Поначалу его идеи показались мне довольно здравыми, и несколько раз я даже помогал ему производить измерения. Геофизик предположил, будто святость места должна повлиять на давление, напряженность магнитного поля, радиоактивность и на другие, неведомые мне физические параметры. Короче говоря, он решил поверить алгеброй гармонию.

Для чистоты эксперимента мы провели замеры в нескольких явно прозаических местах: на Кальварийском рынке, возле центрального универмага и рядом с Дворцом спорта.

Вначале геофизик удовлетворенно посвистывал, но, по мере накопления массы данных, радостное возбуждение начала работы постепенно сменилось унынием. Разница между замерами никак не вписывалась в теорию.

В конце концов мы добрались и до могилы Гаона. Датчики установили в трех точках внутри склепа и в четырех снаружи. Увы, показания оказались близки к данным, полученным возле Дворца спорта. Судя по всему, святость места определялась какими-то другими параметрами.

– Так, – сказал геофизик и решительно достал из рюкзака саперную лопатку. – Эксперимент нужно доводить до конца. Сейчас выроем шурф и заложим датчики в непосредственной близости к святым мощам.

– Насчет мощей это ты с христианством напутал, – ответил я, отпихивая лопатку в сторону. – Знаешь, что произошло с теми, кто переносил могилу?

Выслушав мой рассказ, геофизик усмехнулся и, присев на корточки, решительно вонзил лопатку в землю.

– Мы же не будем добираться до тела, рядом пройдем, для науки, для истины.

Я положил руку на его плечо и слегка встряхнул.

– Послушай, до тех пор, пока я хранитель могилы, никаких раскопок тут не будет. Понятно?

– Понятно, – неожиданно легко согласился геофизик и упрятал лопатку поглубже в рюкзак. Поразмыслив несколько минут, он нашел другое решение: провал эксперимента объяснился неточностью приборов.

– Смотаюсь в Москву, привезу оттуда современные аппараты, и заживем, как никогда! – пообещал он, сворачивая оборудование.

О дальнейшем ходе расследования мне ничего не известно: то ли геофизик получил разрешение и благополучно отбыл в милую его сердцу Австралию, то ли ему так и не удалось раздобыть в Москве вожделенные приборы.

Перед отъездом из Вильнюса он успел забежать в синагогу и пару часов покопаться в библиотеке. Обнаружив старый молитвенник, геофизик выцыганил его у реб Берла. Зачем – непонятно, на иврите он не знал ни одной буквы. Наверное, его привлекла дата издания, ему показалось, что такие древние книги стоят много денег.

– А что за молитвенник? – поинтересовался я у реб Берла.

– Да какой-то непонятный, – ответил он, – не ашкеназский и не сефардский. Делать с ним всё равно нечего, пусть берет, хоть одному еврею радость от этой книги.

Время шло, и с медленным поскрипыванием его колес, неспешным проворачиванием, постукиванием и равномерным боем часов меч опустился на узел моей семейной жизни, и сплетенные, казалось бы, навечно, половины разлетелись, свободные, в разные стороны, заливая раны и отирая кровавый пот. Следующий шаг почти автоматически привел меня в ОВИР: отдел виз и регистраций.

Внимательно изучив мои документы, миленькая литовка с волосами цвета выцветших рыбацких сетей и в форме капитана милиции вернула анкету.

– Вы не ошиблись? – спросила она, протягивая лист, где указывалась степень родства. – Графы не перепутали?

Действительно, выглядело это странно. В графе «остающиеся родственники» стояли имена отца, матери, бабушек, брата, бывшей жены и двух детей. В месте, где нужно было указать, с кем я желаю воссоединиться, сиротливо чернела только одна фамилия. Степень родства выглядела еще более странно: брат жены брата.

– Нет, не перепутал.

В руках у капитанши оказалась копия свидетельства о разводе.

– Вы специально развелись для выезда? Еще двух недель не прошло.

– Так получилось.

– Хорошо, оставляйте документы. Однако хочу вас сразу предупредить, шансы невелики.

– Б-г поможет.

Капитанша улыбнулась.

– Надежда – мать дураков, но без нее не прожить.

Не понравилась мне ее улыбка. Улыбка спокойной уверенности в правоте порядка и стоящей за ним силы. Улыбка исследователя, изучающего забавную мушку под объективом микроскопа.

За ответом следовало прийти минимум через месяц, как раз на следующий день после Рош а-Шона. Оставалось уповать на лучшее и молиться.

Три недели прошли незаметно, а на четвертую тучи над моей головой начали сгущаться, и тяжелые капли, провозвестники приближающейся бури, забарабанили по зонтику «упования на лучшее».

К соседям по коммуналке в Старом городе, где я временно снимал комнату, явился участковый и начал наводить справки о моем моральном облике и уровне нарушения общественного порядка. Сама постановка вопроса сразу переводила меня в подозреваемые, и всё, что оставалось выяснить, – это насколько мой образ жизни наносит вред окружающей советской среде. Соседи, каждый по одиночке и шепотом, доверительно поведали мне о визите, заверив, будто именно они, в отличие от всех прочих соседей – ну, ты понимаешь, кого я имею в виду, – сообщили только самое лучшее.

Положиться на их шепот мог только круглый дурак, я не сомневался, что в руках участкового оказалось достаточно материалов, способных послужить основанием для суда. Впрочем, суд мог состояться и вовсе без наличия каких бы то ни было материалов, но всё-таки визит участкового представлял собой отчетливый симптом начинающегося процесса.

Генри-Айвазян

ЗА 19.99 ШЕКЕЛЯ»^[1]

Yōāhō Eūāhō

Улица. Начало дня.

Гиора Барбельт, мужчина лет пятидесяти с небольшим, одетый в серый деловой костюм, выходит из двери кафе «Экспрессо». В одной руке Гиора держит пластиковый стакан с кофе, другой пытается прикурить сигарету; задача непростая, поскольку локтем той же руки он прижимает к себе утреннюю газету.

Бездомный. Извините, огоньку можно?

Гиора протягивает зажигалку и, когда поднимает глаза, видит перед собой человека лет шестидесяти в старом, потрепанном плаще.

Бездомный. ...И сигаретку.

Гиора секунду колеблется, потом без большой охоты протягивает бездомному сигарету и дает ему прикурить.

Бездомный. Спасибо.

Гиора нетерпеливо кивает головой.

Бездомный. Нет ничего лучше первой сигареты утром. Сигарета, кофе – и уже день светлее кажется тебе. (Улыбается.) У меня вышло в рифму.

Гиора, у которого явно нет времени, пытается остановить такси.

Бездомный. Вы не поверите, какой сон я видел сегодня ночью. Мне приснилось, что я дома, с женой, как когда-то. Я сижу возле нее на кухне, пью свой кофе, курю...

Бездомный затягивается сигаретой и продолжает говорить, обращаясь, главным образом, к себе. Кольцо дыма повисает над его головой, словно нимб. Гиора, заметив нимб, начинает прислушиваться.

Бездомный. ...А жена говорит мне: «Шимши, может, не пойдешь сегодня на работу? Я тоже позволю в “Типат халав”^[2], скажу, что заболела, и мы оба останемся дома, словно дети, которые не пошли в школу».

Гиора вдруг замечает, что у человека в руке пистолет.

Бездомный. Ее уже нет в живых, моей жены, но как бы это было чудесно – кофе, сигарета. Действительно, как во сне.

Гиора закрывает глаза, медленно-медленно вытаскивает из кармана бумажник и протягивает бездомному.

Гиора. К сожалению, у меня тут совсем мало денег.

Бездомный. Что?

Бумажник выпадает у Гиоры из руки.

Гиора. Но если этого недостаточно, мы можем пойти к банкомату, тут поблизости есть банкомат. Пожалуйста, не убивайте меня, у меня жена и двое детей...

Бездомный поднимает упавший бумажник и отдает Гиоре.

Бездомный. Парень, успокойся, никто тебя не грабит, я всего-то хотел добыть немножко денег на кофе. Эта штука (смотрит на пистолет, который машинально держит в руке) вообще не моя.

Гиора. Правда? А можно спросить – чья?

Бездомный. Не знаю. Сегодня утром нашел его под своей картонной коробкой.

Гиора берет у бездомного свой бумажник и переводит дух.

Гиора. Ты меня так напугал. Честно...

Бездомный. Я не специально. Извините. Ну, так что скажете насчет нескольких шекелей на кофе?

Гиора открывает бумажник, лезет в отделение для мелочи, но вдруг застывает на месте.

Гиора. Так в этом твой трюк, да? Сначала ты пугаешь людей, а потом они из благодарности, что их не собираются грабить, дают тебе деньги. Значит, грабеж без грабежа?

Бездомный. Господин, вы ничего не поняли...

Гиора. Не понял? Тогда для чего пистолет?

Бездомный. Честно? Я сказал себе, что у первого, кого встречу, попрошу кофе и сигарету.

Гиора. А если этот человек скажет тебе «нет»?

Бездомный приставляет пистолет к виску.

Бездомный. Я всегда могу отправиться навестить жену. Так что вы скажете по поводу кофе?

Гиора. А если я не соглашусь, ты просто застрелишься, да? Знаешь, я у себя на работе сталкиваюсь со всякими фокусами, но этот... Что тебе сказать? Я просто снимаю шляпу!

Бездомный. Это означает «да»?

Гиора. То, что ты выделываешь, совершенно... Ну просто совершенно nepopядочно. Если ты застрелишься, это будет очень грустно, но ко мне это всё равно не имеет отношения. Слышишь? Я ни при чем.

Бездомный. Вы правы на сто процентов.

Гиора (убирая бумажник в карман). Я скажу тебе, что мы сделаем: ты сейчас опустишь пистолет и попросишь у меня эти пять шекелей как нормальный человек, а я отвечу – вне всякой связи с твоим состоянием, или с пистолетом, или с чем-нибудь еще. Ладно?

Бездомный (опуская пистолет). О'кей.

Гиора. О'кей. Ну?

Бездомный (прочистив горло). Пожалуйста, дайте мне пять шекелей на чашку кофе.

Гиора тяжело вздыхает (по всему видно, что он смущен) и снова достает бумажник из кармана.

Гиора. Прости, но если я сейчас дам тебе эти деньги, я буду чувствовать, что меня просто использовали. Понимаешь?

Кивнув, бездомный снова приставляет пистолет к виску.

Гиора. Ну, ладно, мне пора идти. Я пошел. Хорошо?

Бездомный. Хорошо.

Гиора поворачивается к бездомному спиной, но, сделав несколько шагов, останавливается.

Гиора. Может быть, завтра?

Бездомный. Спасибо.

Гиора (растерянно, удаляясь). Не за что.

Появляется надпись: «За 19.99 шекеля», и раздается звук выстрела.

Ἰακώβος ἡ ἐσθὲ οὐα

Ἄ. Ἐφρῆται

^[1] Отрывок из киносценария, написанного Э. Кэретом вместе с Татией Розенталь.

^[2] «Типат халав» («Капля молока») – сеть пунктов выдачи молочного питания для младенцев.

СВЕРЛОВЩИК ПО МЕТАЛЛУ

Î adê Âîð-âeîá

Âîð-âeîá Î adê Êîñeðîáe- ðîáeéñý á 1929 ãáá Î ïñeáe-. Îéîí-eë Î ÂÏË eì. Êáéíeá Ñeóeéë á Ñîáîðñeé adì eë. Ðááí òáë á ááéíáe-áñeéé ýéñî ááeðeë áíeáá áááí áááðàðe èáð. Ñ 1960 ãáá á Î ïñeáá è á îðîáeéíeë íá-àðáðòñý áá ïíáñòe, ðáññeáçú, í-áðeë. xéáí Ñîðçà ïeñòàáeë è Ñîðçà æeðîáeéñîá

Надо бы съездить в Кричев и наконец изучить этот загадочный населенный пункт. Но на вольные путешествия с творческими целями денег не было никогда, а ныне тем более нет. Это раз. Сам Кричев – бывшее местечко бывшей Могилевской губернии – теперь сушая заграница. Это два. В-третьих, безумно некогда, ибо все дни и часы работаю сей, прости мне, Г-сподь, мемуар своей жизни. Зачем?..

Вопрос риторический и достаточно глупый.

В первых строках я вспомнил Кричев именно потому, что там родился мой папа, мир его праху, который (прах) находится в колумбарии номер один против старого здания Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Год рождения моего отца – 1892-й, а дня рождения не знаю, ибо не помню случая, чтобы мы его праздновали. Он сам, вероятно, не инициировал этих празднований. Были и прочие обстоятельства.

Кроме папы в его семье родились еще трое мальчиков, по счету он был вторым. Описывать детские годы отца не берусь, не хватает силы воображения, но семья, судя по всему, была среднемецанская с прорывами в сферы интеллигентности. Во всяком случае, папа рано выучился играть на кларнете, а подростком уехал в город Калугу и поступил в техническое училище. Овладел хорошей профессией – сделался слесарем.

После того, однако, занялся не революционной пропагандой, как многие молодые люди, сумевшие вырваться из местечек, а поступил в депо железной дороги. Там и трудился вплоть до войны с тевтонами. В начале ее был призван к защите царя и отечества.

Кларнет послужил отцу на войне, а через двадцать лет – и в лагерях.

Впрочем, среди бумаг, сохранившихся дома, я обнаружил машинописную справочку с ятями и ерами, шелковистую от старости, о том, что за проявленное геройство (какое – не сказано) рядовой Гринфельд Иосиф Донович удостоен Георгиевской медали.

Самой медали никто не видел. Странно, что сохранились фотографии и документы, то есть что не все их изъяли при обысках в 1938 году. Это мне повезло, я считаю. Иначе о чем бы я писал?..

Можно считать документом также фотографию двадцать на тридцать пять, наклеенную на тисненый серый картон. Это парадный памятный снимок, запечатлевший делегатов собрания профсоюза рабочих и служащих Калужского железнодорожного участка. Так на нем и написано, обозначены место собрания, дата: «Калуга, август 1919». В 1938 году, будь я оперативником и проводи я арест отца и обыск в наших двух комнатах общей квартиры на Божедомке, этот бы документ я изъял. Он бы нашел себе место в следственном «деле» отца как главная улика, свидетельствующая о его причастности к профсоюзному оппозиционному подполью. Антисоветскому и т. п.

Память моя дырява. Из хрестоматий помню: «Викжель, взмахнув руками черными, закрыл пути...» Это строчка стихов кого-то из великих советских поэтов. Если я ее чуть переврал, Б-г – опять же – простит, тем паче не помню автора. Мне важны «Викжель» и «закрыл пути». Лезу в энциклопедию: «ВИКЖЕЛЬ – Всеросс. исполком ж.-д. профсоюза (авг. 1917 – янв. 1918), занимал контррев. позицию. После Окт. рев-ции вел антисов. деятельность, не поддержан ж.-д. рабочими. Чрезвычайный Всеросс. съезд ж.-д. рабочих и мастеровых избрал ВИКЖЕДОР».

Επί το Αδείο πατρί Επέσον

1910 αα

Но и Викжедор этот продержался лишь до весны 1919 года, дальше – неясно. Не стоит гадать, какой исполком созвал в августе 1919-го калужских профсоюзников и какую они резолюцию приняли... Факт, что отец мой варился в этом котле.

Предполагаю, кроме того, что мог посещать сходки Бунда. Ибо умел читать толстые книги на историческом языке, листая страницы справа налево. Две такие у нас в доме долго держались. Одна – вроде Шолом-Алейхема, другая – не знаю. При переездах с квартиры на квартиру обе отсеялись.

Лет десять назад, когда настала свобода, одна весьма компетентная, доброжелательная, интеллигентная, умная дама вулканического темперамента извела меня, посылая в архивы требовать «дело» отца.

– Это же ваш отец! – взывала она.

Ко всем моим винам перед отцом добавилась та, что я не был в архиве и не пойду. В гробу бы я видел этот архив, в белых тапочках с неразвязанными тесемочками. Я там усну.

Разобраться б в домашнем наборе бумаг, скопившихся после того, как ушли в мир иной мои дяди, тетки и мама. Вот сочиню я жития родичей, все «источники» повыбрасываю, а лучше – сожгу. Пусть-ка правнуки судят о ранней жизни на основании сочиненного.

Отцу было за тридцать лет, когда он стал студентом МВТУ без рабфака. Первую свою зачетную сессию скинул в 1924 году, а диплом инженера-механика датирован 1929-м. Вроде бы средненормальный студенческий марафон – ровно пять лет за партой. В 1929-м отцу исполнилось тридцать семь лет, он уже был женат, а мама была беременна мною.

Копнув зачетную книжку отца, наблюдаю пробел. Отец не сидел за партой, ибо отправился вскорости после весенних экзаменов в недобровольную ссылку, в Калугу. В ту пору был также выслан, но в Вологду, старший брат мамы Борис. Режим искал собственный стиль обращения с подозреваемыми в оппозиционности. Апофеозом экспериментов была, мне кажется, совершенно дурацкая высылка в Алма-Ату товарища Троцкого с чадами, домочадцами и собаками.

Снова сидя в Калуге, отец одновременно проходил курс наук по программе МВТУ. Избыв срок, он перебрался в Подольск. Из Подольска ездил в Москву. В процессе сего женился на маме, сдал экзамены, защитил проект, получил диплом, стал москвичом и влился в ряды технических интеллигентов.

На старте сталинских пятилеток инженеров считали поштучно. Приходилось платить им. Правда, следили-заботились, чтобы инженеры не борзели, по-нынешнему говоря. Смотри «дело Промпартии» и всё такое.

Мама и мои тетки Лиза и Люба на посиделках после войны в моем присутствии перебирали были и небылицы недавнего прошлого. Они, все три сестры, по жизни были артистки и говоруньи, каждая в своем роде. Слушать можно было часами.

Звучал и сюжет с вариантами новеллы о том, как Иосиф ухаживал за Маней в 20-х годах. Его позиции были слабоваты. Девушка имела ухажеров. А он – старше ее на одиннадцать лет и начал лысеть. Лысинка поначалу напоминала тонзуру, судя по фотографиям... В молодежных компаниях Иосиф тушевался. Нет, не был джигитом... Сперва его приголубили, как я понял, дедушка с бабушкой. Очень понравился.

Мама моя была хороша собой, это точно. Есть фотографии. Да я и сам, слава Б-гу, помню ее красивой.

Отец после ссылки работал на крупном заводе в Подольске. Там он и жил. В Москву заявлялся по выходным. Семья обитала тогда в полуподвале на Софийской набережной. Приходя в гости, Иосиф тихонечко помещал за штору на подоконник то килограмм «Мишки косолапого» в бумажном пакете, то шоколадные трюфели – тоже в кульке. Конфеты в коробках с бантами преподносить он стеснялся. Также стеснялся дарить цветы. Подозреваю, упорствовал в нежелании выглядеть ухажером. Самолюбив был. А вкусы сестричек знал. Знал и то, что семья питалась не шоколадом и трюфели берегли для настоящих гостей.

Ναὶ ὡς ἄδει ὀαῖνᾶ. Ἐ. Ἄδει ὀαῖνᾶ ἢ ὀαῖνᾶ

1912-1914 (?) аăă.

При замужестве мама себе оставила родовую фамилию. Регистрируя мое рождение, они мне дали фамилию папы.

Судя по сохранившимся справкам, отец накануне ареста работал главным технологом «Самоточки». Предприятие небезызвестное и небесславное. По совместительству он состоял главным инженером проекта завода «Кинап». Если кому невдомек, вот уточнение: «Кинап» – первый в СССР завод киноаппаратуры.

Дополнительно прославляя отца, упомяну еще, что на моей книжной полке красуется серенькая невеличка, написанная отцом без соавторов и выдержавшая по меньшей мере три издания. Называется экзотически: «Сверловщик по металлу». Книжка сия предназначена заводским слесарям, токарям. В ней описана технология проделывания отверстий в стальных, железных, чугунных, медных, латунных и прочих изделиях и заготовках. Представлены в чертежах все тогдашние модификации сверлильных систем и станков, также фасоны всех дырок и способы сверления. Сочинив такое пособие, я бы себя почувствовал Гей-Люссаком, Эйнштейном и Эдисоном в одном лице. Это Библия сверловщика. То, что автор ее мой папа, меня бодрит и сегодня.

Дома мы видели его мало, зато он хорошо зарабатывал. На столе появлялись апельсины (ребенку...); перекушав сладостей, я заболел диатезом. Состоялась и крупная покупка, посильная не всякой семье совслужащих. Имею в виду ЭЧС, радиоаящик кубической формы, отделанный серой тканью вроде мешковины. Сквозь эту ткань прорывались звуки.

Мамин знакомый поэт как-то меня устроил в детсад Союза писателей. Это важный факт моей биографии, но я его опускаю. Только хочу сказать, что, бывало, отец меня вечером забирал из этого учреждения, и мы шли пешком. Мы шагали из Лихова переулком на Самотеку, далее по Самарскому скверу и через площадь Коммуны, я по пути читал вывески.

Мы обязательно заходили на Самотечной площади в «Бубличную», где упоительно пахло. Отец вздымал меня над переборкой, и я разглядывал производство: печку, дымившее масло, пекарей в фартуках и как румянились бублики. Выдавали их в амбразуру, там же нанизывали на бечевку, кому сколько требовалось. Некоторые покупатели выходили наружу в ожерельях из бубликов.

Дежурное примечание: теперь таких бубликов нет. Также такой «Крем-соды», такого мороженого и таких славных сумерек на Самотеке. А есть эстакада и грохот машин. Раньше всё было лучше.

В общем-то, папе всегда было некогда, но случалось, что он навзничь лежал на диване, я становился ему на ладони, и он медленно-медленно выжимал меня сверху с тем неизменным условием, что я не буду цепляться за стену. Качал вверх-вниз. Визжать не велел.

Еще отец рисовал паровозы с колесами, тендерами, трубами, дымом. И семафоры.

Когда его забирали, я не проснулся. Спал крепко, и не будили. Утром мама сказала, что папа уехал в командировку. Командировочка затянулась на восемнадцать лет. Но мы с отцом свиделись через девять – на вахте режимного ИТЛ под Архангельском. Еще через девять, отбыв лагеря и ссылку, отец проследовал через Москву за сто первый километр и там находился до полной реабилитации.

Сложилось всё так, что мы уже редко общались. Я зарабатывал на кооперативную квартиру в Туркмении и Казахстане на съемке. А получив ее, поселился с женой и дочкой в Измайлово. Снова уехал на полевые работы, надо было долги отдавать. За квартиру...

Отец тем временем угасал. Умер он летом 1967-го. Большое мерси не знаю кому – за то, что он выжил в потусторонних краях ГУЛАГа. Изначально был крепок телом и духом.

Этим я мог бы кончить историю его жизни. Но не гоже оставить за скобками чуть ли не тридцать последних ее лет.

Первый лагерный адрес отца был такой: Медвежьегорск Кировской ж/д., почт. отд. Пяльма, п/ящ. 251/2. Он значился на письме-треугольнике без марки, которое пришло младшему брату отца дяде Осе.

Маме писать он поостерегся. Ее еще не уволили из наркомата. И он писал из лагеря только братьям. Ося принес нам тот треугольничек. Содержание было такое, что отец ни в чем не замешан, в этом уверен, и скоро всё разъяснится, не беспокойтесь. Он совершенно, дескать, здоров, ни в чем не нуждается, взялся построить локомобиль, необходимый своему почтовому ящику, в связи с этим просит возможно скорее прислать ему инженерный справочник Хютте, том третий. Ну и, пожалуй, если возможно, кларнет...

С кларнетом всё было ясно. Мама и справочник отыскала. Что касается локомобилиа... Не сомневаюсь: отец его сделал. Другой вопрос – успел ли п/ящ. 251/2 использовать тот котел для производства пара. В мертвящем облике финской кампании приближалась Большая Война. К Медвежьегорску стянулись этапы из Соловков и других лагерей. Известно: в распыл там пустили одновременно десятки тысяч эзков.

Я не ходил в архивы и не пойду. Нужные справки есть дома. Мама добыла их в свое время.

«Особое совещание» при Наркоме Внутренних Дел (озаглавливали прописными...) приговорило отца к пяти годам содержания в лагерях общего режима. Документ датирован февралем 1938 года. Обиняком мама вызнала («дел» не показывали), что следствие якобы понуждало отца признать, что он террорист. По идее дознавателей, он должен был подтвердить, что в «боевую пятерку» его вовлек, то есть завербовал, дядя Боря – старший брат мамы. Того «раскололи» и расстреляли. Гринфельд, однако, уперся, и ему сошло! Во-первых, он был непомерно упрям, во-вторых, вероятно, ему посветило: началась ликвидация смены чекистов... Уже сверкнуло пенсне Лаврентия Пальча. Отцу исчислили божеский срок до октября 1943 года на основании пункта 10 статьи 58 УК РСФСР.

Думаю, письма заключенных из мест пребывания, тем более письма «врагов народа» ничуть не меньше достойны внимания публики, чем такого же вида солдатские треугольники из окопов Отечественной войны. Те и другие – наша история. Они шли через цензоров. Эзковских писем меньше. Никто не спешит их печатать, разве что письма писателей и к писателям...

Перед войной, в начале отсидки, отец писал младшему брату:

У меня пока тоже всё в порядке... Работаю по-прежнему по своей специальности, много бываю на воздухе (! – М. Г.) и настроение бодрое. От жизни тоже не отстаю, каждый день утром и вечером внимательно ловим московское радио (со столба на лагерном плаце вещала, видимо, черная тарелка. Такая у нас и дома была. – М. Г.), и это нас вводит в курс событий на Западе и прочих текущих событий, чрезвычайно грандиозных по масштабам и своим последствиям для будущих судеб мира...

Распрекрасно... Хоть сейчас для газеты «Завтра»: вот, мол, как было соборно и мило работать на свежем воздухе перед войной.

Тональность писем, впрочем, менялась:

Ì ŸŸ æœçŸŸ ïŸŸ òæœœœ ïŸŸ-ïŸŸæœŸæŸŸ ò Æœœœ ŸŸŸ-æŸŸ ŸŸœœ, æŸŸœ ïŸŸæŸŸ æŸŸ ò æœœæœœœœæŸŸ æŸŸœ ïŸŸ æœœœœœ, òæœ œæœ æŸŸŸ ïŸŸæŸŸœœ ò ïŸŸæ œœçŸŸ è ïŸŸœœ æŸŸœœ òŸŸœœœŸŸ ïŸŸ-æœœœ ŸŸæ..

Как я понимаю, отцу уже клеили лагерное дело. На фоне общей для всех перемены – война началась – свершилась и личная, по отработанной схеме.

Августом 1941 года помечен второй приговор, потушивший иллюзии; вот он:

Приговор по делу № 1229/14449

Именем Карело-Финской ССР 21 августа 1941 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верхсуда КФССР при БВК Сороклага и Сегежлага НКВД во 2 отделении БВК НКВД в составе председательствующего Шопшина, нарзаседателей Дорофеева и Михайлова при секретаре Домбровской

ПРИГОВОРИЛА

Гринфельд Иосифа Даниловича по ст. 58–10 ч. I лишить свободы сроком на восемь лет (разрядка в тексте. – М. Г.) и в порядке ст. 31 пп. «а», «б», «в», УК поразить в правах на пять лет. Неотбытый срок по прежнему приговору поглотить настоящим приговором и считать ему начало срока с 21. VIII – 1941 г.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Άσπί:

Ναέδοσάου Άτι άδραεάγ

Этот документ означал вторую судимость и подразумевал заключение в режимном лагере. Его пришлось разыскивать в Петрозаводске по отдельному запросу Прокуратуры СССР. О том, чего это стоило моей маме, я не скажу. Это факты ее биографии.

Осенью 1945 года, то есть вскоре после войны, переписка возобновилась. Дяде Осе пришло довольно длинное письмо с коротким обратным адресом: «Архангельск, п/ящ. 202».

Оно деловое. Судите сами.

...Αεάγ ά ί δαε ί εό άρε ί αε γύ, ί α ί άπ ά ί αε ί αό ί ί αε αεε ί ε ά ί δαπρεαε ί ί ε ί δε γό αε ύ ό ε ί ό ί δρε ά Είρε άύε (Είρε - πύαίεε εε άδάουά ί όσά, ά εό ί «ί δε γό αε ύ» ε ε ό ί ί ί δαπρεαε ί αε, γ ί ά ό ί αε - Ι. Ά). Ι ί ε ά ί ό ό ί ί αό ί ό άά ό ί ά ί ί π ί ό εδύ ό εό ά ά γύ ί ό ί πε ί αε ό ε πρε ί ό ά ά γύ ά ά ί αε γύ ά ί ε ά άδύ ά ί ί ά ά ό ί ά ά ε ύ ά, ό ε ί ό ί δρε ά ό ί αε ά ά ί ί ά ί ά ά ά ί ό δά Ι ε ά ύ ό ά γύ ί ό σό ί ά ά ί αε ά ά ό ύ γύ ί ά ύ ά ά ά ε γύ (δρε γύ αε ά ί γύ - Ι. Ά) ί ί ά ί αε ί ε ε ί ύ ί ά ε ά ί ε ί ί ά ά ό ύ αε ί ε ά ί ό πύ ά ά ε ί ά ε (εά ε ά ά ά ά ί ό ί ό ε ε ί ό ύ ά ε ί) ί δαπρεαε ά ε π Ά ά ό ί ά ί ά πύ ά ά ά ά ά ά ε ε ε Ν Ν Ν Ν ή ό ε ά ε ί ε ά ί, ε ό ί ί ά ά ά γύ ε ί ύ ά ί ό ε γύ - Εάδρε πρε ε Ά ά ό ί ά - ί ί ά ί ό ε αε ά Ά ά ε ό ε ά (! - Ι. Ά) ά ύ ε ί ά ύ ό ά ά ί ί ά ά ό ύ ί ά ί δε ά ί ε ε ε ί ί ί ί ά ά ό ύ αε ί ε ά... Ι πύ ά ί αε ε ά ά ί ί ά ά ί ί, ά ά ά ά ά ά ά ά ί ά ά ό ύ ί ί ε αε ί ε πύ ά ε ά ε ύ ί π ό ε, ό ά ε α ε Ά ά η ό ά ί π ε ά, ί ό ί ό ί ά ί π ε ί ό ύ γύ ί ά ί ε ύ ύ ά (Ι ί γύ ί ά ό ό ί ό ά α ε ί ε ύ γύ ί ά ί ά ά ά ά ά ε ά ί ά ε ά ά ά ί ί πρε ά - Ι. Ά) - γό ί ί γύ ά ε ί π ό ά ά ί ά γύ ί ό δά ά ά ά ί ί ί αε ό ά ί ά ά ί αε αε ε ί ε <...>

Сведения об отце мама продолжала получать не напрямую, а от Исака и Оси. Она была служащая, он осторожничал. Правда, мы после его ареста никого особо не интересовали. С семьи нечего было взять, не на что было позариться. Мама не нарывалась на неприятности, хотя и подставилась под топор, приняв под опеку двоих детей казненного старшего своего брата.

Ντεάάου ί άδρε ί εδρε άε ί ύ. Ε. Άδε ί ό αε ύ ά πύ ά ά ά

Своими серыми с поволокой глазами – такие воспел Степан Щипачев, но кто помнит его стихи?! – она бесстрашно, но и без вызова, смотрела в свинячьи и рыбьи зенки кадровиков любого калибра... Впрочем, она и работала споро, толково и на займы подписывалась из первых, охотно помогая таким путем развивать народное хозяйство.

Если же докапываться до сути, то получалось, что все мы проходим по категории ЧСИР. Коли так, приходилось выкручиваться и врать, глядя или не глядя друг другу в лживые очи. Потому что, напомним, ЧСИР – члены семей изменников Родины. А кто не врал, тот печалился.

Осенью 1949 года отмотавший два срока по двум приговорам отец проследовал с надлежащим конвоем в ссылку в Сибирь на пять лет, отбывать «поражение в правах». Пока не пошли его письма из Красноярского края, мы в Москве понятия не имели о переменах его состояния.

В этот период я зарабатывал лычку – ефрейторскую, узенькую – в артиллерийско-зенитном дивизионе под городом Горьким, где ясные зорьки. Отец же продвинулся в Момотове к должности машиниста «ПЭС-40», что означало плавучую электростанцию. Его везение состояло в том, что он сдружился с Медведевыми и до конца своей ссылки к ним прислонялся.

На исходе 80-х годов Георгий Михайлович Медведев сумел напечатать в Новосибирске воспоминания о своей жизни в ГУЛАГе в сборнике мемуаров бывших «врагов народа». Отца уже не было на свете. Медведев прислал мне книгу в Москву, позже привез и рукопись. Недоволен был правкой и сокращениями новосибирских издателей. Полагал, что мы с мамой должны увидеть оригинал.

В 1949 году Медведева этапировали из Вологды после режимного лагеря в бессрочную ссылку тоже на Енисей. Он пишет: «На пути из Вологды в Киров встретил такого же ссыльного – Иосифа Даниловича Гринфельда. В камере вагона его хотели обобрать урки. Я его защитил. В дальнейшем мы вместе следовали до места ссылки, там дружили. А после реабилитации он жил в Москве. Мы всегда, когда бывали в Москве (Георгий Михайлович приезжал непременно со своей женой Надеждой Павловной. – М. Г.), останавливались у них. Дружим и теперь, хотя самого Иосифа Даниловича и нет в живых...»

Всё так. Но это, по-нынешнему говоря, вроде дайджеста. За этим абзацем – пять лет дружбы в ссылке, двенадцать – после нее, да еще боле двадцати общения с нами после ухода отца из жизни. Начиналось с того, что на этапе блатные курочили политических и отнимали у отца кларнет, а Медведев вступился, не дал. Он был крепкий мужик даже после всего, что вынес. Да и моложе отца лет на пятнадцать. Свою биографию он изложил в своей книге подробно. Но – уж простите – вот выжимка.

Он коренной сибиряк из кондовой староверской семьи с Оби или Иртыша. В школе, однако, вступил в комсомол и дальше двинул по этой линии. Продвинулся так, что к моменту ареста в середине 30-х годов – ему было лет двадцать шесть-двадцать семь – уже имел звание чуть не комбрига, то есть бригадного комиссара.

Был женат. Надя – под стать ему – тоже с Оби, из крестьянского рода.

Ё. Адеі оаёііі іі ааі іё ё аа оіаёоаёіі ё. 1920-а іі аі.

Как пытали военных, готовя закрытый процесс и расстрелы высшего комсостава, известно из множества публикаций. Медведев прошел весь конвейер, узнал все виды и варианты следственных камер,

боксов, допросов с пытками, избиений, травли собаками и бандитами. Вспоминает всё это сухо, брезгливо и протокольно. Дважды резал вены, пытаясь уйти на тот свет, да не пустили... На Севере в каторжном лагере у него открылся туберкулез в форме скоротечной чахотки: стал кашлять кровью. Тогда вопреки всему вызвался в команду на лесоповал, где и здоровые мужики отдавали концы. Но он-то вырос в тайге, он был сродни ей и уже не желал помирать. Оклемался и выжил, каверны зарубцевались. Под старость, конечно, болезни стянули осаду... Однако и в семьдесят с гаком лет Медведев выглядел отставным старшиной знаменной роты из гвардии: грудь выпукла, плечи развернуты, шапка седых волос и упорный взгляд васильковых невыцветших глаз. Осанка, правда, казалась подозрительной: будто в корсете. А он в самом деле носил корсет: на допросах повредили ему позвоночник: били стальным прутом.

Выпив рюмку-другую водки – максимум, что позволял себе, – Медведев читал наизусть «Братскую ГЭС» Евтушенко, а то и «Геркина на том свете». Память не подводила.

Приезжая в Москву при жизни отца, Георгий Михайлович спорил с ним о Хрущеве. Оба заводились. Отец почитал Никиту Сергеича за двадцатый съезд. Медведев же, выступая с позиции «ленинской партии», пророчил реанимацию культа личности и усматривал в поведении Хрущева признаки возврата к режиму личной власти «вождя» и диктатуре. Он говорил об этом не только за рюмкой в нашей квартире, но и на партсобраниях в Академгородке и на партконференциях в Новосибирске. Несдобровать бы ему, но повезло, что сняли Хрущева.

Отбыв «до звонка» пять с гаком лет «поражения в правах», отец объявился в Москве в 1955 году. Я находился, естественно, в поле, Ирка уехала с пузом («брюхатая» – говорил о беременных женщинах Пушкин) к родителям в Ленинград в настроении там и рожать. Мама была на работе не то в «Главтехноткани», не то в «Главспецстали».

Отцу повезло, что в «вороньей слободке» ему открыла дверь тетя Лиза, старшая сестра мамы. Она со своей взрослой дочкой жила в комнате возле двух наших.

Согласно списку жильцов отец позвонил два раза. Тетя Лиза отворила, не спрашивая, кто идет. Первым ее порывом, рассказывала она позже и повторяла при всяком случае, было немедля отшить беззубого старика в шинели без хлястика с «сидором» и фанерным чемоданом. Старик глядел в упор, глаза его голубели.

– Иосиф! – шепотом вскричала тетя Лиза.

Ее отличала находчивость. Не тратя секунд, она оглядела длинный коридор – кроме нее, никто на звонки не вышел, по счастью, – и втащила отца в свою комнату, первую от входной двери. Никто не должен был видеть его, тем более в этом обличье.

До ареста отец был плотного сложения, плечистый и, как говорили тогда, представительный. Роста был среднего. Этот старик выглядел малорослым больным оборванцем. Снова выбрав момент, когда в коридоре никого не было, тетя Лиза препроводила отца в общеквартирную ванную комнату. Ее несколько лет назад отремонтировали, и дровяную печку в ней заменили на газовую колонку. Запершись, тетя Лиза зажгла в колонке газовый венчик, совлекла с отца завшивленные портки, кальсоны, рубашки, всё это поместила в его грязный «сидор», чтоб живность не расплозлась, и стала его мыть в ванне под душем мягкой мочалкой.

В Москве отец ничего не рассказывал – по-прежнему был не болтлив – и приходил в себя несколько дней. Его подстраховывали, чтоб не столкнулся с соседями. В часы пик под нажимом мамы пользовался горшком... Нельзя ему было светиться в Москве, ему место жительства полагалось за сто километров. И по телефону, стоявшему в коридоре, мама о нем говорила иносказательно, для конспирации употребляя засевшие в памяти ошметки идиша. Например, вместо «он очень болен» она говорила «эр эз зер кранк» и всё в таком роде.

«Мать-одиночка» М. И. Горчакова с сыном и взятыми ею под опеку дочерьми своего расстрелянного старшего брата.

Работу и комнату для отца вне Москвы сыскали Исак и Ося. Они его вывезли в ту же Калугу, определили в троллейбусный парк инженером по технике безопасности. На этой должности полагалось филонить. Филонить не умея, отец немедленно взялся паспортизировать калужские троллейбусы. Сие называлось инвентаризацией и, видимо, было ему сподручно.

Он не подозревал, что болен диабетом, жадно ел сладкое, и однажды «скорая» увезла его в больницу в состоянии комы. Из комы его вытащили, но дали законную инвалидность и статус тяжелого диабетика.

Мама с утроенной энергией – «со свойственной Мариночке энергией», как в лагерь отцу когда-то писал Ося, – продолжила хлопоты о реабилитации. Долго ли, коротко ли, но она ледоколом врубилась в Прокуратуру СССР, а оттуда – об этом я упоминал – под ее нажимом запросили Прокуратуру Карело-Финской ССР. В результате по адресу Исака на имя отца обычной почтой пришли две справки.

Ñi ðaãèè èãæàò ñé:ãñi ðãñi ì í íé, íãí ó ãññ ðrèçãñæó ãñ ãñé èðãññ

Í ðrèóðãò óðã Ñi ðçã Ñi ããò ñéè Ñi öèãèè ñò è:ãñéè ðãñi óãèèè 1 óããðãéý 1957 ã

¹ 131 - 1560 - 54

Ãðèí óãèññ Èññéó Æãí èèíãè:ó

Сообщаю, что 30 января 1957 года Верховный Суд СССР по протесту Прокуратуры СССР дело, по которому Вы были осуждены 5 февраля 1938 года, прекратил за недоказанностью обвинения.

Í ðrèóðãò ð ðããèè ì ñ ñããñ ðð

çã ñéãññòãèãí ã ðããí ãð

Ãññããñi ãññ ññèè (Ïýðñãñéèó).

Такие же справки, не сомневаюсь, или их копии на папиросной бумаге хранят миллионы семей в России и странах ближнего зарубежья. Этими документами начались заключительные десять лет жизни отца на воле. Снова он прописался в Москве в «вороньей слободке». Он получил не то два, не то три оклада жалованья 1938 года, пересчитанного на деньги 1957-го. В МВТУ ему выдали значок об окончании этого заведения. Прежде таких значков не бывало.

Хотя в «вороньей слободке» в 50-х годах вместо печного стало центральное отопление и в коммунальной кухне зажегся газ, мама там жить не желала. С «присущей энергией» она выменяла две наши комнаты на одну – но большую – в другой общей квартире, расположенной в Варсонофьевском переулке, в том самом доме, где теперь Автобанк, рекламу которого слышу по радио каждый день. Туда она переехала вместе с отцом. Мы с женой между тем, заработав на однокомнатную квартиру в одном из первых московских послевоенных кооперативных домов, отселились в Измайлово. Между мной и отцом легло пол-Москвы. Это даже по нынешним временам огромное расстояние.

Отец наловчился кипятить шприц и дважды в день вкалывал сам себе инсулин. Ни о чем не рассказывал, ни на что не жаловался, но заметно ослаб. Ему нравилось, что я работаю в экспедиции. Но и только. В мелочи жизни он не вникал.

До своего ареста он был постоянным читателем Библиотеки имени Сурикова на Сущевской и меня с собой брал в эту библиотеку. Теперь записался в историческую. Как на работу ходил в читальный зал. Что-то конспектировал. Почерк его остался твердым и внятным. Он не изменился, по меньшей мере за четверть века – от первых писем из Медвежьегогорского лагеря. Той же разборчивой, без «каллиграфии», завитков и помарок скорописью отец заполнил в читальне несколько толстых тетрадей.

Это выписки из классических сочинений. Общий заголовок конспекта такой: «Из истории еврейского народа». Вот он чем занялся, как студент. Словно готовясь к экзамену. Манере и стилю конспекта – завидую. Берегу тетрадки – не понимая зачем. Они у меня всегда на виду, возле стенографических отчетов о процессах «врагов народа», изданных в 1937 и 1938 годах.

В Институт Склифосовского «скорая» отвезла отца, когда с приступом сладить дома не удалось. Поместили его в коридоре главного корпуса на первом этаже. В том коридоре он провел несколько суток. Мы, сколько нас было, в очередь навещали его, сидели у изголовья, настаивали, чтоб ел. Он не хотел. Приходя в сознание, ничего опять-таки не просил, никого не звал, не пробовал и сказать что-нибудь.

С медиками общались мама и Ося, а я не видел их и не помню. Отец ухитрился выдохнуть жизнь, когда никого рядом не было... Не уследили.

ЯКОВ И ЭСАВ

Èéàí à Àðòé

*«...È àíòáé ìáðáíé éðáíí úé,
ááíí éáé ìéàù áíéííàò úé... Ýííá
À çàòáí ... áðàò ááí,
ááðæáíí ðóéíé çà ì ýò ó Ýííáá
Í áðáééé áí ó èì ý Bàéíá».*

Яков и Эсав были близнецами. Только мать их и различала. Но вскоре выросли дети. Эсав стал первоклассным охотником – человеком поля, а Яков – смирным жителем шатров.

Говорят наши мудрецы, да будет их память вечной, что Эсав охотился не только на косуль и прочую дичь. Но успешно «ловил устами» – льстил. Легко обманывал своего отца-праведника. К примеру, сидят Ицхак и Яков в шатре и Торой занимаются, а Эсав с охоты вернется, быстро парной оленины пожарит, в лучшие одежды переоденется, возьмет на красивом блюде мясо отцу поднесет, а сам ненароком спросит:

– Кстати, как десятину от соли отделить?

– Не надо отделять! – говорит Ицхак, а сам умиляется: – Молодец, сынок, на охоте пропадаешь, а о Б-ге не забываешь!

Когда близнецам исполнилось пятнадцать лет, умер их дед Авраам.

Ицхак повез тело отца в Хеврон, в семейную усыпальницу – пещеру Махпела.

Всё возвращается на круги своя. Поэтому, когда траур, едят круглую чечевицу. Вот Яков для отца и варил чечевичную похлебку – делал мицву.

Вваливается Эсав. Именно сегодня, в день смерти деда, удалось убить царя Нимрода, что строил Вавилонскую башню, и завладеть его волшебным плащом. Знаменитая вещь – от самого Адама-прародителя.

– Теперь на охоте долго париться не придется: звери сами ко мне будут ластиться, стоит только плащ «от Нимрода» надеть. Кстати, чем так вкусно пахнет? Устал я очень. Дай-ка мне этого красного.

– А ты продай мне свое первородство.

– А это что такое?

– Как первенцу, отец оставит тебе в наследство больше денег, и ты должен будешь приносить жертвы в храме Ашема. Малейшая ошибка приводит к смерти. Имей в виду!

– Зачем же мне считаться первым, если служба Творцу так опасна? Отдай мне свою долю наследства и забирай первородство! Похлебки чечевичной налей! Кушать хочется.

Насытившись, довольный Эсав расхохотался:

– Ну и чудик ты, Яков. Я наелся, а тебе какая польза от слова «первородство»? Воздух! Пшик! Когда поумнеешь? Заучился совсем. Выйди в поле, проветришься!

Тем временем Ицхак вернулся.

В задумчивости принялся за чечевичную похлебку и, сам того не замечая, вслух мыслил:

– Пора о наследниках подумать! Надо их благословить! Эсав, дружок, поймай косулю, сам мясо приготовь и подай красиво, как ты умеешь. Тогда дух мой легко тебя благословит.

Ривка рядом хлопотала по хозяйству и речи эти слышала.

Но, во-первых, она боялась мужа и в открытую перечить ему не могла!

Во-вторых, очень любила его и почитала. У них ведь не как у нынешних, современных.

Всё по-другому было. Сначала помолвка – эйрусин, потом свадьба – хупа, а любовь с годами росла! Трепетно они друг к другу относились!

Объяснить, что Эсав – злодей, – огорчить праведника! Нужно что-то придумать.

Позвала она Якова и давай ему втолковывать:

– Твой отец благословения раздавать собрался. Надо тебе Эсава опередить! Я сейчас двух ягнят приготовлю, а ты их отцу отнесешь!

– Но он хоть и плохо видит, всё равно ощупать-то может. Эсав – волосатый, а я – гладкий. Получу, неровен час, проклятие вместо благословения. Эсав вернется с охоты, узнает – наверняка меня убьет!

– Не волнуйся, я всё устрою! В одежды Эсава тебя одену, руки и шею шкурками ягнят оберну. Отец не заметит.

Обсуждение этой недельной главы я слышала у друзей за субботней трапезой.

– Вопросы есть?

– Да! Как это Ривка – такая праведница – взялась обманывать Ицхака?

– Ну, она ж пророчицей была! Знала, кто достоин благословения, кто станет прародителем еврейского народа.

– Интересно и другое: по закону всё, что внесла в дом жена по «ктубе» – брачному контракту, и всё, что она зарабатывает, принадлежит мужу. Вот моя супруга купила новую «тачку». Так она принадлежит мне.

– Как это? Машина моя! А-а-а...

– «Вернемся к нашим баранам». Ривка имела разрешение от супруга раз в месяц брать из стада двух ягнят для своих нужд.

Яков лукавить не умел. Но мать настояла на своем: на шею и руки своего любимца намотала меховые шкурки. Дала жаркое с хлебом и вином и подтолкнула в шатер к Ицхаку.

– Ави! Отец мой!

– Ты кто?

– Я Эсав – первенец твой! Подкрепись, пожалуйста, и благослови меня.

– Как же ты так быстро обернулся?

– Ашем послал добычу прямо мне в руки.

Засомневался Ицхак: про Всевышнего Эсав редко вспоминает, а «пожалуйста» и вовсе никогда от него не услышишь.

– Подойди поближе, склонись пониже.

Что ж такое? Голос Якова, а руки, как у Эсава! Ну да ладно.

Ицхак поел, выпил вина, а затем благословил сына:

– Запах сына моего, как поле, которое благословил Б-г.

Даст тебе Всесильный от росы небес и туков земли обилие хлеба и вина!

Будь владыкой братьям твоим!

Проклинающие тебя – прокляты!

Благословляющие – благословенны!

Только опустился полог за Яковым, входит Эсав:

– Встань отец, поешь и благослови меня!

– Кто ты?

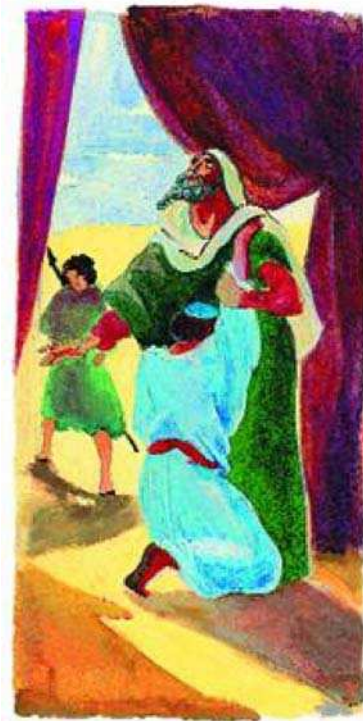
– Я первенец твой, Эсав.

– Кто же тот, кто принес мне еду раньше тебя, и я благословил его?! Благословен он теперь...

– Ой! Горе мне! – завопил Эсав. – На то ли дали ему имя Яаков, чтоб он обхитрил меня дважды?! И первородство увел, и благословение! Как же мне быть?! Разве одно благословение у тебя?

– Владыкою поставил его над тобою, хлебом и вином укрепил его; чем тебе теперь помогу?

Зарыдал Эсав, затрясся.

– Что ж, в самом хорошем месте земли поселишься, мечом своим будешь жить, а брату – служить. Но когда Яаков забудет Тору, то свергнешь иго его.

Возненавидел Эсав Яакова и, едва покинул шатер, прорычал:

– Пусть только настанут дни скорби по отцу, убью братца.

Сообщили Ривке:

– Эсав близнеца убить грозитя!

Велела она позвать Яакова:

– Точит на тебя Эсав нож! Отправляйся-ка в Харан, к дяде Лавану. Поживи там несколько лет. Остынет Эсав – вернешься. Зачем мне терять вас обоих в один день?

Ицхаку же она сказала:

– Жены нашего первенца сильно меня огорчают. Их кумирни всем глаза дымом выели. Давай отправим Яакова к моему брату в Харан. У него как раз две дочки на выданье.

И отпустил Ицхак Яакова, и он ушел к Лавану, брату Ривки.

РАББИ ШМУЭЛ А-НАГИД

Маркус Леман

Продолжение. Начало в 9–12, 2004; № 1–3, 2005

Прискакал долгожданный гонец от гранадского войска.

– Господин наш халиф! – воскликнул он. – Что нам делать с целой кучей зумаеровских слуг?

– Убить! – вскричал Бадис, не задумываясь. – Убить немедленно!

– Не делай этого! – протестующе поднял руку рабби Шмуэл. – Неужели ты учинишь резню среди мирных и безоружных граждан, не обученных к тому же военному искусству?

– Ладно, – согласился Бадис после некоторого раздумья. – Ладно, не убивайте их, просто возьмите в плен.

Гонцом был тот самый берберский воин, которого Бадис накануне посылал предупредить Зумаера о грядущей опасности. Воин вернулся к своим, чтобы собрать пленных и поместить в надежно охраняемое место. Среди пленников был Ибн Абас; интригану не удалось сбежать.

– Узнаёшь меня? – насмешливо спросил его бербер. – Ты что же, по-прежнему считаешь, будто моими устами глаголет трусость? Будто я напрасно вчера советовал вам бежать? Тебе и Зумаеру?

– Разумеется, напрасно, – отвечал Ибн Абас, стараясь сохранить гордый и неприступный вид. – Убери стражу, я пойду к халифу по доброй воле. Мне нечего бояться Бадиса. Я лишь беспокоюсь о трех связках своих бесценных книг. Поэтому соблаговоли передать своему господину, чтобы он как следует присмотрел за ними: это весьма и весьма редкие фолианты.

В тот же день Ибн Абаса привели к Бадису.

– Ну, что скажешь, господин мой халиф? – визгливо смеясь, спросил повелителя Гранады бывший визирь Зумаера. – Разве не сослужил я тебе великую службу, не передал в твои руки этих собак?! – Он указал пальцем на пленных сельбийских чиновников. – Осмеливаюсь за это просить награды: прикажи хорошенько беречь мои книги. Нет у меня на свете ничего более ценного, чем они.

Пленные эльмирские воины, присутствовавшие при этой сцене, глядели на Ибн Абаса с гневом и отвращением. Потом Ибн Хабиб, командир отряда, обратился к Бадису:

– Господин мой, заклинаю тебя именем великого Аллаха, который даровал тебе сегодня победу на поле брани: да не помилует рука твоя презренного негодея, навлекшего беду на нашего повелителя. Он один виновен в том, что произошло. Если Аллах будет милостив и я увижу смерть этого подлого пса, то вслед за ним и мне умереть покажется легче.

Бадис понимающе улыбнулся. В следующую минуту он приказал освободить эльмирских чиновников – всех, за исключением Ибн Абаса, а визиря, закованного в цепи, бросил в подземелье «Аль Хамры». Надменный царедворец уразумел наконец, что, как говорится, «разбудил лихо», сам вызвал беду, как и предупреждал его один эльмирский поэт. Он догадывался теперь, что у него нет никаких шансов на спасение, ибо Бадис не испытывал к нему ничего, кроме омерзения. Естественно, не приходилось ждать, что за него вступится рабби Шмуэл. И тем не менее теплилась у него в сердце искра надежды. За свое освобождение он посулил Бадису три тысячи динаров. Тот обещал подумать. Однако прошел месяц, за ним другой, а ответа от халифа так и не было. За это время при дворе Бадиса произошло множество событий. Посол Кордовы, зять Абдул Азиза из Валенсии, пытался уговорить Бадиса казнить Ибн Абаса. Абдул Азиз стремился захватить власть в Эльмире под тем предлогом, что Зумаер пользовался покровительством его семьи. При этом он боялся, что, если Ибн Абаса освободят, визирь может стать серьезным препятствием для воплощения в жизнь его честолюбивых планов. Странники Ибн Абаса добивались, в свою очередь, его освобождения в обмен на обещанное золото, поэтому Бадис мог сколько угодно колебаться, не зная, что предпочесть, – динары или голову злодея. Рабби Шмуэл тоже пребывал в сомнениях: с одной стороны, он прекрасно знал, что освобождение Ибн Абаса приведет к новым войнам и беспорядкам, с другой же – опасался, что если бывшего визиря казнят, то его приверженцы так или иначе отомстят именно ему, первому визирю Гранады: под удар попадут все евреи, живущие в Эльмире. И всё случившееся станет лишь предлогом для того, чтобы возбудить у кровожадной толпы новый всплеск ненависти к народу Израиля.

Словом, рабби Шмуэл думал-думал и в конце концов пришел к решению. Оно казалось ему наиболее мудрым. Он предложил Бадису приговорить Ибн Абаса к пожизненному заключению. Однако идея эта у халифа энтузиазма не вызвала: она лишала его возможности получить изрядную сумму денег и одновременно не позволяла насладиться законной мезтью, казнив предателя.

Однажды вечером, совершая верховую прогулку в сопровождении брата, Бадис решил спросить у него совета по этому вопросу. Балкин ответил мгновенно:

– Знаешь, тут и думать нечего. Если ты возьмешь у Ибн Абаса деньги и выпустишь его на свободу, он тут же затеет против тебя войну. В результате ты потеряешь много больше той суммы, что он предлагает. Его нужно казнить как можно скорее. Колебаться бессмысленно.

Вернувшись во дворец, Бадис велел привести к себе бывшего визиря.

– Господин мой халиф, – взмолился Ибн Абас дрожащим голосом, – смилуйся надо мной, грешным, избавь меня от телесных и душевных мук.

– Ты избавишься от них еще до утренней зари, – пообещал ему Бадис многозначительным тоном.

Испуганное лицо пленника озарилось было проблеском надежды, но надежда мгновенно угасла: злобный, даже издевательский смех, которым дружно разразились братья, не оставлял сомнений. Ибн Абас стоял на краю могилы. Он бросился на пол, зарыдал, начал снова молить о пощаде душераздирающим голосом. Однако Бадис и Балкин, исполненные отвращения, прервали эти дикие вопли, разом вонзив в тело осужденного на гибель два острых копыя. Предатель забился в конвульсиях и вскорости испустил дух.

Весть о казни Ибн Абаса, чье богатство уступало лишь его гордыне, в течение нескольких часов разнеслась по Гранаде. Берберы, подданные Бадиса, обрадовались известию и даже решили по такому случаю устроить с евреями общий пир в честь рабби Шмуэла. Но рабби Шмуэл не желал демонстрировать свою радость прилюдно, дабы не создавать у людей впечатление, будто именно он присоветовал халифу убить Ибн Абаса. Наш герой по-прежнему не исключал, что если его сочтут виновником смерти этого богомерзкого человека, то арабы могут вспылать величайшим гневом к евреям. Он предложил потратить деньги, уже собранные для пира, на нужды бедняков и на то, чтобы купить продукты к шабосу. Его предложение было принято.

Под впечатлением гибели заклятого своего врага рабби Шмуэл сочинил новое стихотворение. То было славословие Всевышнему, которое он позднее включил в книгу стихов.

Вскоре после казни Ибн Абаса и, скорее всего, по ее причине с рабби Шмуэлом случилась престранная вещь: один из его снов оказался пророческим и в точности исполнился. Близкий друг Ибн Абаса, некто Альдила Абу Гафр, попытался поднять на войну с Гранадой несколько соседних герцогств, чтобы отомстить за Зумаера и его визиря. Он не обладал большим влиянием в Эльмире, но был хитер, коварен и в подлых своих делах не раз умело использовал привычную ненависть мусульман к евреям. Теперь он как раз и напирал на то, что главный визирь Гранады – еврей. И наветы его внешне выглядели достаточно серьезно, чтобы внушать опасения.

Словом, как-то раз рабби Шмуэл безмятежно почивал в своей кровати. Вышло так, что вместе с ним в ту ночь у него в покоях спал и некий врачеватель по имени Абумадин, давний его знакомец. Во сне рабби Шмуэл неожиданно услышал голос, нараспев читавший стихи. В стихах говорилось, что погиб не только сам Абас, но и все его друзья-приспешники, что лишь один вельможа, избежав смерти, втайне замышляет нечто злодейское против первого визиря Гранады, но козни его тщетны, имена злодеев, их бесчеловечные замыслы уйдут в прошлое, и людская память сохранит их только как подтверждение того, что в роду человеческом никогда не переведутся мерзавцы.

Рабби Шмуэл, пробудившись в сильном волнении, поднял Абумадина и пересказал ему, как мог, услышанные во сне строфы. Тот сначала изумился, а потом объявил с полной уверенностью, что сон сей пророческий, и пророчество непременно сбудется. Другими словами, он не сомневался: царедворец, что вынашивает планы гибели рабби Шмуэла, в самом скором времени сам отбудет к праотцам.

Невероятная вещь: прошло меньше недели, и в Гранаду пришло известие о том, что Альдила Абу Гафр упал с лошади и разбился насмерть.

28 Nitō

Наступили наконец спокойные дни, и рабби Шмуэл смог без помех заняться Торой, не отвлекаясь ни на что стороннее. Он начал в ту пору писать и свой фундаментальный труд по Алохе. К сожалению, до наших дней книга не дошла, содержание ее осталось неизвестным, но, предположительно, труд этот был посвящен разъяснению наиболее трудных мест в Талмуде.

Шел четыре тысячи восьмисотый год от сотворения мира. В тот год умер великий Хай Гаон, «последний из гаонов по времени и первый по величию», сумевший, как свидетельствуют современники, вернуть ешивам Вавилона былую славу и распространить Тору среди народа в такой степени, в какой прежде не удавалось никому. Со смертью Хай Гаона вавилонские ешивы постепенно стали приходить в упадок, и центр изучения Торы переместился в другие земли.

Известие о кончине великого Хай Гаона повергло в печаль и заставило надеть траур все диаспоры Израиля. Рабби Шмуэл тоже носил траур и пребывал в неизбывной скорби. На смерть Хай Гаона он сочинил плач, исполненный высокой поэзии и глубокого горя, позднее включенный в сборник его художественных творений.

С уходом Хай Гаона роль и значение рабби Шмуэла возросли в глазах всего Израиля еще больше. Отныне и вопросы, связанные с Алохой, и просьбы разъяснить непонятные места в Талмуде – а их во множестве посылали еврейские общины со всех концов света – приходили уже не в Вавилон, а в Испанию, к рабби Шмуэлу. К счастью, бремя государственных забот тогда менее обычного угнетало главного визиря, ибо Бадис, вполне удовлетворенный победами на ратном поле и считавший свою власть прочной, даже незыблемой, решил немного отдохнуть от войн и пожить спокойной, мирной жизнью.

По природе своей халиф Гранады был большой охотник до наслаждений, до всевозможных земных радостей. Человек слабохарактерный, он ни в чем не умел себе отказать. Несмотря на строгий запрет, который исламская религия налагает на потребление спиртного, он предавался возлияниям с поистине необузданной страстью. Потихоньку, стараясь, чтоб другие ничего не заметили, Бадис пьянствовал едва не ежедневно и порой напивался до полного бесчувствия.

Жил в те времена в Гранаде один арабский хаджа, большой ревнитель веры. Звали его Абу Ицхак. В Гранаду он приехал из Эльмиры и сподобился, совершив паломничество в Мекку, поцеловать черный камень. Этот фанатик ислама не мог смириться с тем, что верховный визирь Гранады – еврей, и давно уже пытался плести интриги против рабби Шмуэла. Теперь, прознав, что халиф пьет без удержу, хаджа решил использовать этот его порок в своих целях. Он придумал довольно ловкий ход: явиться к пьяному Бадису и внушить ему, что держать на службе еврея, да еще на такой высокой должности, великий грех перед Аллахом.

Абу Ицхак старался во всем вести себя, как самый правоверный мусульманин на свете. При каждом удобном случае он принимался цитировать Коран, надеясь своими знаниями снискать особое уважение халифа и его приближенных. Был этот хаджа вообще-то человек циничный и хитрый – несмотря на великую свою набожность. Он не стеснялся прибегать к тем же методам, к каким позднее прибегали антисемиты-христиане. Те с пристрастием расспрашивали евреев – предателей веры отцов о священных иудейских книгах, стараясь выяснить, не сказано ли, например, в Талмуде что-нибудь такое, что можно было бы, извратив и переиначив, использовать против народа Израиля, поставить ему в вину и тем самым возбудить у окружающих ненависть к евреям.

Однако все старания, все доводы хаджи не произвели на Бадиса абсолютно никакого впечатления. Его вера в главного визиря, его дружеское отношение к нему были неколебимы: даже в часы опьянения он не желал слышать о нем ни одного дурного слова. Он наотрез отказывался от любого предложения, которое грозило рабби Шмуэлу бедой или вообще могло ему хоть как-то навредить. Единственное, на что он в конце концов согласился, после просьб и длительных увещаний, – это позволить Абу Ицхаку сделать попытку уговорить рабби Шмуэла сменить религию, то есть перейти в ислам. Ради этой цели было решено устроить между двумя учеными диспут в присутствии халифа.

Рабби Шмуэла без промедления вызвали к Бадису. Хаджа встал ему навстречу, поклонился и приступил к делу без обиняков:

– Господин наш халиф, да живет он вечно, совершил ошибку – на радость своим врагам. Вместо того, чтобы назначить главным визирем правоверного мусульманина, он остановил свой выбор на неверном. В результате евреи, пребывавшие дотого в унижении, всеми презираемые, обрели в нашем царстве почет и силу, которых никоим образом не заслуживают. И нет теперь границ их гордыне и

высокомерию. Добились же они нового своего положения вовсе не благородными и добрыми деяниями. Человек, по своей воле поднявший их из праха, – это правоверный, это сын ислама...

Тут Бадис вскочил и заорал в гнев:

– Не твое дело, поганец, указывать мне, кого назначать главным визирем! Не твое дело, – прав я был или нет! Всё, что я тебе разрешил, – если только ты сможешь это сделать – попытаться убедить визиря признать величие нашего пророка и истинность веры в Аллаха. Не преуспеешь в этом деле – я велю навеки изгнать тебя из своего государства.

Хаджа смиренно поклонился, но тут же начал сыпать цитатами из Корана, где о евреях говорилось только дурное – они, дескать, безмерно корыстолюбивы все до единого, они намеренно исказили смысл многих заповедей Торы...

Рабби Шмуэл, многолетний сподвижник гранадских халифов, один из главнейших сановников в стране, разумеется, знал очень много о царстве, в котором жил. Конечно же, он читал книги ишмаэлитов: нужно было постичь их суть и уметь при необходимости вести спор или даже отвечать на обвинения. Посему он без труда, спокойно и уверенно, разбил все доводы хаджи – один за другим, буквально не оставив от них камня на камне.

Поскольку претензии к иудеям, основанные на выдержках из Корана, были целиком и полностью опровергнуты, Абу Ицхак пустился в рассуждения о Торе: рабби Шмуэл и его братья по вере, оказывается, намеренно утаивают от мира суть основных положений Священной книги Израиля.

– Разве не говорится в вашей Торе, – воскликнул хаджа с наигранным возмущением, – пророка из среды твоей, из братьев твоих, – такого, как я, пошлет тебе Г-сподь Б-г твой, Его слушайся. Я цитирую по памяти, но существо дела передал верно. А кого же имеет в виду писание, как не нашего пророка Мухаммеда?

– Ты грубейшим образом ошибаешься, толкуя текст, – спокойно возразил рабби Шмуэл. – В действительности смысл его иной: как я из среды братьев твоих, таков же будет и пророк, коего пошлет Всевышний. Из среды твоих братьев, повторяю я, а не из какой-то другой. И все они будут из среды Израиля. А ваш пророк произошел вовсе не из среды Израиля. Он никогда не был в Святой земле нашей и не стал продолжателем вековых традиций еврейских пророков. Понимаешь, в чем разница?

– Более того, – продолжал рабби Шмуэл, – мы не можем согласиться ни с каким пророком, если пророчество его посягает на глубинные основы нашей Торы. Моше Рабейну – властелин всех пророков, но мы верили в него не только и не столько благодаря небывалым чудесам, которые он совершил, сколько потому, что у горы Синай весь народ Израиля собственными глазами видел и собственными ушами слышал, как Всевышний призвал к себе именно Моше Рабейну – чтобы дать ему Тору. Тора, дарованная Моше, останется вечной; она никогда не будет изменена или отменена. Так в ней и говорится: не добавите вы ничего сверх того, что Я вам заповедаю, и не убавите от этого ничего. А еще сказано на ее страницах: тайны принадлежат Всевышнему Б-гу нашему, а открытое принадлежит нам и нашим детям навеки – чтобы исполнять все слова священной Торы. Стало быть, любой пророк, пришедший с тем, чтобы отрицать или отменять заповеди Торы, станет отрицать пророчество самого Моше Рабейну, да будет благословенна память праведника. И мы поймем, что слова этого пророка лживы, а все чудеса, которые он совершает, все знамения, которые посылает, есть результат колдовства, а не согласия с Всевышним. Это именно так, ибо пророчество Моше Рабейну было, повторяю я, подтверждено у нас на глазах и самим Создателем. Отрицать его, таким образом, невозможно, сомневаться в нем тоже бессмысленно и глупо. Шестьсот тысяч взрослых мужчин, их жены и дети при всем этом присутствовали и видели всё своими глазами...

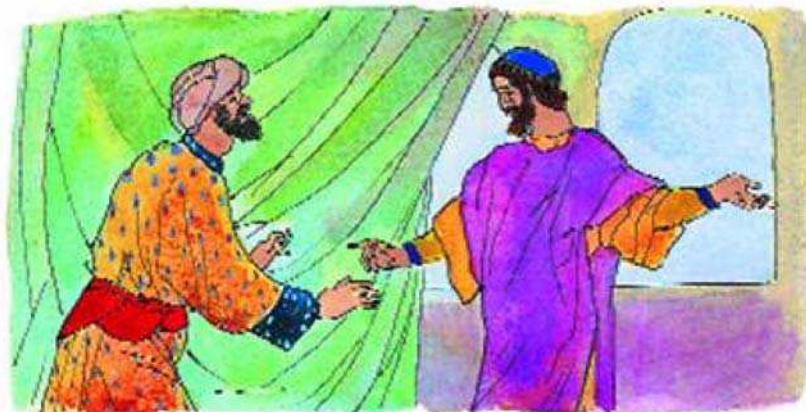
Правда же заключается в том, что Мухаммед был человеком, любившим власть и стремившимся к наслаждениям. Человеком, выбравшим из нашей Торы лишь те места, что казались ему пригодными для достижения его личных целей. Нечто подобное совершил и другой человек, объявивший себя пророком тех, кто верит в христианство. Он тоже решил взять из текстов Торы всё, что ему подходило, исказив их суть и тоже приспособив для решения собственных задач. Следует, однако, признать, что ваш пророк сумел убедить в своей правоте немалую часть человечества. Но на то была воля Всевышнего, ибо Он хотел, чтобы как можно больше людей приняло веру в Его единство и веру в Его Мошиаха, чтобы к тому часу, когда Мошиах придет, народам мира было легче принять его и отдаться под его нераздельную власть.

Сердце рабби Шмуэла тревожно стучало в груди, пока он произносил все эти не слишком приятные для исламской религии вещи. Главный визирь серьезно опасался реакции Бадиса на свои откровенно крамольные речи. Однако волновался он напрасно: Бадис напротив, был страшно доволен. Его совершенно покорила ясность логики рабби Шмуэла, неотразимость доводов, которые тот приводил в подтверждение своих слов. В жизни не слышал халиф Гранады ничего подобного! Тем не менее открыто признать правоту рабби Шмуэла он не мог, а потому высказался уклончиво, хоть и не без изящества:

– Никогда не видел человека, который, будучи неправ, умел бы излагать свои аргументы так талантливо и с такой убедительностью.

По сути это была явная похвала; на несколько мгновений она привела напуганного хаджу в полное замешательство. Однако он вскоре оправился и заговорил с прежним апломбом:

– Несмотря на всю свою многоречивость, которая лишь затемняет смысл, и упорство в отстаивании постулатов иудейской веры, ты не можешь отрицать того, что Коран в значительной степени есть дополненный, усовершенствованный вариант вашей Торы, а равно и христианских священных книг. Идея единства Всевышнего, как известно, недостаточно четко выражена в христианском учении. Вы же, евреи, понимая единство Б-га, придаете излишнее значение выполнению формальных обрядов, что, безусловно, ослабляет подлинную веру и отвлекает от нее человека. Вот и получается, что только мы, мусульмане, – истинно верующие люди, ибо, с одной стороны, мы признаем единство Всевышнего, с другой же – формальная сторона заповедей нам не помеха.

– Разве у вас нет формальных заповедей? – удивился рабби Шмуэл. – У вас их сколько угодно! Давай я назову тебе лишь некоторые. Вы, к примеру, обязаны преклонять колени во время молитвы и обращать лицо в строго определенном направлении. Раньше предписывалось смотреть в сторону Иерусалима, потом ваши священнослужители решили, что глядеть надо туда, где Мекка. Вы совершаете паломничества, вы запрещаете верующим пить вино и есть свинину, исполняете заповедь об обрезании... Да мало ли что еще!

В конце концов араб решил прибегнуть к последнему аргументу, казавшемуся ему неопровержимым:

– Что ж, тогда ответь мне на один вопрос. Если ваша вера столь истинна, почему тогда исламу удалось завоевать сердца людей большей части мира? Исламу – а не еврейству и не христианству? Почему на том месте, где раньше стоял ваш храм, сегодня высятся мечеть? И почему сотни и тысячи христианских церквей были превращены в мусульманские мечети?

– За наши грехи были мы изгнаны с родной земли и отданы во владение чужим народам, – отвечал рабби Шмуэл. – Но когда мы раскаемся и очистимся от грехов, тогда Всевышний вернет нас в нашу землю и возвратит ей Свое Б-жественное присутствие.

Поняв, что все его доводы опровергнуты, хаджа воскликнул в отчаянии, обращаясь к халифу:

– Почему, господин мой халиф, ты не поступаешь по обычаю других добрых правоверных и Б-гобязанных правителей, которые царствовали в прежние дни? Почему не поставишь евреев на

подобающее им место, чтобы были они, как и раньше, самыми ничтожными среди людей? Во времена прежних халифов над евреями всегда смеялись и глумились и они не смели дерзить правоверным. Презренные, жалкие, в ту пору они не смели даже поднять голову, не говоря уж о том, чтобы появляться на людях вместе с лучшими, достойнейшими из нас и мчаться верхом в одном ряду с вельможами и царями...

Халиф поглядел на него с гневом и отвращением:

– Неужели ты надеешься заставить рабби Шмуэла перейти в лоно нашей религии посредством угроз и оскорблений? Да еще после того, как все твои доводы и цитаты не помогли? Неужели не видишь, что проиграл? Убирайся отсюда сию же минуту! Чтоб до захода солнца ты навсегда исчез из Гранады! А если тебя обнаружат позже, после заката, то голова твоя, клянусь, украсит ворота моего дворца, как украшали их головы всех моих врагов!

Злополучный хаджа бросился вон, скрипя зубами от страха, стыда и ненависти, проклиная всё и вся. Однако, прежде чем покинуть Гранаду, он позаботился оставить верховному визирю врага еще более злобного, чем он сам, – перешедшего в ислам еврея по имени Абу Суфьян.

29. *Ī ĩēīāy ĩ ĩāāāā*

Вскоре весь город уже говорил о том, что некий хаджа пытался обратить рабби Шмуэла в ислам и потерпел сокрушительное поражение. Эта новость особенно раздосадовала берберов, поскольку арабы издавна пеняли им за то, что берберы недостаточно ревностны в вере: вот, мол, и главный визирь у вас еврей... Берберов сердили и обижали эти попреки, и, согласись рабби Шмуэл принять ислам, они бы от души возрадовались: один из главных упреков отпал бы сам собой.

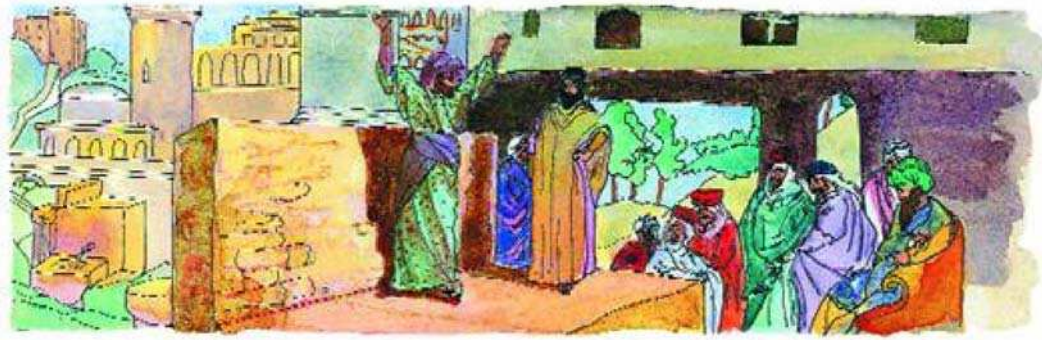
И тут к халифу заявился этот самый Абу Суфьян, новообращенный мусульманин, и сообщил, что готов помочь выполнить то, что не сумел выполнить Абу Ицхак.

– Для этого существует весьма простой способ, – заявил Абу Суфьян. – Тебе следует всего лишь пригрозить своему визирю, что, если он не согласится перейти в ислам, ты велишь его казнить. Страх смерти заставит его совершить требуемое, ибо по закону еврей, в случае угрозы для его жизни, обязан преступить любую заповедь Торы, кроме трех: об идолопоклонстве, убийстве и запрещенном соитии. А поскольку еврейская религиозная философия не считает ислам идолопоклонством, то у Шмуэла просто не останется выхода.

Поначалу халиф не соглашался подвергнуть главного визиря столь жестокому испытанию, но настойчивые увещевания берберов да и его собственный переменчивый характер привели к тому, что он в конце концов сдался.

Назначили день, когда Абу Суфьян должен был испытать на рабби Шмуэле силу своего ума и красноречия. Халиф приготовился провести диспут в более торжественной обстановке, нежели в прошлый раз. Евреи, арабы и берберы получили разрешение присутствовать на диспуте, по случаю которого во дворце «Аль Хамра» был специально подготовлен большой зал с местами для зрителей и неким подобием сцены посередине. Множество людей жаждало увидеть это захватывающее зрелище; ради него в Гранаду приехали даже жители соседних городов.

Накануне диспута рабби Шмуэл вместе с десятью своими учениками целый день постился, прося у Г-спода поддержки и высшей мудрости. Обращаясь к Создателю, он горячо молился: «Г-сподь наш и Г-сподь отцов наших, блюди уста посланцев народа Твоего, Дома Израилевого и не дай языку их ошибиться, и не дай словам споткнуться, и пусть не произнесут их уста то, что против Твоей воли».

В день диспута весь город пребывал в странном возбуждении – с самого раннего утра улицы уже были полны народом. Торговцы наспех мастерили прилавки и предлагали прохожим напитки и фрукты. Почти на каждом углу стояли группы людей, оживленно обсуждавших предстоящее событие.

– Пришел наконец день, – объявил арабский шейх группе арабских и берберских чиновников, – когда этот презренный еврей будет вынужден расстаться с жизнью. Я слышал, его оппонент, сам еврей в прошлом, превосходит его в мудрости в несколько раз, и наш визирь, конечно же, не сможет отвечать ему достойным образом, особенно от страха перед возможной казнью.

Шейха немедленно поддержали со всех сторон, ругая евреев вообще и рабби Шмуэла в частности. У каждого из витийствующих были серьезные причины ненавидеть визиря лично: одних ему довелось поймать за каким-нибудь неблагоприятным занятием, другие пытались его подкупить, но не преуспели...

Были и такие, что защищали, даже оправдывали рабби Шмуэла.

– Этот еврей, конечно, сумеет выкрутиться, – заявил какой-то человек со стопкой книг в руках. – Ему и прежде случалось попадать в переpleт, да еще похлеще нынешнего, и он всегда с успехом выпутывался. Ума и знаний ему не занимать. – И если он уцелеет, это будет лучше прежде всего для нас, – добавил прохожий, – ибо, даже объединившись, вы все вместе не сможете управлять страной так мудро и так искусно, как управляет он один. Да еще не помышляя при этом ни о какой личной выгоде...

Наступил тем временем час диспута.

В центре богато украшенного зала, окруженный царедворцами, на раззолоченном троне восседал Бадис. Перед тронном на небольшом возвышении сидели участники диспута. Гордая, независимая осанка рабби Шмуэла, его густая борода, в которой уже проблескивала седина, большие умные глаза – всё это производило немалое впечатление, внушая почтительный интерес даже тем зрителям, что видели высокого сановника впервые. Лицо главного визиря было спокойно, на нем нельзя было прочесть даже тени волнения или тревоги. Изредка, впрочем, взор его на короткий миг выражал глубокое отвращение. Это случалось, когда он мельком бросал взгляд на Абу Суфьяна.

Халиф сделал знак, разрешая начать диспут. Тотчас со стула поднялся какой-то долговязый чиновник, развернул пергаментный свиток и громко прочитал заранее составленный текст:

– Всем известно, что верховный визирь Шмуэл сочинил книгу, направленную против святого Корана, нерушимой основы ислама. Тот факт, что практически во главе страны стоит человек, не согласный с многими положениями государственной религии, способен причинить Гранаде большой вред. Это ясно каждому. Однако господин наш халиф и его советники считают, что мы не должны отказываться от услуг рабби Шмуэла, успешно и преданно служащего нашему царству на посту главного визиря. По этой причине все правоверные граждане государства требуют, чтобы рабби Шмуэл открыто признал исламскую религию и склонился перед нашим пророком. Правда, в соответствии с еврейским законом он может это сделать только в том случае, если его жизни будет угрожать прямая опасность. Посему великий халиф Бадис решил, наперекор велению своего доброго сердца, уступить желанию народа нашего и казнить визиря Шмуэла, коль скоро тот откажется принять ислам. А поскольку, согласно учению еврейских мудрецов, при таком положении вещей Шмуэл не должен жертвовать своей жизнью, то халиф ждет, что его верный визирь сегодня признает открыто, что Мухаммед ибн Абдалла есть пророк и посланник Всевышнего.

Затем слово получил Абу Суфьян.

– Ты слышал, – обратился он к нашему герою, – что от тебя требуется? Разумеется, слышал. Нет никакой нужды возвращаться к сказанному и заново объяснять тебе, что ты можешь с чистой душой и спокойной совестью признать правоту мусульманской религии перед всеми остальными и стать одним из нас, стать правоверным, чтобы спасти собственную жизнь. Ты прекрасно знаешь, не хуже моего, что ислам не может считаться идолопоклонством, поскольку мусульмане ненавидят и отвергают всё, что хоть как-то связано со служением идолам. Мусульмане не верят также в материальное воплощение Б-га, о какой бы форме этого воплощения ни шла речь. А посему совершенно ясно: дабы не погибнуть, ты обязан отказаться от иудаизма. На тебя ведь возложена обязанность оберегать свою жизнь и свою бессмертную душу. И если ты пожертвуешь жизнью там, где Тора от тебя этого не требует, ты будешь виновен в собственной смерти. А сие есть великий грех.

Теперь все взоры в нетерпеливом ожидании устремились на рабби Шмуэла.

יְהוָה יְיָ יִרְאֶה וְיִשְׁפָּט

יְהוָה יִשְׁפָּט וְיִרְאֶה

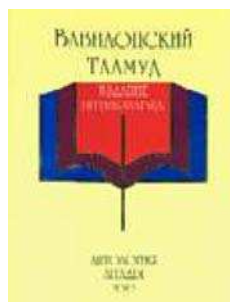
РАББИ ХИЯ И ЕГО ПЛЕМЯННИКИ

Ī ĩă đăă đ. Āăēī ā Yāū - Ēñđăyĕy (Ō ò áé ĩ çăēüöà) è Ñ. Āāđđēī öāāā

Āāāēēī ĩ ñēēē Ōāēī öā. Āī ò ĩ ē ĩ āēy Āāāū. Ō. II

Ñ ò ĩ ē ē ĩ āāī ēyī è đāāāēī ā Āāēī ā Yāū - Ēñđăyĕy (Ō ò áé ĩ çăēüöà)

*Jerusalem: The Israel Institute for Talmudic Publications; Ī. : Ē ĩ ñ è ò ö ö
è ç: ā ĩ ē y è öāāē ç ĩ ā ā ĩ ĩ ĩ, 2004 - 268 ç*

Что такое Талмуд? Это стенограмма дискуссий, которые велись еврейскими мудрецами с III по начало VI века. Дискуссии, посвященные вопросам еврейского религиозного права, охватывали самые разнообразные темы и вбирали в себя как реалии тогдашней жизни (история, политика, география, научные представления, медицина, обычаи, быт), так и в значительной мере предшествующее духовное наследие: еврейскую Библию и всё, что было создано после нее. Кроме того, в классических изданиях Талмуда приводятся избранные комментарии мудрецов последующих поколений. Логика и стиль Талмуда не имеют аналогов в нееврейском мире: ничего общего с диалогами Платона.

Талмуд написан на смеси арамейского и иврита, причем переходы напрямую не маркированы. Текст полон лагун, принятых при стенографической фиксации дискуссий; не доставляющие особых хлопот читателям, находящимся внутри талмудической культуры, для пребывающих вне ее они делают текст совершенно нечитабельным. С точки зрения объема Талмуд – небольшая библиотека.

Сегодня – как и сто, и тысячу, и полторы тысячи лет назад – Талмуд изучают в ешивах – это основная часть высшего еврейского образования. Надо приложить немалые усилия и потратить годы жизни, чтобы войти в мир Талмуда, стать там своим – одним из участников тех давних, но не прекращающихся и сегодня дискуссий.

Разве возможно перевести такую книгу? Да и нужно ли? Большинство тех, кто считает мир Талмуда своим, кто в нем живет, сочтет этот вопрос риторическим: конечно же, нет!

Не боящийся плыть против течения раввин Адин Штейнзальц сказал: можно и нужно. И не только сказал, но и перевел – сначала на иврит. Причем прокомментировал в своем переводе каждую деталь, каждую мелочь – одежду, травку, – не говоря уже о более важных предметах. Он представил читателям всех (даже мельком упомянутых в Талмуде) персонажей. Кроме того, он снабдил текст содержательным комментарием. Работа неимоверной сложности.

Комментированный «Талмуд Штейнзальца» стал основой перевода его на европейские языки. И не только на европейские: мудрецы Талмуда заговорили уже и по-японски.

Составная часть глобального проекта – «Русский Талмуд». Институт изучения иудаизма в СНГ под руководством Штейнзальца участвует в этом талмудическом марафоне уже много лет: в 1993 году вышел первый том серии «Вавилонский Талмуд», в самом конце прошлого года серия пополнилась очередным (пятым по счету) томом.

Русский проект делится на три части.

Первый (общеконцептуальный) том: «Введение в Талмуд», в котором дается общее представление о предмете: история создания, авторы, структура, содержание, логические и риторические приемы дискуссии.

Второй и третий тома посвящены изучению достаточно больших, целостных и относительно автономных талмудических текстов. В обоих томах в центре каждого листа – обсуждаемый мудрецами фрагмент текста на смеси арамейского и иврита. Вокруг него – перевод и развернутый перевод с комментариями. Развернутый перевод устраняет стенографические лакуны, вводит текст, скрытый по умолчанию. На полях приводятся частные комментарии: реалии, персоналии, лексика. Плюс обширные примечания внизу листа.

Четвертый и пятый тома концептуально отличаются от двух предшествующих. Это двухтомная комментированная антология текстов, выбранных Штейнзальцем из разных трактатов Талмуда. Но отличие не только в этом. Если в предыдущих двух томах комментарий оставался внутри мира Талмуда, то здесь добавлен еще и внешний – историко-филологический комментарий, взгляд со стороны: «сопоставление с греко-римской литературой соответствующего периода или интерпретация текста средневековыми и современными еврейскими философами, или анализ семантических сдвигов в языке мудрецов Талмуда по сравнению с библейским ивритом» (цитата из предисловия) и даже еще шире – если учесть, что в этих комментариях есть ссылки на Манделштама и Лотмана, которые, надо полагать, были бы немало удивлены, увидев свои имена в таком контексте.

В антологии представлены четыре блока комментариев, сопровождающих все избранные фрагменты: «Этика и поэтика» (А. Ковельман), «Из истории еврейской мысли» (У. Гершович), «Язык Талмуда» (М. Рыжик) и основной – «комментарий Штейнзальца», завершающий каждый фрагмент. Плюс примечания и минималистские комментарии на полях, отчасти иллюстрированные.

Первый из включенных в антологию фрагментов только что вышедшего тома начинается с цитаты из Песни Песней: «Как прекрасны в сандалиях ноги твои... Изгибы бедер твоих – подобны формам украшений, сделанных руками умельца» (7:2).

Разумеется, в оригинале и кавычки, и ссылка отсутствуют. Их должен выставлять сам читатель.

Как вы полагаете, куда могут увести мудрецов размышления о прекрасных ногах и изгибах бедер?

«Школа р. Анана учит. В чем смысл слов: “Изгибы бедер твоих”? Слова Торы уподоблены бедрам, чтобы научить тебя: как бедра сокрыты, так и слова Торы сокрыты».

К этому пассажиру имеется следующий комментарий: «Здесь затрагивается один из самых дискуссионных в Талмуде вопросов: должны ли мудрецы изучать Тору на глазах у профанов или следует делать это лишь в академической аудитории <...> Р. Хия учил: “Заниматься Торой в присутствии невежды... – всё равно что овладевать при нем собственной невестой. Ибо сказано <...>”» Дав рабби Хии возможность подкрепить свою мысль очередной цитатой, комментатор не оставляет читателей в неведении: «Парадоксальным образом именно р. Хия, вопреки запрету учить Тору “на рынке”, стал учить там своих племянников». Далее в комментарии говорится об эротических образах Талмуда как о характерной черте его поэтики.

Какая интимность в отношении к Торе!

По сравнению с читателем, которому приходится объяснять слово «Пейсах» (такое объяснение в тексте тоже имеется), талмудический невежда вправе претендовать на звание большого ученого, едва ли не мудреца – да что там! – мудреца без всякого «едва ли»! И вот в присутствии такого-то свидетеля рабби Хия вынужден заниматься сегодня Торой! Какая ирония! Какой посмертный жребий! Впрочем, рабби Хия и при жизни поступил принципами и вышел на рынок... Думаю, это решение далось ему нелегко, но он считал, что племянники того стоят.

Автор предисловия Ури Гершович прилагает немалые усилия, чтобы ответить на вопрос, на кого рассчитана столь причудливая книга. Я бы ответил на этот вопрос так: на племянников рабби Хии. Ну хорошо, не ловите меня на слове, племянники выучились и без антологии, – значит, на внучатых племянников.

В мемуарах Надежды Яковлевны Мандельштам есть забавный эпизод. Некий простодушный собеседник попытался выяснить у Мандельштама, как он слагает стихи. Поэт злобно осведомился, не желает ли тот заодно получить представление и о его сексуальной жизни. Параллель очевидна. Мыслительный и эмоциональный ход тот же.

На самом деле не тот же. Рабби Хия апеллирует к надличностным, абсолютным ценностям, к общему для талмудической культуры символическому полю, Мандельштам (вполне в духе эпохи) – к своему тексту и своему сексу. Трепетное отношение к тексту осталось – изменился текст.

А вот пример крошечного культурологического комментария на полях к фразе «Тут он увидел человека в черных башмаках». «Башмаки у представителей разных слоев населения отличались формой, количеством ремней и цветом. Ремни на башмаках неевреев были черного цвета, а у евреев – белого. Маркирующая особенность. Еврейские мудрецы порицали тех своих соплеменников, кто менял цвет башмачных ремней, чтобы походить на неевреев». Тут же – пожалуйста, изображение башмака. Интересно, откуда оно взялось.

Смысл истории, к которой «прилагается» башмак с комментарием (а речь в ней идет о еврее, носившем нееврейскую обувь), заключается в том, что поступок может быть понят неправильно сам по себе – вне контекста и намерения. Через сотни лет эта талмудическая идея «перелетит» через стену доминиканского монастыря и Парижского университета и отольется у Фомы Аквинского в категории формы, материи и интенции (во всяком случае, будет использована при отливке). Doctor angelicus пользовался еврейскими источниками.

Полагаю, сказанного вполне достаточно, чтобы отбить охоту у неподготовленного читателя открыть антологию. Однако человек, которому присуще культурное любопытство, высокая степень мотивации и, естественно, соответствующий уровень гуманитарной подготовки, будет вознагражден, попав в странный мир, где на обращенный к вам вопрос мудрецов остается только растерянно развести руками: сами мы не местные...

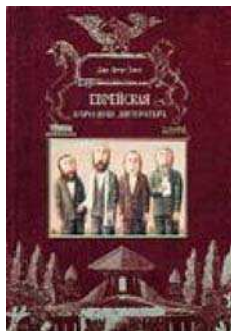
Антологический двухтомник вышел под общей редакцией Адина Штейнзальца и Сергея Аверинцева. Редактирование антологии стало одной из последних работ Сергея Аверинцева: во втором томе его имя, увы, обведено черной линией. Гершович пишет о нем: «Для нас Сергей Сергеевич был не только редактором, искренне озабоченным филологической добротностью и академической точностью публикуемых материалов, но и неравнодушным, вдумчивым читателем, по-дружески делившимся своим пониманием нюансов того или иного из талмудических текстов. Нам остается благодарить судьбу за то, что довелось общаться и работать с таким человеком».

Ī ēōāēē Āīōāēēē

ЕСТЬ ЛИ У НАС ФОЛЬКЛОР?

Ààí Ààí-Àì Ìñ Ààðàéñéàý Í àðíáí àý èè ò àðàò óðà

Ì.: Àìí ààðàéñéé èí èã, 2004 – 192 с.

Если больше четверти объема небольшой книги занимают описания источников и библиография, и это не считая почти двухсот подстрочных примечаний в основном тексте, то можно с уверенностью сказать, что книга в первую очередь предназначена специалистам. Однако вопрос, с которым она непосредственно связана, столь актуален для всех, интересующихся еврейской культурой, что даже неспециалисту трудно удержаться от того, чтобы не взять ее в руки. Вопрос же этот следующий: есть ли у евреев фольклор, как у всех других народов? Ведь обычно как: если есть народ, то есть и фольклор; стало быть, наличие фольклора – в каком-то смысле необходимая предпосылка существования народа.

Известен забавный эпизод: когда один фольклорный сборник готовился к изданию на русском, поэт-переводчик – прекрасный литератор, не владевший, к сожалению, никакими иностранными языками, – получил в качестве подстрочников еврейских народных песен подстрочники греческих песен с характерными греческими фольклорными мотивами. Переводчик храбро зарифмовал тексты, книга вышла в свет, и никто не заметил никаких несообразностей, пока изготовительница подстрочников, филолог-балканист по образованию, сама со смехом не раскрыла свою, по ее собственному выражению, молодежно-хулиганскую мистификацию. Этот эпизод, конечно, свидетельствует не столько об отсутствии еврейского фольклора, сколько о неразработанности еврейской фольклористики... Но что же это всё-таки такое – еврейский фольклор?

Своеобразие исторической судьбы евреев, несходство ее с судьбами других народов, даже внутренние отличия одной еврейской общины от другой непосредственно сказываются и на фольклоре, и на фольклористике. Например, у большей части европейских евреев тысячелетиями не было такого важного фольклорообразующего фактора, как совместные сезонные сельскохозяйственные работы. Есть мнение, что бывшая практика вступления в брак, когда родители новобрачных сами обо всем договаривались между собой, привела к отсутствию свойственных другим народам форм ухаживания, и это тоже отразилось и на наличии (точнее – отсутствии) любовной лирики в фольклоре. Праздники у евреев столь тесно связаны с религией, что в ходе их исполняются лишь литургические произведения. Или стилизованные под литургические. Знаменитая песенка «Хад гадья», например, сначала была сочинена на разговорном идише, а потом переведена на талмудический арамейский. То, что мы в обывательском смысле слова понимаем под еврейскими народными рассказами, песнями, анекдотами, часто представляет собой авторские произведения. Иногда точно известны авторы, известен литературный первоисточник, а это уж никак не согласуется с концепцией фольклора. Само название книги Бен-Амоса («Еврейская народная литература») подтверждает, что автор вполне отчетливо сознает эту проблему. Фольклор существует, если он существует, не сам по себе, а имея свои формы бытования; специфика же именно еврейского фольклора в целом состояла, помимо прочего, в более тесной, чем у других народов, связи с книжной традицией.

Дан Бен-Амос рассказывает о фольклорных мотивах, осязаемых в самых древних источниках, в Библии и апокрифах, в Талмуде и мидрашах; пишет о зафиксированных там же формах бытования фольклора. Уже здесь видны две из четырех характерных исторических черт, о которых Бен-Амос упоминает в самом начале: протяженность бытия и взаимопроникновение устной и письменной традиций. С наступлением эпохи Средневековья всё более заметную роль играют две другие черты: рассеяние

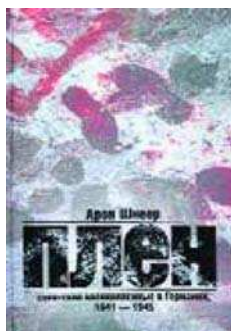
(дисперсное проживание народа) и лингвистическое разнообразие. Нельзя не заметить, что из четырех важных факторов два первых представляют собой силу центростремительную, а два последних – центробежную. За этим следует вывод об огромном разнообразии еврейского фольклора – региональном и языковом. Так, может быть, и нет никакого единства? Или всё-таки это разнообразие дает возможность говорить о еврейском фольклоре как о едином целом, свидетельствуя лишь о богатстве его форм и жанров? Бен-Амос, склоняясь к положительному ответу, предлагает и нам самим поразмыслить на сей счет. Автор книги изучает типологические признаки фольклора на еврейско-испанском и еврейско-арабском, на иврите и идише. Повествует об эпических поэмах курдских евреев на новоарамейском языке, кстати никак не связанных с книжной традицией. О том, как обогащался еврейский фольклор благодаря фольклору других народов, продолжая оставаться еврейским. С Бен-Амосом можно соглашаться или не соглашаться – материала для полемики предостаточно. Книга его имеет полное право стать своеобразным введением в еврейскую фольклористику и путеводителем по ней. Уже поэтому она заслуживает того, чтобы ее прочли.

Î éâàéé Èéíéé

«КОМИССАРЫ И ЖИДЫ – ВЫХОДИ!»

Àðíí Øíááð Í ëáí. Ñíááòñèèá àíáí í îí ëáí í úá á Ááðí àí èè, 1941–1945

Ì .: Ì îñòú éóëüò óðû; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 623 с.

Издательство «Гешарим/Мосты культуры» к 60-летию Великой Победы выпустило любопытную книжку. Она вроде как и о войне, но далеко не о победе. Вроде как о мужестве советских военных, но далеко не торжественен и не праздничен ее тон...

Перед нами увесистый том фактографического повествования, снабженного сносками, библиографией, списком источников, документальным приложением, указателем. Автор – историк с прибалтийским университетским прошлым, ныне – житель Иерусалима и сотрудник Яд ва-Шема, Государственного института памяти жертв нацизма и героев Сопротивления, располагающего огромным архивом.

И всё же перед нами издание если и академическое, то не до конца. Ненаучная струя в нем – это эмоциональная вовлеченность автора, склонного рассматривать свой труд как укор, как приговор. Знать бы только, кому именно.

При некотором несоответствии названия содержанию (в сторону расширения последнего), книга тем не менее радуется четкостью и ясностью своей структуры.

Сначала автор рисует картину жизни западных, английских, французских и американских военнопленных в нацистских лагерях, причем – благодаря немецкой бюрократии – картина эта изобилует разнообразными подробностями. Мы узнаем про устройство барачков, про топографию лагеря, про гигиенические нормы и типовой пищевой рацион, про систему оказания бытовых услуг и прочая, и прочая. Мы узнаем, что – кто бы мог подумать! – в лагерях проводились спортивные олимпиады; во время визитов родственников пленных офицеров им устраивались пикники за территорией лагеря, с жареным цыпленком и шампанским (!); высокопоставленных военнопленных водили на экскурсии в музеи и картинные галереи. Делалось это «для разоблачения западной пропаганды» – чтобы показать, что «мы не готтентоты, то есть не варвары». Из всех этих живописных подробностей, столь явно контрастирующих с отпечатавшимися в памяти живыми скелетами и дымовыми трубами, читатель усваивает главное: положение западных военнопленных – благодаря Гаагской (1907) и Женевской (1929) конвенциям, оговаривающим человеческие условия содержания и допускающим щедрую помощь Международного Красного Креста, – отнюдь не равнялось положению узников концлагерей. Евреи из числа западных военнопленных по большей части также чувствовали себя вполне комфортно – благодаря отдельной заботе своих правительств (в особенности британского) и заступничеству узников-сограждан.

Далее автор обращается к теме советских военнопленных. Оказывается, при устройстве лагерей для ожидающихся советских военнопленных германское лагерное начальство выдало только мотки колючей проволоки и ничего более – барачков и хозяйственных построек не планировалось. В результате новые узники спали на земле или в норах; ходили в деревянных колодках взамен отнятой обуви; питались сырыми овощами и баландой – раз в неделю, добавляя к этому кожу ремней и поджаренных насекомых... Голод вкупе с абсолютной антисанитарией доводили до помешательств, самоубийств, каннибализма и, наконец,

способствовали разгулу лагерной полиции из числа своих – явления уникального, не встречавшегося среди военнопленных других государств.

Спрашивается, чем обусловлен такой разительный контраст в положении советских и западных военнопленных? Во-первых, политикой Германии, направленной на уничтожение советской армии как части «красной угрозы». Во-вторых, отношением родины. Советский Союз до последнего момента не подписывал соответствующие конвенции, да и вообще не проявлял той заботы о своих военнопленных, которую проявляли западные правительства, – не издавал ноты протеста, не угрожал применением аналогичных мер к пленным немцам. Эта проблема игнорировалась, факты массовых пленений замалчивались, числа приуменьшались. На самом деле количество пленных исчислялось не сотнями тысяч, а миллионами, именно – пятью, причем три из них относятся к первым месяцам войны. Более того, культивировалось резко негативное отношение к пленным как к предателям: «Сдача в плен немецко-фашистским мерзавцам – позор перед народом, перед своими товарищами, своими женами, детьми, преступление перед Родиной», – писала центральная пресса летом 1941 года. Создавались героические мифы, мало соответствовавшие реальности. Например, выясняется, что знаменитый генерал Карбышев не один был превращен в ледяную статую вследствие отказа – несмотря на жестокие пытки – сообщить немецкому командованию какую-то важную военную тайну. Он погиб наряду с 400 других военнопленных в лагере, где их полили из шлангов водой на жестоком морозе...

Евреи из числа советских военнопленных содержались еще хуже – с дискриминацией, избиваниями, тайными и явными убийствами. Одной из причин был антисемитизм своих, которые стучали и сдавали, – агрессивный антисемитизм, который – согласно ответам Сталина Еврейскому телеграфному агентству (США) – в Советском Союзе «карался смертной казнью»! Другой причиной был, опять же, четкий курс немцев, заявленный ими в мощной пропаганде против «комиссаров и жидов», «красно-жидовской диктатуры Кремля».

Не все предлагаемые читателю сведения первичны и эксклюзивны – автор широко ссылается на другие монографии и уже опубликованные документы и мемуары. Но ценнейшими источниками являются несколько десятков рукописных воспоминаний из коллекции автора и архивов Яд ва-Шема, а также несколько десятков аудио- и видеоинтервью.

Установка этого издания на фактографичность намеренна, имеет свою практическую цель и теоретическое объяснение: «Книга сознательно насыщена фактическим материалом и множеством фамилий. Возможно, благодаря этому кто-то узнает о своих близких, пропавших без вести», – говорится во введении. С другой стороны, это своего рода художественный прием, состоящий в отказе от художественности: «Ни одно из произведений любого вида искусства <...> не сможет передать всей правды о войне <...> Правда войны – документ, и он превосходит любую, самую изощренную фантазию».

Вследствие обилия имен и цифр можно посетовать на перегруженность текста. Но стоит учесть: появление этого по-карамзински детализированного исторического полотна вполне закономерно и необходимо, ведь изучение советских военнопленных, а в особенности евреев, находится на уровне сбора материала. Ни концепцией, ни новизной оценок этот монументальный труд не отличается. Расставленные Шнеером акценты за последние 15 лет успели набить оскомину. Да, СССР тесно сотрудничал с Германией до войны и рассчитывал на продолжение сотрудничества. Да, 22 июня стало неожиданностью, советское руководство растерялось, а армейское командование, сливки которого были уничтожены в конце 1930-х, наделало ошибок, которые привели к пленению миллионов. Эти миллионы, конечно, не были трусами и предателями. Да, антисемитизм существовал не только в Германии, но и в Союзе. Утверждение, что все евреи в войну отсиделись в Ташкенте, – клевета, результат планомерного замалчивания роли евреев в борьбе с фашистами.

«Плен» Шнеера можно поместить в довольно ограниченный контекст изданий конца 1990-х – начала 2000-х годов, когда две ключевые темы книги – советские военнопленные и участие евреев в войне – приобрели легитимность. Традиция умолчания Советского информбюро военных лет оказалась живучей. Только в 1960-х годах появилось несколько исследований о военнопленных, а также художественное осмысление этого явления в виде романа-эпопеи С. Злобина «Пропавшие без вести». После «оттепели», впрочем, он исчез из библиотек и перекочевал в закрытые фонды хранения. Военнопленные были полностью реабилитированы лишь указом Ельцина в 1994 году. Тогда же случился бум газетных и журнальных публикаций на эту тему, начали издаваться письма и мемуары выживших пленных.

ИЗ НОВИНОК РОССИЙСКОЙ ИУДАИКИ

*Ἐπιτομή ἐς ἐσθιωδά ἀπὸ ἐπιπέτα ἐ ἀπὸ τῆς ἱστανδία ἐπιπέτα ἀδα ἐπιπέτα: ἱστανδία ἐπιπέτα-ἱεεε,
ἱστανδία ἱστανδία*

Ἰ.: Ἀἱ ἀδα ἐπιπέτα ἐί ἐε, 2004 – 423 с.

Под этим названием собраны материалы конференции, прошедшей в Москве в декабре 2003 года при участии ученых из российских и зарубежных университетов. Авторитетность и международный характер конференции можно расценить как закономерный результат 15-летнего развития иудаики в России и попыток интеграции отечественных специалистов в этой области в международное научное сообщество.

Не все представленные вниманию читателей доклады действительно отличаются новизной источников или подходов, но в целом сборник получился ровный и очень качественный, с отличным справочным аппаратом, что редко случается с материалами конференций, которые, как правило, под одной обложкой собирают слишком разнородные тексты.

Среди статей есть как «вспомогательные» – историографические, источниковедческие и библиографические – материалы, так и рассуждения общекатегориальные – о кризисе, об идентичности и т. п. За исключением нескольких обзорных работ (среди которых статья В. Я. Петрухина о еврейском присутствии в средневековой русской истории и культуре – теме, обычно игнорируемой в пользу еврейства Российской империи), большинство статей – это мини-case studies, посвященные либо крупным деятелям еврейской культуры (например, Меиру Винеру или Семену Ан-скому); либо контекстуализации знаменитых мифов – прежде всего такого конспирологического узла, как «крымский проект» (Г. В. Костырченко); либо социокультурным портретам неких групп еврейского населения, прославленных той или иной литературной традицией: так, В. И. Журавлева прослеживает ментальные установки и поведенческие модели выходцев из России в нью-йоркском гетто на материале художественной прозы одного из его обитателей. Особое удовольствие читатели получают от богатой красочными примерами статьи И. В. Герасимова о прототипах Бени Крика, прослеживающей корни знаменитого литературного мифа об одесской еврейской преступности и рисующей социальный портрет уникального в своем роде «фронтирного» еврейства.

Ἀδα Ἀδα

«ШОША» – СТРАНСТВИЯ ДУШИ

אֲדָוָה אֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

יְיָ אֱלֹהֵינוּ אֲדָוָה אֵלֶּיךָ

בְּרַחֲמֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

«Oiva (Nodai no avy avov)» I itea, 2005

Израильский театр «Гешер» привез в Москву новый спектакль. В рамках фестиваля искусств «Черешневый лес» на сцене «Современника» состоялась российская премьера спектакля «Шоша (Странствия души)» по роману нобелевского лауреата Исаака Башевиса Зингера.

Зингера в России много издают, а этот роман переведен у нас первым. Он был опубликован в журнале «Урал» в 1990-м, через год вышел в московском издательстве «Текст», в новом веке его переиздала питерская «Амфора» (перевод Нины Брумберг). Так что зрители, собравшиеся в радиофицированном (спектакль шел на иврите) зале на Чистых прудах, некоторым образом были подготовлены к сценическому воплощению «Шоши».

Пьеса, написанная основателем и главным режиссером театра «Гешер» Евгением Арье, начинается с того, чем роман заканчивается: со случайной встречи в Тель-Авиве начала 1950-х годов двух людей, знавших друг друга по довоенной Варшаве. Эта «рокировка» сразу «переворачивает» восприятие тех, кто роман читал: им показывают новую, неожиданную версию.

В центре спектакля – история молодого писателя Аарона Грейдингера, его сложные взаимоотношения с оставленной, но не брошенной любовницей-коммунисткой Дорой, с американской актрисой Бетти Слоним, с женой варшавского богача-сиониста Селией Ченчинер, с подругой детства из бедного еврейского квартала Шошей, с горничной-полькой Теклой, с друзьями из клуба писателей – их философские и политические споры, их образ жизни, борьба идей... Всё это бурное цветение в польской столице – накануне второй мировой войны, перед Катастрофой, на краю гибели.

Постановщик Евгений Арье и режиссер Лена Крейдлина создали в спектакле постоянно меняющееся сценическое пространство. На белые движущиеся занавесы – одновременно элемент декорации и экраны – проецируются виды Средиземноморского побережья, кварталов Варшавы и Тель-Авива, фотографии ашкеназских евреев – жертв Холокоста. Это постановочное решение расширяет географические и временные рамки, превращает частную историю человека по прозвищу Цуцик в рассказ о трагедии целого народа в середине XX века в мрачных декорациях Восточной Европы.

Рисунок актерской игры напоминает ленинградский БДТ в классический его период: прямо-таки спектакль «Ханума», который многие помнят по телевизионной версии. Сходство неудивительно, Евгений Арье – ученик Георгия Товстоногова. Легкая дурашливость, местами водеvilльная спрессованность действия подчеркивают скорое и неотвратимое исчезновение той реальности, в которой герои существуют. Происходящее с ними – пир в преддверии Чумы. Все они это знают, все они зажаты между Гитлером и Сталиным. Действительность лишена логики, как лишена формальной логики «школа чистого гедонизма», релятивистская философия варшавского интеллектуала Файтельзона (яркое исполнение Йехезкеля Лазарова), изрекающего: «Еврею нужны три вещи: Тора, секс и революция. И, желательно, одновременно».

Один из персонажей, убежденный коммунист, после пыток и обвинений в «фашизме» чудом возвращается в Польшу из советского лагеря, куда он попал, переселившись в СССР, страну своей мечты. Выхода из этого капкана нет ни у кого, кроме Аарона Грейдингера (актер Алон Фридман), которому американка Бетти (актриса Эфрат Бен-Цур) предлагает заключить брак и перебраться в Америку. Но он, опять же вопреки логике, женится на бедняжке, как бы отказавшейся взрослеть, на остановившейся в умственном развитии Шоше.

«Всем нам предстоит сыграть свои маленькие роли и быть раздавленными», – утверждает варшавский философ Файтельзон. Но перед этим можно увидеть и запечатлеть в романе, в пьесе, в спектакле эпоху, обреченную на смерть. Возможно, для этого – впрочем, не осознавая свой поступок как миссию, – остается в Польше молодой писатель. Его Шоша – олицетворение традиционного еврейского уклада, быта, образа жизни, обреченного на исчезновение. Эта роль сложна для исполнения – непосредственность, детская незрелость в сочетании с женской чувственностью, – но актриса Шири Гадни находит для нее краски и смотрится убедительно. Алон Фридман, играющий главного героя, больше похож на жуира (тогда не было слова «плейбой»), бонвивана, кого угодно, только не на писателя.

Знакомый нашему зрителю по сериалу «Следствие ведут знатоки», находящийся в прекрасной актерской форме Леонид Каневский играет Сэма, колоритного американского миллионера, покровителя Бетти Слоним. Он тоже обречен, потому что смертельно болен, и именно в Варшаве узнает об этом. Только что он, влюбленный в Бетти, был полон иллюзий, и вот уже всё должно рухнуть по не зависящим от него причинам! Нельзя не отметить игру Эфрат Бен-Цур: в ее исполнении Бетти – роковая женщина, приносящая беду всем, кто к ней приближается. Сэм должен умереть, написанная для нее пьеса Грейдингера провалилась, и во всем этом она винит себя...

Предметы довоенного быта, расставленные на авансцене, – бюсты вождей, олени рога, массивный радиоприемник в полированном деревянном корпусе – «создают настроение», вызывают ностальгию по ушедшему времени. Меня особенно умилил диван с высокой спинкой и откидывающимися валиками, точно такой же стоял в квартире у моей одесской бабушки.

– Что вы сидите в темноте, хотела бы я знать? – спрашивает в финале актриса в темноту зрительного зала.

– Мы ждем ответа.

Российский зритель нечасто видит работы театра «Гешер». Основанный в начале 1990-х годов выходцами из российской театральной среды, привезенным в Москву спектаклем «Гешер» вновь подтвердил репутацию лучшего театра Израиля.

Àëàëíà äð Ðàííííòò

УМЕНИЕ И ВЕЗЕНИЕ КОМАНДЫ ТРЕНЕРА ГРАНТА

(Ἐξομαρτυρήσῃς ὁσὸς αἶψά ἐστιν ἡ δόξα αὐτοῦ)

Ἰσὸς Ἐσραῆλ

Ναὶ ὁ ἄνθρωπος ἔσραῆλ ἦν ὁσὸς αἶψά ἐστιν ἡ δόξα αὐτοῦ καὶ 35 (!) ἐὰν ἴσασιν αὐτὸν ἐν τῷ γὰρ ὅτι ἐστὶν ὁσὸς αἶψά ἐστιν ὁ ἄνθρωπος ἔσραῆλ ὅτι ἐστὶν ἡ δόξα αὐτοῦ ἐν τῷ γὰρ ὅτι ἐστὶν ὁσὸς αἶψά ἐστιν ἡ δόξα αὐτοῦ 2006 ἄλλὰ, ἐν τῷ γὰρ ὅτι ἐστὶν ὁσὸς αἶψά ἐστιν ἡ δόξα αὐτοῦ.

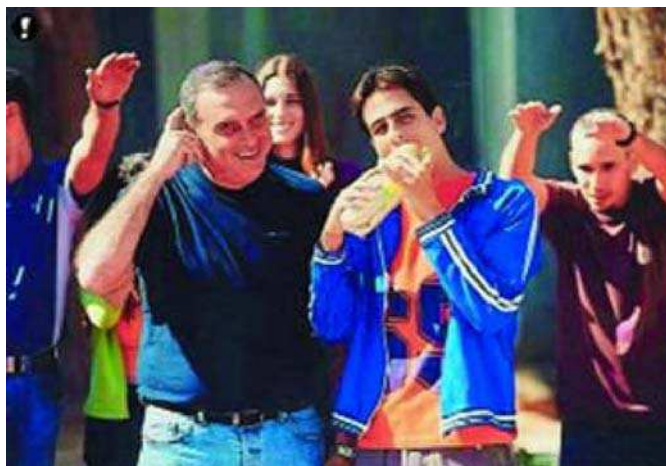
В 1968 и в 1970 годах израильская команда, которой руководил Эммануэль Шеффер, пробилась на Олимпийские игры в Мексике и чемпионат мира в той же стране. С тех пор на соревнованиях подобного уровня израильские футболисты не выступали.

Наиболее близкими к международному футбольному классу были сборные, руководимые Шломо Шарфом с 1992 по 2000 год. Игроки этого поколения не только осуществили личные блистательные карьеры (Эйяль Беркович, Хаим Равиво, Рони Розенталь, Ави Нимни, Бони Гинзбург, Реувен Атар и другие), но и составили коллектив, который в разные годы достойно представлял национальный футбол. Тем не менее команда Шарфа на мировые и европейские первенства не смогла пробиться ни разу.

Перед началом нынешнего отборочного турнира национальную команду принял 50-летний Авраам Грант, личность которого не являлась безоговорочной для многих комментаторов.

После того как были оглашены результаты жеребьевки отборочного турнира, в Израиле раздались голоса, обещавшие сборной полный провал. Такие соперники израильтян, как Франция, Ирландия, Швейцария, не внушали оптимизма.

«Только с Кипром и Фарерскими островами можно как-то сыграть и взять очки, но не больше того», – предсказывали журналисты.

И тем не менее сборная Гранта, проведя первые шесть встреч турнира, не проиграла ни разу, хотя сыграла со всеми своими соперниками, включая Францию (дважды), Ирландию, Швейцарию и Кипр (две победы).

Авраам Грант создал команду в соответствии со своим вкусом. Он предоставил шанс многим молодым и малоизвестным игрокам, но одновременно не пригласил в сборную 33-летнего Эйяля Берковича, игрока английской премьер-лиги.

– Эйяль не играет в основном составе «Портсмута», и потому я его не призвал в сборную, – объяснил Грант журналистам.

За это решение тренера очень резко критиковали. Впрочем, результаты говорили сами за себя: сборная шла без поражений, показывая «свой» футбол. Молодые игроки сборной выкладывались в первую очередь за своего тренера – сверх всяких возможностей.

– Гранту почему-то всегда сопутствует немереное счастье, – утверждали оппоненты тренера.

В Дублине сборная Израиля должна была сыграть очередной, и очень важный, матч отборочного турнира против сборной Ирландии. «Вот там-то всё и будет выяснено, ирландцы играют дома с полной отдачей, на огромных скоростях и проигрывают в родном Дублине очень редко. Здесь команда Гранта и должна будет показать, чего она стоит», – писали в израильских газетах.

В промозглую дождливую погоду израильтяне вышли на матч с ирландцами, которые буквально горели, настроившись на игру с островным рвением и напором.

Сначала ирландцы открыли счет со штрафного удара. Вратарь израильтянин Дуду Ават дотянулся до верхней «девятки», но из-за травмы левой руки вынужден был отбивать мяч рукой правой. В результате счет стал 1:0 в пользу хозяев поля. Затем промахнулись и вратарь, и защита, и счет стал 2:0.

– Только бы они нас не разгромили под ноль! – мрачно заметил один из комментаторов.

Грант сделал тактические перестановки в команде, и игровые связи стали налаживаться. На 37-й минуте игры штрафной, поданный Бен-Аюном, великолепно пробил головой центральный защитник Ави Иехиель, дебютировавший в сборной. Счет стал 1:2. А через семь минут ирландцы завалили в штрафной всё того же Бен-Аюна, и 33-летний Ави Нимни, любимец Гранта, уверенно реализовал пенальти – 2:2.

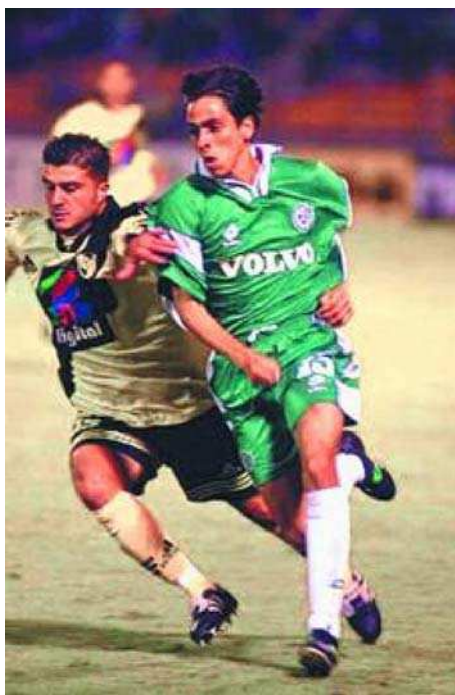
Всю вторую половину игры ирландцы неистово атаковали ворота Израиля широким флангом. Израильская команда стойко оборонялась. Мужественно играл вратарь Ават и вся линия защиты. Несколько раз ирландцам не везло, и наоборот – пару раз очень остро контратаковали израильтяне, которые вполне могли увезти из Дублина победные три очка... Но и ничья, добытая с таким трудом, очень важна.

В нашей команде можно было выделить таких игроков, как дебютант Ави Иехиель, Эйдан Таль – лучший футболист прошедшего сезона, – и некоторых других.

Авраам Грант после игры сказал: «Можно говорить о футбольном счастье в одной-двух играх, но семь встреч на таком уровне, уровне сборных, и с такими серьезными соперниками удачно сыграть на одном везении невозможно».

Нельзя не согласиться с израильским тренером в этом вопросе.

Теперь израильтянам предстоят игра со Швейцарией (3 сентября) и две встречи с Фарерскими островами. Задачи перед командой Гранта стоят очень сложные и всё-таки вполне решаемые: 7–9 очков в предстоящих матчах могут сделать надежды болельщиков реальным фактом.

Футбольный сезон в стране завершился, но события вокруг него по-прежнему происходят.

И чемпион страны, команда «Маккаби» (Хайфа), и ее оппоненты из Иерусалима («Бейтар»), и тель-авивские одноклубники чемпионов смогли увеличить бюджеты команд и, соответственно, усилить свои составы.

Особенно это относится к тель-авивцам, которые приобрели таких игроков, как Ави Нимни, Эйяль Беркович, полузащитник сборной Хорватии Джованни Россо, незаурядный бразильский форвард Жозе Дуарте и нигерийский полузащитник Блессинг Каку, перешедший из английской премьер-лиги. Правда, первые три игрока относятся к категории «возрастных» (им по 33 года), но вряд ли этот факт отразится на их игре и игре их клуба.

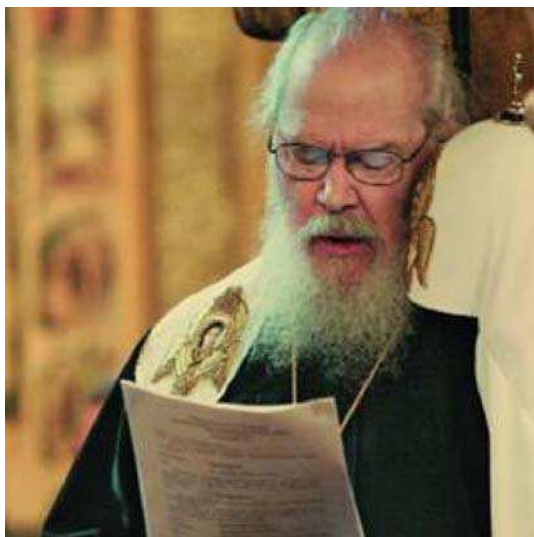
Предполагается, что борьба за почетный титул чемпиона страны будет вестись между 4–5 клубами, что говорит об известном расширении соперничества в местном футболе. Специалисты предсказывают высокий уровень предстоящего чемпионата страны, стартующего в последнюю неделю августа.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

ΑΑΛΟΝΟΙ ΑΝΕΕΑ Ι ΙΑΙΝΟΕ ΟΑΑΔΑΟΕΕ ΑΑΔΑΕΝΕΕΟ ΙΑΥΕΙ

CA I EDAAC I AOET I AEUI IE E DAEEAEI CI IE I AI AAENOE

*Επίοδαίσεϋ ΙΑΝΑ η̄ ᾱῑο̄ν̄ᾱ η̄ ᾱῑο̄ε̄ν̄ῑ ε̄ο̄ε̄ϋ̄ η̄ ε̄ ᾱδ̄ῡε̄ ο̄ῑο̄ῑ ᾱῑ ε̄ δ̄ᾱπ̄ᾱε̄
ιαοάδιεῑ η̄ο̄ε̄ ῑο̄ῑο̄ε̄ ᾱ ε̄ρ̄ῑᾱ ᾱ ε̄π̄ῑᾱῑε̄ν̄ῑ ᾱο̄δ̄ᾱᾱ Ε̄ῑο̄ᾱῑᾱ Ν̄ο̄ᾱε̄ ο̄ᾱῑ, Ῑᾱη̄ᾱᾱᾱᾱε̄ο̄η̄ϋ̄ Ῑᾱ
ε̄ῑο̄ᾱδ̄ᾱῑο̄ε̄ε̄, - Ῑο̄γ̄ᾱε̄ᾱε̄ϋ̄ ᾱῑο̄ε̄ν̄ῑ ε̄ο̄ε̄ϋ̄ ᾱ ᾱ Ν̄Ῑ Ε̄ ε̄ Ε̄ῑο̄ᾱδ̄ῑᾱο̄ᾱ, Ῑο̄ᾱῑᾱᾱᾱῑε̄ᾱ ε̄π̄ο̄ῑο̄ε̄ Ο̄ῑε̄ῑε̄η̄ο̄ᾱ,
Ῑο̄ᾱῑο̄ᾱδ̄ᾱῑᾱῑε̄ᾱ Ῑο̄ᾱπ̄ο̄ῑε̄ᾱīēē, η̄ᾱᾱδ̄ο̄ᾱῑ Ῑο̄ο̄ Ῑᾱ η̄ η̄:̄ᾱ δ̄ᾱπ̄ᾱε̄ ε̄ δ̄ᾱε̄ε̄ᾱīc̄īīē ᾱδ̄ᾱε̄ᾱī ε̄ ῙῙᾱε̄ ᾱδ̄ῡε̄ᾱ
Ο̄ῑο̄ᾱ Ῑο̄ε̄δ̄η̄ε̄ϋ̄ ᾱπ̄ο̄ο̄īēāīēϋ̄ī ε̄ Ῑο̄āī η̄ᾱīēf̄ēn̄ōd̄ā Ε̄π̄ᾱīēē Ο̄η̄η̄ Ε̄ο̄ε̄η̄ Δ̄η̄ᾱε̄ᾱη̄η̄ ε̄
Ῑο̄ᾱπ̄ᾱᾱōāēπ̄ōāφ̄ρ̄ῑāā ᾱ ῙᾹΝ̄Ᾱ η̄ ēf̄ēn̄ōd̄ā ēīη̄ōd̄āīūō āās̄ Ν̄ε̄īāīēē Ᾱε̄ī ēōδ̄ēϋ̄ Δ̄η̄īāēϋ̄. Ε̄ο̄η̄ ᾱ
Ῑōēōēāēūīūō ēēō, Ῑōāπ̄ōāāēϋ̄p̄īēō Ῑōāēōāēπ̄ōāā āād̄īāēp̄ēēō ᾱπ̄η̄āād̄īōā, ᾱ δ̄āāīōā ε̄īōād̄āīōēē
Ῑōēīϋ̄ēē ō:̄ ān̄ō ēā δ̄ōēīāīāēōāēē Ῑōāāīc̄āīēōīūō ε̄ āād̄ēīēēō Ῑōāī ēc̄āōēē δ̄āc̄īūō η̄ōd̄āī.*

С приветственным посланием к участникам конференции ОБСЕ обратился Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Патриарх отметил, что «Русская православная церковь всецело разделяет серьезную озабоченность правительств и общественности, вызванную проявлениями ксенофобии, антисемитизма, всех видов национальной розни и нетерпимости», тем, что «спустя 60 лет после окончания второй мировой войны в некоторых европейских государствах вновь поднимает голову неуважение и неприязнь к религиозным и культурным традициям других народов».

Он подчеркнул, что «проявления любых форм национальной нетерпимости греховны и противоречат христианскому вероучению». Однако «особо трагическими последствиями в XX веке», по мнению главы РПЦ, отличался антисемитизм – «одна из крайних форм человеконенавистничества и национальной розни». К сожалению, «проявление этого греха имеет место и сегодня», продолжал иерарх, в том числе среди общественных деятелей, публицистов, лидеров экстремистских группировок. Многие из них оскорбляют и чувства других наций, включая русскую, попирают их святыни и историческую память.

невероятной бедности ее населения, все эти проблемы решали «Джойнт», Хабад, Леви Леваев, «Сохнут» и так далее. Впрочем, за последние 3–4 года и в этом произошли колоссальные перемены.

Скажем, в Петербурге часть бюджета общины, покрывающая нужды синагоги и религиозной жизни, на 30 процентов формируется местными спонсорами. Хотя с благодарностью отмечу: реставрация синагоги финансировалась американской семьей Сафра, а еврейские школы пока содержит Леваев. Важно, что наша община сумела привлечь инвестиции, а они – знак доверия; в новой России это пока еще «дефицитный товар». В Базеле я старался довести до сведения собеседников, что наша петербургская община, как и еврейская община России в целом, уже достаточно самостоятельна.

– Вы почувствовали, что еврейские лидеры из более благополучных стран уже не относятся к ней, как к бедному родственнику?

– Безусловно, европейские евреи понимают, что у нас еще очень много нуждающихся, но также они понимают, что в России появилось немало богатых людей разных национальностей, в том числе евреев. И эти состоятельные евреи способны поддерживать функционирование еврейской общины. Кстати, был повод обсудить, каким в новых условиях должен быть вклад иностранных еврейских организаций в еврейскую жизнь России. Речь шла и о том, что выходцы из бывшего СССР и современной России всё сильнее влияют на еврейскую жизнь в Европе. Например, в проведении недавних мероприятий в Кракове, посвященных 60-летию освобождения Освенцима, огромная заслуга еврея из России Моше Кантора. Хорошо известна в Европе гуманная миссия Леви Леваева. Присутствие российских евреев всё заметнее в международных еврейских структурах. Недаром председатель Еврейской ассоциации Петербурга Жена Львова и я состоим в правлении Конгресса, в котором всего 15 человек.

Показательно, что новый президент «Джойнта» Элен Хеллер, выступая на завтраке в рамках программы Конгресса, подробно говорила о еврейском Петербурге: о Большой хоральной синагоге, о школе на проспекте Добролюбова, о благотворительных программах Жени Львовой, о «Хеседе Авраам», об открывающемся Общинном доме и других центрах еврейской жизни. Дело в том, что перед съездом в Базеле представительная делегация «Джойнта» посетила наш город.

– В ходе пленарных заседаний, за круглыми столами наверняка высказывались разные мнения...

– Например, говорили, что Хабад повсюду очень усилился. В России он усилился, потому что работал в тех местах, куда никто не хотел ехать. Скажем, в сибирской глубинке, где 30 лет не было раввина. Хабад посылает туда своего раввина, и он работает в тяжелейших условиях. Я по мере сил старался объяснить важность этой гигантской работы...

Вообще, полемика на Конгрессе – это нормально. Но для того, чтобы еврейская Европа выработала единую позицию, надо прекратить «разброд и шатания» в руководстве еврейской жизнью; лидеры общин должны способствовать этому, наладив цивилизованный диалог с коллегами, активнее работать с правительствами своих стран, с представителями других вероисповеданий и общественных организаций.

Россия является частью Европы – это ни у кого не вызывает сомнения. Европейские евреи должны солидарно выступать с российскими по всем ключевым вопросам. Мы должны вечно помнить о Холокосте, но также смотреть вперед. Во время Холокоста погибли миллионы евреев. Но Б-г дал, что мы с вами живем, поэтому мы должны чувствовать ответственность за сохранение и развитие всего еврейского мира. И, конечно, помнить о государстве Израиль, объединяющем всех евреев планеты, и всемерно его поддерживать.

– Появились ли после Конгресса в Базеле новые проекты, протоколы о намерениях, новые виды на сотрудничество еврейских общин Европы?

– Безусловно. Все готовы с нами сотрудничать – в области культуры, образования, логистики, обмениваться детскими и молодежными группами. Говоря «с нами», я имею в виду и ФЕОР, и петербургскую общину. ФЕОР превратилась в мощную силу, совершив за 3–4 года прорыв в своей деятельности, – это тема отдельного разговора. Поэтому скажу сейчас лишь о Петербурге. Честно признаюсь, я вернулся вдохновленный тем, что мои собеседники, президенты еврейских общин Германии, Голландии, Финляндии, Швеции, Италии, знают и ценят наш город, его еврейскую общину,

насчитывающую до 100 тысяч человек – в Европе таких немного! – его роль в еврейской жизни России и Европы. Признанием этой роли стало принятое в Базеле решение о том, что Конгресс президентов еврейских общин 2007 года соберется в Петербурге.

Александр А. Асеев

Ἀγαπᾷ τὴν ἀγάπην τῆς Διῆς Ἀσὴ Ἐσὴ

ΣΑΒΑἸἸ ἘΑ

Главный раввин России поблагодарил Патриарха Московского и всея Руси Алексия II за публичное осуждение антисемитизма, высказанное главой Русской православной церкви в приветствии к участникам конференции ОБСЕ.

«Сейчас, когда ситуация в этой болезненной области обострилась из-за попыток некоторых политиков и общественных деятелей разыграть юдофобскую карту, четко заявленная позиция Русской православной церкви имеет особое значение», – говорится в письме раввина Берла Лазара патриарху.

Главный раввин России убежден, что огромный духовный авторитет Алексия II среди россиян всех конфессий «будет способствовать пониманию обществом того, что между православными и иудеями в нашей стране нет противоречий, что ксенофобия и религиозная нетерпимость суть удел маргиналов, а попытки использовать христианское учение для “обоснования” антисемитизма несостоятельны и греховны».

Принципиально важным в послании патриарха, по мнению раввина Берла Лазара, стало предостережение от попыток навязать народам единообразие, в том числе посредством подавления присутствующих им религиозных традиций.

«Уникальный опыт России, где на протяжении веков представители разных национальных и религиозных групп не просто сосуществовали, но поддерживали друг друга и стояли плечом к плечу, защищая общее государство, может и должен послужить сегодня решению проблем Европы и мира в целом», – отмечает раввин.

Выразив признательность Алексии II за поддержку евреев, раввин Берл Лазар заверил его, что еврейская община России, со своей стороны, «полностью поддерживает борьбу против “выдавливания” православного населения из Боснии и Косово, против дискриминации русских в некоторых странах Балтии». Главный раввин России заявил о готовности российского еврейства работать вместе с православными в рамках предложенного патриархом диалога между представителями этно-конфессиональных сообществ во имя мира без национальной и религиозной нетерпимости.

«Молюсь Всевышнему, чтобы Он ниспослал политическим руководителям мудрость и побудил их в полной мере проникнуться духом Вашего послания», – написал раввин Берл Лазар. Пользуясь случаем, он поздравил Алексия II с 15-летием избрания на патриарший престол и пожелал ему долгих лет, крепкого здоровья и духовных сил во всех добрых делах.

Ἄεσάν ἡ ἐδάσσει Δίππε Ἀσὲ Ἐσάσ:

Ἰ ΔΙ ΟΙ ΕΙ Ε

4 июля главный раввин России принял участие во встрече делегации Американского еврейского комитета с министром образования и науки правительства России Андреем Фурсенко. Во встрече также принимали участие председатель правления Федерации еврейских общин России Александр Борода и руководители структурных подразделений министерства образования и науки.

В ходе беседы Андрей Фурсенко рассказал о новой концепции образования, в соответствии с которой «люди будут учиться думать, а не заучивать». Он сообщил, что практически готов к внедрению в программы учебных заведений курс «История мировых религий». По словам министра, этот курс, составленный светскими специалистами, рассматривает прежде всего культурологический аспект основных религиозных учений. Кроме того, министр отметил, что Холокост как трагическая страница в истории всего человечества заслуживает большего внимания, поэтому в школьной программе и учебниках ему будет отведено подобающее место.

Раввин Лазар в свою очередь сказал, что в полиэтнической стране, каковой является Россия, нельзя говорить о доминировании большого народа над меньшим, в том числе и в сфере образования. Он выразил благодарность министру за равное отношение к представителям всех национальностей, составляющих многонациональный российский народ.

Американский еврейский комитет, члены которого участвовали во встрече, был создан в 1906 году в США для предотвращения еврейских погромов в России и борьбы с их последствиями. Среди приоритетных направлений деятельности комитета – поддержка образовательных и культурных программ.

5 июля – встреча с губернатором Московской области Борисом Громовым. Основная тема – развитие партнерских взаимоотношений между властями Московской области и еврейской общиной России.

Борис Громов выразил заинтересованность областных властей в организации еврейских центров на территории региона. Он также отметил, что готов оказывать необходимую поддержку и помощь при строительстве в Подмоскowie общинных центров и синагог, идти навстречу просьбам представителей местных еврейских общин.

Раввин Лазар в свою очередь подчеркнул, что в Подмоскowie фактически не было специальных зданий синагог; евреи использовали любые подходящие постройки и помещения. По его мнению, в настоящее время в каждом крупном населенном пункте необходимо построить синагогу или общинный центр, чтобы каждый еврей, проживающий в Московской области, мог посещать их, не уезжая далеко от дома.

В ходе беседы обсуждались возможности развития совместного проекта руководства Московской области и еврейской общины России по детскому отдыху. В рамках проекта в Подмоскowie уже несколько лет работает лагерь «Ган Исроэл».

Губернатор Борис Громов и раввин Берл Лазар выразили готовность продолжать сотрудничество в социальной, культурной и образовательной сферах.

«ШУЛХАН ОРУХ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

29 epiv Oaiadaoev aadaeneo fauei NIA e Ai adesaienee aadaenee eiiadani (AAE) a mai andiui sayaeiee ideadonaiaree daoaiea idieodadodu I pneai i idaeduiaiiee idiaadee a ioiioaiee eiaaia aeioe-aiieo caeiia «Eeod Oueoi I du».

«Мы еще раз убедились, что нам нужно быть бдительными. К счастью, этот странный эпизод закрыт», – сказал президент ФЕО СНГ Леви Леваев. В свою очередь председатель АЕК Джек Роузен отметил, что «прекращение этого специфического дела подчеркивает важность твердой позиции международных еврейских лидеров в борьбе с антисемитизмом». Указав, что президент Путин резко осуждает антисемитизм, Розен заявил: «Мы рады, что судебные инстанции не дали хода этому явно антиеврейскому делу. Президент России Путин официально бросил вызов российским антисемитам. Поэтому кажется невыносимым, чтобы маргинальной группе экстремистов удалось возродить средневековые обвинения евреев и сделать их центром всеобщего внимания. Поскольку это всё же произошло, нам нужно быть начеку».

Об отказе в возбуждении уголовного дела по факту издания кодекса алохических законов 28 июня Генпрокуратура уведомила юридического советника главного раввина России.

5 июля в центральном офисе информационного агентства «Интерфакс» в Москве прошли круглый стол и пресс-конференция на тему: «“Шулхан Орух”: история и современность».

Ei oadaib aiaai Aai adoi ai o a fauandai i uo mayae Oaiadaoev aadaeneo fauei Dimee Aidoa Aideia eiodani iiaai oo «Baai Naitaa» I adeo Eeod iaa aai ia ei iadaa ia-aeii edoaiia noiea

«Последний виток кампании против этой книги начался в конце прошлого года, когда всплыло базовое “заявление 19-ти”, а потом “письма 500 и 5000”, которые были воспроизведены в газете “Русь православная”, выходящей в Петербурге. Надо сказать, – подчеркнул Борух Горин, – что содержание всего этого труда, я имею в виду письмо группы граждан, – это гремячая смесь зоологического антисемитизма, безграмотности, лжи и полуправды, как это часто бывает».

«Дело в том, что “Кицур Шулхан Орух”, – продолжал глава Департамента общественных связей, – это краткое содержание, однотомная выжимка одного из основных еврейских Б-гословских текстов – “Шулхан Оруха”, многотомного сочинения, содержащего законы, по которым обязан жить правоверный еврей. В этом труде, формировавшемся в Средние века, конечно, отпечатался след неприязни к евреям в христианских странах Европы, где на протяжении всего Средневековья им приходилось терпеть унижения, погромы, преследования инквизиции и так далее. Совершенно очевидно, что отношение автора книги к окружающим народам, мягко говоря, настороженное. Тем не менее “Шулхан Орух” является одной из главных книг иудаизма, как и катехизис для христиан, собрания фетв для мусульман. Я думаю, что представлять Б-гословский труд Средневековья как программу действий для современного человека, который исповедует ту или иную религию, то же самое, например, что судить о состоянии современного английского языка по творениям Шекспира».

Отвечая на вопрос о вероятности в современной России межрелигиозных конфликтов, в частности между иудеями и представителями других религий, Борух Горин сказал: «Если под словом “религия” мы подразумеваем иерархов, руководство различных религиозных объединений России, то отношения с официальными структурами как Русской православной церкви, так и мусульманских объединений страны у иудейской общины России идеальные». Что касается «простых людей», то здесь, по мнению Б. Горина, необходимо «отделять зерна от плевел»: «Газета, которая называет себя православной, “Русь православная”, – это фашиствующее, совершенно шизоидное издание. Я считаю, что никакого конфликта нет. Я искренне уверен, что эти люди не являются представителями какого-то религиозного вероучения. Это представители злобного животного начала в человеке любого вероисповедания. Они исповедуют античеловеческий культ, а не какую-либо религию».

В ходе беседы в эфире «Радио Свобода» Борух Горин подчеркнул, что, по его мнению, государство должно вмешиваться в ситуации, подобные той, что возникла в связи с письмами «православной общественности», руководствуясь буквой закона. Исходя из «буквы закона», сказал он, «подобные газетенки должны быть закрыты, и люди, публично проповедующие подобные воззрения, должны находиться в местах, не столь отдаленных». При этом, отметил он, эффективная борьба государства с любыми проявлениями национализма и ксенофобии возможна только при адекватной общественной реакции. «Сегодня, на мой взгляд, и государство недостаточно борется с этими явлениями, и общество недостаточно им противостоит. Это указывает на пассивность, безразличие, если хотите, лень демократических кругов», – сказал в заключение глава департамента ФЕОР.

Комментируя события, связанные с так называемыми «письмами патриотической общественности», на «Портал-Credo.Ru», Борух Горин отметил, что активно внедряемое в последние годы разделение религий на традиционные и нетрадиционные отнюдь не гарантирует отсутствия проявлений экстремизма в среде «традиционных» религий.

По его мнению, приходится сталкиваться с проявлением экстремизма, имеющего в основе своеобразное понимание положений ислама, христианства, да и иудаизма. Поэтому, подчеркнул глава департамента ФЕОР, оценка подобных явлений должна проходить исключительно по нормам действующего государственного уголовного законодательства, а не в соответствии с неюридическими культурно-духовными критериями типа «традиционности-нетрадиционности».

«Наша организация однозначно осуждает любые проявления экстремизма и насилия, считая их уголовным преступлением, даже если они представляют собой выполнение установлений, имеющих в той или иной религиозной традиции», – заявил Борух Горин.

В работе пресс-конференции приняли участие председатель правления ФЕОР Александр Борода, исполнительный директор ФЕОР Валерий Энгель, руководитель Департамента общественных связей ФЕОР Борух Горин и директор Московского бюро по правам человека Александр Брод.

Во вступительном слове Борух Горин отметил, что круглый стол не должен быть посвящен толкованию книги «Шулхан Орух»: «Я хочу поговорить о том, почему история вокруг Б-гословского труда, составленного в пятнадцатом веке и сформированного окончательно в веке девятнадцатом, вызвала такой резонанс и потребовала юридического пояснения. Дело не в том, что эту историю начали люди, известные своей репутацией и своим отношением к иудаизму. Их отношение к евреям не интересно». Проблема, по его мнению, в том, что «прокуроры могли всерьез заниматься несоответствием труда времен инквизиции российским законодательным нормам».

«Во всех еврейских книгах отношение к другим народам и религиям основано на том, что все люди – творение Всевышнего, и тот, кто не любит творения Всевышнего, не любит Творца, – отметил Борух Горин. – И христианство, и ислам – это Б-гом избранные религии, которые несут истину всем народам мира. Исходя из этого, мы строим свои отношения с этими религиями».

Руководитель Департамента общественных связей ФЕОР выразил озабоченность правоприменительной судебной практикой преследования ксенофобских групп, которая, по его мнению, является «крайне неэффективной, и государственная машина показывает, что всё позволено».

Председатель правления ФЕОР Александр Борода отметил увеличение в последнее время количества актов вандализма, возникших из-за межнациональной и межрелигиозной розни, и неэффективную в данном случае работу правоохранительных органов. «Позицию прокуратуры, которая старается рассмотреть тему “Шулхан Оруха”, считаю неправильной, – сказал он, – ибо это вопрос не

юридический, а политический. Тема, поднятая в “письме 500”, а потом в “письме 5000”, лежит не в юридической плоскости – это тема взаимоотношений народов и религий. Прекращение в прокуратуре экспертиз “Шулхан Оруха” говорит о том, что они поняли: это не тема для изучения».

Как заявил директор Московского бюро по правам человека Александр Брод, за последние четыре года в России возросло количество приговоров по статье 282-й УК РФ («разжигание межнациональной и религиозной розни»). «В среднем сегодня в год выносятся порядка 15 приговоров по 282 статье», – сказал он. Вместе с тем правоохранительные органы пока недостаточно оперативно и активно реагируют на факты антисемитизма в российском обществе. В частности, считает А. Брод, «реакция прокуратуры на “письмо 5000” была неадекватна действующему законодательству».

Правозащитник полагает, что в ответ на подобное письмо прокуратура должна была поставить вопрос о лишении его авторов – депутатов Госдумы – иммунитета и о привлечении их к ответственности, как это было в отношении депутатов, которые устраивали драки в парламенте.

Кроме того, по мнению правозащитника, в России сегодня «крайне не развит институт экспертизы по подобным делам», необходимо активно вести разъяснительную работу в обществе, в том числе на школьной скамье. А. Брод сообщил, что в России ежегодно выпускается порядка 300 тыс. экземпляров книг «явно расистского, шовинистического характера». Это громадный поток литературы, который расходится и по школам, и по вузам, при этом никакой контрпропаганды нет.

Í î ï ð ñ ò ñ ò ñ ò

è é ê ë ì í î ï ð ñ ò ñ ò ñ

ΑΙ ΟΕΝΑΙ ΕΘΑΙ Ι Α Ι ΑΝΟΙ Α ΝΙ ΟΕΙ ΟΑΔΙΑ

23 epíy á Ìππρταρείη ααααρείη ίαυείίη όαίόδα ππρίυεαίη ίδαίη-είίόααίόεϋ η ό-αίόεαί ίδαίηααόαεϋ ίδαααίεϋ ΟΑΙΡ Ααααίααα Αίόραυ é emíτείεόαεϋίτá áεδαεόίδα ΟΑΙΡ Ααααόεϋ Υίαεϋ, ααα αύείτ αα-εόαίί αααααίεα εεααίτá Οααααόεε, αααααίίτá όεεταίηαό Νίόεαεείόε-αίεταί είίόαδίάόείίτá é ααίάυιέό á ίαα ίάόόεε.

В заявлении говорится, что обратиться к социалистической общественности «заставляют тревожные факты в деятельности российской партии “Родина”, позиционирующей себя в качестве “социал-патриотической оппозиции” и заявившей о своем стремлении вступить в Социнтерн».

Между тем, отмечают авторы документа, в России «эта новообразованная партия “знаменита” прежде всего тем, что целый ряд ее видных представителей открыто пытается разыграть антисемитскую карту в угоду своим личным и групповым политическим амбициям. Самая заметная политическая акция “Родины” – это скандально известное “письмо 19-ти” в Генпрокуратуру, призывавшее к запрету всех еврейских организаций. Из подписавших его 19 депутатов российского парламента 14 принадлежат к фракции “Родина”».

Последовавший затем обмен письмами между главным раввином России Берлом Лазаром и председателем партии «Родина» Дмитрием Rogozinым лишь усилил озабоченность, говорится далее в заявлении. «Ограничившись формальным заявлением, что антисемитская выходка его коллег по парламентской фракции не была согласована с партийным руководством, г-н Rogozin отказался осудить их идеи», фактически проявив полную терпимость по отношению к ним. Все эти факты привели руководство ФЕОР к уверенности, что «псевдо-социал-демократы» из партии «Родина» «сильно заражены старым вирусом антисемитизма, ксенофобии и национальной нетерпимости», говорится в документе.

«В течение 15 лет развития новой России пропаганда ненависти к евреям и “инородцам” была уделом кучки безнадежных политических маргиналов. Сегодня, усилиями господ из “Родины”, создается серьезнейшая угроза распространения фашизма в обществе. Последствия такого развития событий, увы, известны нам из истории XX века. И ответственность за это ложится не только на самих проповедников юдофобии, но и на тех, кто посещает сегодня их съезды и готов рассматривать их как потенциальных партнеров».

В современной Европе неонацистов не допускают в правительства и международные организации. А в России существует традиция не подавать антисемитам руки и не садиться с ними за один стол. Мы убеждены, что только так можно и нужно относиться к подобным личностям и организациям, чтобы остановить распространение нацизма».

В заключение руководители ФЕОР обратились к Социалистическому интернационалу с призывом не допустить принятия партии «Родина» в его ряды и не оказывать этой антисемитской организации никакой поддержки.

После зачтения заявления Александр Борода отметил, что цель этого документа – донести правдивую информацию о партии «Родина» до руководства Социнтерна. «Важно, чтобы руководство Социалистического интернационала пересмотрело свое отношение к этой партии и взгляды на принятие

“Родины” в свои ряды. Важно, чтобы руководство “Родины” услышало нас и обозначило свою позицию по антисемитизму однозначно и недвусмысленно», – сказал председатель правления ФЕОР.

«Партия “Родина” является легальным приютом для маргинальных организаций и личностей, – отметил он далее. – Я хотел бы, чтобы не только Социалистический интернационал обратил внимание на партию “Родина”, но и правоохранительные органы».

«Это опасная тенденция, когда в парламенте существует группа лиц, выступающих с явно антисемитскими заявлениями», – сказал в свою очередь Валерий Энгель. Он напомнил, что именно «с такого письма в 1933 году начинался блок антисемитских законов в Германии». Исполнительный директор ФЕОР с сожалением отметил, что «события последних дней – широко известные “письма” и беспрецедентная реакция на них Басманной прокуратуры – доказывают: количество эксцессов на почве антисемитизма может возрасти».

А. Ашвадзга

ΕΝΩΤΗΤΕΡΑΝΕΙΤΑ ΣΑΙΤΕΑ Α ΟΑΙ ΟΔΑ Ι ΑΟΑΔΑΟΔΑ Ι ΑΔΑΑΙ Ι ΑΑΔΑΕΝΕΙΤΕ ΙΑΥΕΙΑ

*5 epiya Ni iemni aadri aotd I aoadada Aaei oeta I aoadai et aod dao eeani n aadai ui
daaei ni aotaa I aadaai ti I aaei I aadri e i daadadaaeai I aoadadaeae aadeneie
daaei i te iaveiu, aaeie maia i daadadaaeae OAI DI aaei Adadaai.*

В ходе ставшей уже традиционной встречи губернатору рассказали о знаменательных событиях в еврейской жизни города. Валентина Матвиенко отметила, что активная деятельность еврейской общины способствует улучшению международного имиджа Северной столицы России и привлечению инвестиций в городское хозяйство.

Главным результатом визита в резиденцию губернатора еврейские лидеры считают решение о возвращении исторического здания на улице Декабристов, 42. До революции здесь находилось училище ОРТ – ныне еврейской всемирной образовательной сети, первая ячейка которой появилась в 1880 году стараниями известного мецената барона Горация Гинцбурга именно в Петербурге. Губернатор дала поручение подготовить все необходимые документы для передачи здания еврейской общине в рамках закона о возвращении собственности религиозным объединениям. Планируется, что здание станет связующим звеном между прошлым и будущим общины: в нем предполагается разместить Центр обучения современным информационным технологиям и экспозицию «Евреи в России».

9 июня на заседании Комитета по управлению городским имуществом (КУГИ) Петербурга было принято юридическое решение о передаче еврейской общине здания на улице Декабристов, 42. Правда, оказалось, что на помещение площадью 2 тыс. квадратных метров, расположенное в престижном районе, претендует также Мариинский театр. Тем не менее здание было передано в ведение еврейской общины. Марк Грубарг, отстаивавший на заседании КУГИ интересы общины, сообщил, что земля под это здание была выкуплена бароном Гинцбургом одновременно с землей под синагогу. Вплоть до 1917 года здесь действовало училище для подростков из бедных еврейских семей, где они изучали Тору, иврит, светские предметы и готовились к службе в синагоге, а также Общество по распространению еврейской культуры. Марк Грубарг выразил признательность представителям всех заинтересованных сторон, воспринявших доводы еврейской общины.

AAI

İ ÈÍ ÈÑÒÐ İ Ðİİ ÛØÈÁÍ İ ÎÑÒÈ ÈÇÐÀÈÈÈÁ İ ÁÒÁÐÁÓÐÁÑÈÎ È ÑÈÍ ÁÁÍ ÁÁ

30 epíy Áíēūōp Ōīðāēūōp ñēíāñāō İ āōāðāōðāā İññōēē İ ēíēñōð İðī ùōēāííñōē ē òíðāñāēē Èçðāēēÿ Ýōūā İēūñ āðō ā ñīīðīāñāēāñēē İðāññōāāēōāēē ēðūíāēōēō ēçðāēēūñēō ēñī İāíēē. Á ñēíāñāñ İðīōēā āñēíāñÿ āñōðā:ā İ ēíēñōðā ñ ðñēíāñāñōāñī İāñēíū ē āðñēñēēī ē āēçíāñ āíāī ē İ āōāðāōðāā.

С приветственным словом к израильским гостям обратились главный раввин Петербурга Менахем-Мендл Певзнер и председатель еврейской общины Марк Грубарг. В ответном слове Эхуд Ольмерт отметил, что «синагога безусловно должна оставаться центром еврейской жизни города, но при этом нельзя забывать, что домом каждого еврея является страна Израиль». Министр также сказал, что его порадовало активное участие петербургских бизнесменов в жизни еврейской религиозной общины.

На встрече обсуждались вопросы межгосударственного сотрудничества, некоторые аспекты активизации российских финансовых структур в различных сферах израильской экономики. Россиян также интересовали успехи ведущих отраслей экономики Израиля.

После встречи для Эхуда Ольмерта и сопровождающей его делегации была устроена экскурсия по зданию синагоги. Министр был потрясен ее красотой и величественностью. Он сказал, что чувствует, насколько это духовное место и как сильно здесь ощущается связь со Всевышним. В завершение визита Эхуд Ольмерт оставил памятную запись в книге почетных гостей синагоги.

İ. Áāðōēíāē:~

евреев попало сюда из приграничных районов Российской империи, а затем – в начале Великой Отечественной войны, когда на Урал эвакуировали заводы и учреждения из западных и центральных районов СССР. О тех «военных волнах» еще можно узнать от многих, встреченных нами в пермском общинном центре «Хабад-Любавич».

Е. Ёёёё

Например, от Иосифа Литке – как свидетельствует фамилия, его предки родом из Литвы. Оттуда, из города Паневежис, попал на Урал его дед: «Началась первая мировая война, – рассказывает Иосиф Юлисович. – Считали, что, если придут немцы, евреи могут стать их пособниками, поэтому всех посадили в вагоны и отправили на Урал. Так в 1914 году они здесь и осели». А в 1941-м, в первых числах сентября, 15-летний Иосиф Литке со слепой бабушкой из города Пушкин пешком дошел до Ленинграда, а затем чудом спасся из окружения через станцию Луга. 8 сентября 1941 года вокруг Ленинграда замкнулось кольцо блокады...

Якову Озерсону – 83 года. Этот крепкий старик прошел всю войну: участвовал в боях под Москвой и на Курской дуге, освобождал Прагу и брал Берлин, награжден многими боевыми орденами и медалями. После ранения под Москвой окончил танковое училище, воевал в составе 10-го Уральского добровольческого танкового корпуса, после войны приехал на Урал к родителям, находившимся здесь в эвакуации, да здесь и остался. «Честно говоря, я не имел ни малейшего представления об Урале и о том, где он вообще находится, – говорит Яков Григорьевич. – Но куда ж еще ехать? Конечно, к папе с мамой. Так и приехал...» Часовым мастером он проработал 63 года.

Но, оказывается, были и другие миграционные потоки, ведущие в Пермь. Например, в начале 1930-х годов, когда евреи с Украины спасались на Урале от голода. Тогда, в голодомор 1932–1933 годов, из-за полной конфискации сталинскими властями урожая зерна на Украине умерли, по разным подсчетам, до 10 млн человек, в том числе 4 млн детей. Люди ели собак, крыс, нередко были случаи каннибализма...

Αάδαα, μμύ ύ έ ίηέί ύ

αάα, αάα έ ηάά άίί ίέ...

В. Ї αάάί.

Часто в разговорах с пермяками на разные лады звучала фраза: «Все, кто хотел, отсюда уже уехали». Конечно, возможны и другие «волны», будут уезжать еще – уже дети и внуки тех, кто остался. И не в последнюю очередь потому, что получают здесь еврейское воспитание и образование, познакомятся с традициями своего народа. Но уезжают далеко не все. И остаются, и возвращаются – ведь это и называется жизнью. А нормальной еврейской жизнью это можно назвать в том случае, когда сохраняются память, и преемственность, и связь. В том числе с тем местом, где ты родился, теми городами и весями, где живут твои родственники.

Έ. Έαάί άί έί

Потом Александр попал в танковое училище под Москвой, а по окончании его направили освобождать Латвию. Военная жизнь Александра закончилась в 15 километрах от Риги.

Было дано задание обнаружить противника и при необходимости принять бой до прихода основных сил. «Вначале двигались в кромешной темноте. Продвигались осторожно, чтобы не напороться на мины. Уже когда рассвело, добрались до цели, большого хутора. Наши товарищи обнаружили спящих немцев, взяли их в плен. Дивизионная разведка вернулась, чтобы доложить об обстановке, а стрелковая рота, два наших танка и пушка остались. Заняли оборону. Тишина длилась недолго. Через некоторое время по хутору был открыт бешеный огонь. Появились две самоходные пушки “Фердинанд”, которые стали охотиться за нашими танками. Мы лавировали, укрываясь от огня. Всё кругом пылало... Один наш танк подбили, снаряд прошел насквозь, экипаж погиб. Немцы пытались окружить хутор. Мы отбивались до последнего... Командир нашего танка погиб. Я решил прорваться на ту дорогу, по которой мы пришли. Проскочили довольно приличное расстояние, и всё-таки нас подбили. Я успел только выключить зажигание и открыть люк механика-водителя, как увидел приближающихся к танку немцев. Они выстрелили в меня и попали в рукав куртки, я сразу люк закрыл, но другой, башенный, люк оказался открытым. Немцы уже были рядом. Они бросили в него гранаты, две не попали, а третья оказалась в танке. Произошел взрыв. Я был ранен в лицо, руки и ногу. Один большой осколок попал в затылок рядом с ухом. Огнеупорная куртка некоторое время оберегала меня от огня, но шлем я почему-то сдернул с головы и тут же почувствовал, как загорелись волосы. Я решил: лучше погибнуть от пули, чем заживо сгореть. Обе руки были ранены, потребовались огромные усилия, чтобы открыть люк. Я выпал из танка и ожидал своего конца. Но оказалось, что немцы бросили гранаты и пошли дальше. Немного полежав, стал отползать от танка, протирая окровавленными руками глаза, но ничего не видел. Тогда я понял, что ослеп, и всё-таки двигался в глубь леса, натываясь на деревья, кусты. Минут через 20 произошел страшный взрыв. Это взорвался танк. Местность была болотистая, заросшая мхом. Полз неведомо куда. Наткнулся на мостик через канаву, залез под него и просидел двое суток. Потом решил вылезти на сухое место, но тут же споткнулся и упал – я был обессилен от потери крови... Сам себе пытался сделать перевязку. Перегрыз оболочку пакета с бинтом и кое-как перевязал голову. Остальные раны были залеплены болотной грязью. С момента ранения прошло уже трое суток. Внезапно услышал русскую речь, как будто из бочки – ведь я был контужен: “Свой, свой танкист лежит здесь!” Это была наша разведка».

Александра переправили в госпиталь в Ленинград. Магнитом ему вытащили огромное количество осколков из тела, из левого глаза. Когда сняли повязки с глаз, он крикнул: «Я вижу!» Но на самом деле он видел только свет. Из Ленинграда Александра перевезли в Киров. Там сделали операцию, продолжали лечить глаза.

В марте 1945 года его предупредили, чтобы готовился к выписке. Вскоре он вновь оказался в Перми. Брат познакомил Александра с председателем Общества слепых. Он поступил в 10-й класс школы рабочей молодежи. Учиться было очень трудно, приходилось всё воспринимать на слух, так как Брайлевской системы он не знал. Затем пошел работать на предприятие Общества слепых.

Вначале был простым рабочим. Предприятие произвело на него удручающее впечатление: всё оказалось заброшено. Но постепенно предприятие стало расширяться, Патоку назначили начальником цеха, а спустя некоторое время он стал директором. Устроилась и его личная жизнь: он встретил Валентину, которая стала ему верным другом, женой и помощником. Вместе они вырастили двух дочерей, дали им высшее образование.

Несмотря на все трудности, производство росло, велось строительство. Александр Ефимович решал вопросы с жильем, боролся буквально за каждого человека. Было организовано курортно-санаторное лечение, самодеятельность, спорт. Всё, чем по сей день гордится пермское Общество слепых, достигнуто благодаря многолетним усилиям Александра Патоки: дома культуры, клубы, красные уголки, кабинеты здоровья, общежития, столовые. Под его руководством был создан целый комплекс, налажена жизнь сотен инвалидов. У него 20 правительственных наград, в мае 1995 года ему присвоили звание «Заслуженный работник социального обеспечения РФ».

Недавно Александр Патока отметил свой 81-й день рождения. Кажется, годы только закалили его характер.

Он поясняет: «Между раввинами существует спор, надо ли эти книги раздавать или надо их продавать. Я говорю, что их надо раздавать. Они говорят: “Почему? Это просто еще одна халява! Мы с этого ничего не получаем, никто нам ничего взамен не дает!” Я говорю: нет, если мы говорим о стратегии, если мы говорим о том, что такое быть евреем по еврейскому закону, то, чтобы понимать это, нужна информация. Он же не жил нашей жизнью, когда нельзя входить в дом, если там нет мезузы и нет Торы... А для того, чтобы он это понимал, ему нужны книги. Если я буду думать только о сегодняшнем дне, то пускай он их покупает – и до свиданья! А если я думаю о завтрашнем дне, я возьму человека, который вчера приходил ко мне и взял книги, и приведу его к нам. И он придет, потому что ему дали бесплатно. Даже если он не придет, то эти книги увидят его дети, и они когда-нибудь их откроют. Возьмем какого-нибудь мальчика. Он думает: что значит быть евреем? А дома у него нет книг, несмотря на то что его родители чистокровные евреи. И мы даем таким семьям возможность узнать это, раздавая книги».

Конечно, раввин Залман Дайч прежде всего думает о духовной жизни своих «подопечных»: «Еврейская жизнь – это прежде всего религиозная жизнь, – говорит он. – Самое главное, чтобы люди приняли это, соблюдали традиции». Но плох тот раввин, который думает лишь о молитве, забывая о жизни светской, о житейских проблемах – и стариков, и людей зрелых, и молодежи. Простой пример: за мацой, виноградным соком, книгами практически нет очереди. Процедура занимает минут пять. Ноу-хау пермского раввина состоит в том, что каждый из членов общины приходит в день и час, который указан в приглашении, заранее отправленном по почте.

Рав Залман считает, что главный «объект инвестиций» – это дети. Поэтому самое главное для него – школа и детский сад: «Это 95 процентов нашей работы, а всё остальное – лишь 5 процентов. Потому что дети – это наше будущее, они являются костяком нашей будущей общины. Сейчас они ходят в нашу школу и детский сад, но потом будут занимать уже другое место в общине, и уже их дети будут ходить в эту школу и детский сад». И школа, и садик – на плечах ребецн Сары. Пермский раввин признается, что на ней лежит вся текущая работа: «Учителя, директор, организация учебного процесса – всё это на ней, я решаю только финансовые вопросы».

Ребецн Сара дополняет сказанное мужем: «Прежде всего работаем в направлении развития детей. Кроме учебы для нас очень важно, чтобы была еврейская атмосфера. Чтобы ребята чувствовали, что их детский садик – это еврейский детский садик, что их школа – это еврейская школа. Чтоб они чувствовали, что они евреи, это их национальность, ее надо уважать и всё о ней знать. Люди часто спрашивают: сколько людей было у вас на празднике, сколько детей в школе? Я им говорю, что для нас самое главное не количество, а качество. Первый год, когда мы приехали сюда, у нас не было школы, и мы открыли клуб типа воскресной школы. Мы собирались по понедельникам и средам. К нам приходили всего семь девочек. Мы изучали еврейские традиции, учили их зажигать свечи в пятницу. А потом они нам рассказывали, как они это делали. И тогда я подумала, что если хотя бы одна девочка зажигала свечи на Шабос, то это уже очень много! Конечно, нам надо еще много работать, но всё равно качество остается главным. Для нас, приехавших из Израиля, здесь очень тяжело – и местный менталитет, и всё для нас новое, у нас здесь никого нет. Но Залман сказал, что нас послал сюда Любавичский Ребе, у нас есть цель, есть идеал, и поэтому мы работаем. Работаем уже четыре года, но мы пока что лишь в самом начале пути».

Это хорошо понимает раввин Прикамья. Он обладает весьма ценными качествами – умением видеть перспективу и разрабатывать стратегию. Рассуждает рав Залман так: «Возникает вопрос, какая перспектива еврейской жизни в России? Об этом надо думать, потому что это дает нам стратегию, как работать дальше. Нельзя создавать еврейскую жизнь там, где нет евреев, – это только фантазии. К примеру, в США 100 лет назад почти не было общин, а сегодня их там очень много. Я был в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Чикаго, где много евреев и можно ощущать себя, как в Израиле. Самые большие религиозные поселения находятся именно в Нью-Йорке. То же самое наблюдается в Аргентине. Я считаю, что и в России можно наладить нормальную еврейскую жизнь. Уже 15 лет в России нет коммунизма. И если через 10 лет вы приедете сюда, то увидите настоящую еврейскую жизнь. Ее качество будет таким же, как в Москве, только мы не будем строить такой большой центр, потому что здесь нет такого количества евреев. Я думаю, что здесь есть перспектива, и этим я себя успокаиваю. А когда я думаю, что здесь нет никакой перспективы, то сразу вспоминаю, что меня сюда послал Любавичский Ребе и поэтому я тут. И я должен видеть перспективу! Если есть человек, понимающий эти проблемы, то к нему придут и остальные».

Раввин Дайч, несмотря на свою молодость, в Перми приобрел несомненный авторитет. Причем как среди людей пожилых, так и среди молодежи. 10-летняя дочь одной из мам, Татьяны Изойтко, о своих планах по созданию семьи сообщила следующее: «Замуж пойду только за раввина...» Так что рав Залман,

видимо, не только талантливый организатор учебы и досуга подрастающего поколения, но еще и кумир пермской молодежи.

А еще у рава Залмана много новых мыслей, проектов, планов. В пермском общинном центре одна из женщин мне сказала: «Наш раввин фонтанирует идеями». Потому что он уверен: всё еще только начинается.

È. Èàð'áí èí

получает награду: «После этих слов я стал ходить в синагогу, начал молиться, целый месяц читал кадиш. Тогда же я начал соблюдать Шабос и кашрус. А когда вернулся в Пермь, стало ясно, что жизнь изменилась. Я увидел людей, которые учились, умели читать Тору, и пришел к этим людям. Я понял, что могу жить религиозной жизнью и здесь, в Перми». Тогда Борух стал регулярно ходить в синагогу, помогать общине, изучать еврейскую религиозную философию, здесь же он познакомился со своей будущей женой. Сейчас у них пятеро детей.

Летом 2001 года приехал р. Залман Дайч. До этого у Боруха был небольшой, но успешный бизнес, однако он решил его свернуть: «Я познакомился с Залманом, и началась настоящая работа. Мы поначалу сомневались в его планах, но Залман был настолько уверен в своей правоте, что мы стали работать вместе». В 2003 году в Москве открылся колель – учебное заведение для семейных евреев. К тому времени у Боруха уже было трое детей, но жена его отпустила. Два года он проучился в Марьиной роще.

«Когда я окончил учебу, рав Залман сказал, что у меня есть большой потенциал и я должен работать в полную силу. С Пейсаха 2004 года я стал ездить в Березняки, – рассказывает Борух Кабановский. – К тому времени там уже были зачатки общины, очень много делал ее председатель Залман Михайлович Мордкович. Ему 84 года, но он очень инициативный, потомок кантонистов. Он был бы представителем последнего поколения, которое проживало в Березняках: если бы царь-батюшка остался, то его выгнали бы обратно в Белоруссию».

Когда Борух приехал в Березняки, тамошние евреи боялись прийти и записаться в общину: «Вообще всего очень боялись, очень большой был страх, хотя РНЕ там нет. Одно время, правда, был человек, который хотел создать имидж таким путем». Тогда власти (с помощью евреев, конечно) поняли, что с ним надо бороться. Этому человеку предложили выбор: либо он будет более умеренным, либо сядет в тюрьму. И вдруг он из «коричневых» стал чуть ли не «зеленым»: «Почувствовал, что на этом тоже можно сделать бизнес, и все его ребята “рассосались” либо тоже стали “зелеными”: без денег всё это быстро закончилось, – объясняет Борух. – Так что у нас всё спокойно. А что касается бытового уровня, то неужели кто-то из евреев думает, что его соседи не знают, кто он такой? Абрам Исаакович или Сара Наумовна никак не сойдут за русских. Бытовой антисемитизм будет существовать независимо от того, борется с ним государство или нет».

К тому времени, когда Борух уже полгода ездил в Березняки, подошло время Хануки. И родилась идея поставить в городе ханукию: «Сначала местные евреи говорили нам, что ханукию всё равно сломают. А если мы ее поставим на центральной площади, то будет что-то ужасное – погромы начнутся и всё, что за этим следует. Я говорю: ничего не будет, главное – не надо бояться. Мы хотим ее поставить, и мы ее поставим. Наверное, просто Б-г нам помог. Залман Мордкович договорился на заводе, и мы за неделю поставили прекрасную пятиметровую ханукию – в России, наверное, это одна из лучших. Зажигали свечи, была заместитель мэра по культуре, и мэр тоже пришел к нам на праздник. Мы говорим ему, что хотим детский сад открыть, а он нам: “Да когда же вы, наконец, его откроете! Давайте быстро выбирайте помещение, и будем работать!” Потом сделали немножко лехаим, и мэр сидел с нами до конца праздника».

«Когда праздник подходил к концу, – продолжает Борух свой рассказ, – уже спели и станцевали у ханукии, приезжает березняковское телевидение. И говорят: “Вы, пожалуйста, еще станцуйте, а то мы не успели снять”. И тут эти люди, которые раньше говорили, что ни в коем случае не надо ставить ханукию, начинают плясать, радостные и веселые, перед камерой. Потом в течение двух дней это показывали по березняковскому телевидению. А они смотрели и удивлялись, что их показывают. Я им говорю: “И чего вы боялись?” А председатель сказал, что всё-таки кто-то один раз туда (в ханукию) лазил. Председатель пришел и увидел, что замочек был аккуратненько снят и висел... Он подумал, что там всё испортили, а оказалось, что кто-то просто залез и включил эти лампочки. Им было интересно, почему горят не все...»

С Борухом очень интересно беседовать. И говорить с ним можно бесконечно, на любые темы. Он любит порассуждать: «Почему “Джойнт” меняет свою политику в России? Потому что идея помогать одним старикам не срабатывает. Нет связи поколений! Да, старики ходят, о них заботятся, но связи с молодым поколением нет. Открыть школу в России очень тяжело. Я помню, когда Залман ее открывал, это был тихий ужас. Столько всяких препон, столько административных барьеров. Я сам удивился, сколько надо убеждать людей, что следует учиться в еврейской школе. Ведь они всё равно еще напуганы, хотя здесь, в Перми, ситуация более-менее... Но Залман приехал и открыл! И есть школа, она работает, есть ученики. Мне говорят: “В Хабаде всё так хорошо, потому что там есть деньги!” Но деньги у евреев всегда есть, просто их можно потратить по-разному. Можно ничего не делать, а можно сделать школу. Это большая головная боль, но есть результат».

Борух всегда очень спокоен, говорит тихо. Он прекрасный рассказчик, с отличной памятью и тонким юмором. «Недавно я был в Израиле. Иду на самолет, меня останавливает какой-то хасид. Спрашивает: “Ты откуда?” Я отвечаю: “Из России, лечу в Москву”. – “А там есть хоть немного евреев?” “Там евреев чуть-чуть меньше, чем в Иерусалиме”, – ответил я. “А они говорят, что они евреи?” – спросил он. “Не все американские евреи говорят, что они евреи, – говорю я. – Хотя в России евреем вроде даже стало престижно быть, особенно в бизнесе. Потому что про евреев много говорят, что они хитрые, но еще никто ни разу не сказал, что евреи дураки”».

Борух вздыхает. «Всё равно, чтобы работать в России, героизм всё-таки нужен. Но я думаю, что, если через два-три года вы приедете к нам в Березняки, у нас тоже будет и школа, и детский садик, как в Перми!»

È. Èàðìáí èí

Áíò ÷òí íáíèíèà í Áíðóá Èáááííáíèíì íáíà èç ó-áíèö øèíèù «Íð Ááíáð - Õáááá» Íðá Çóðááýí:

«Áíáðíá ááçà, óéúáèà íá èèóá í ááèáíáý, ðáçí áðáííáý ðá-ù ááíèíðííðííá æáèáíèá íáí ááèáííí ìðèèðè íá ííí íùù, í óáðíè ìááò, áéúáíèèá ííçíáíèý á Áèíóá è óáíèáèçí á ìòðáí èáíèá ìðèáèèçèðíí èáæáíá ááðáý è Õíðá - áíð íí, íáø ó-èðáèù, ííí íùíèè ðáááèíá, íðáð ìýðáðíð ááðáè, óáíèáèøá ÷áèíáè, á èííáá è ìðííðí ìðèýðíúè ìáááíáíèè, ìèíáíì, ðáá Áíðóá Èáááííáíèè... Í í ìáí áý áááíáý áá çáíèóá ìííðíèò á òíí, ÷òí íí ííááò í-áíú òíðíøèè ìðèí áð íáèèí í áèù-èèáí. Áááííí òáè æá èáè è ííè, ðíáèèíý è áíðíí á çáíí æááííí òðáèíèíí áíðíáá è áúè ááèáè íð çáííááááè. Í í íí ì íá Çíá-èò, ì íáò è òá èòí ì Á-æúèè ííí íùùþ ííèáò çá íèí. Áíðóó - íá èíèæíúè ìðèí áð, á íáíòíýúèè óáíèá, èíðíðíè æéááò ðýáíí ìíáí è».

Ἰ Ο Οὐ Ἐ Αἶ Δ Β Ο Α Δ Ι Α Α Ν Η Ι Α Ι

*Ἀεἰ ἵππὸς ὀδῶν ἔστιν ὁ δῶν ἄνθρωπος ὁ δῶν ἄνθρωπος (ἂ ἂ ἰάααἰαἰ ἰδῶεἰἰ ἀνὰ ἔ
ἀεῶν ὀδῶν) Ἰ ἀπὸ πῆλῶν ὀαῶν ἔσῃ ἰοῶ ἂ πῆλῶ ἀπὸ ἡ ἀπῶεἰἰ: «Ὀαἰ ἔεῃ ὁ ὀαῃ ὀαῖαἰἰἰἰἰ.
Ἰα-εὸ, ἔ ἰοῶ ὀαῖ ἰοῶ ὀαῖἰἰἰἰἰ». Ἐἂ ἂ ἀπῶ ἀπῶἰἰ. Ἐ ἂ ἔπῶἰἰἰἰἰ, ἔ ἂ ὀεῖἰἰἰ Ἐπῶ
Ἰ ἔπῶἰἰἰἰἰ ὀ ὀαῖ ἰδῶεἰἰἰ ἰδῶεἰἰἰ ἰδῶεἰἰἰ ἰδῶεἰἰἰ, ἰἰ ἰ-ἰἰἰ ἔ ἰ ὀαῖἰἰἰἰἰἰ. Ἰ ἰἰἰἰἰ ἰἰ ἔ ἰ
ἰἰἰ ἰ ἰἰἰ ἂ ἰ ἰ ὀεῖἰἰἰἰἰἰ «Ἐ-εἰ ἔπῶ ἰἰἰἰἰ», ἂ ὀαῖἰἰ «Ὀαῖ ὀἰἰἰἰἰἰ ἔεῖἰ ὀἰἰἰἰἰ».*

Игорь Тернавский говорит, что никогда не скрывал того, что он еврей: «Много за это получал, но не только за это. Я вообще диссидент и вообще из диссидентов». В 1986 году его спас «Союзгосцирк», помогли такие люди, как Юрий Никулин, Игорь Кио, – Тернавского «плавно перевели». Он шутит: как дворян ссылали на Северный Кавказ, его сослали в Краснодар. Там он проработал шесть лет. «Много жизнь покидала, – рассказывает он. – И на эстраде, и в театре, и 17 лет цирку отдал. К концу жизни я здесь, в Театре кукол, вот уже 10 лет. Я изъездил полстраны и могу сказать: Пермь – земля особая, терпимая, народ у нас в основном понимает друг друга, к какой бы нации ни принадлежал. Это моя земля. Я благоговейно отношусь к земле предков, но я остаюсь жить здесь, это мое место до последних дней».

Действительно, путь у Игоря Нисоновича оказался нелегким, но в конечном итоге многое удалось сделать. Есть театр Тернавского, который знают и любят, есть любимый ученик, Борис Мильграм, который недавно стал главным режиссером Пермского драматического театра. «Театр Тернавского, хороший или плохой, – это мой театр, я за него отвечаю, я его должен сделать таким, каким я его вижу», – рассуждает он.

Игорь Тернавский считает, что ему очень повезло и с родителями, и с дедами: «Отец – необыкновенной силы человек. Он был управляющим областным мясотрестом. 1952 год – а дед ходит по городу и всем доказывает, что синагогу “надо отдать”... Пару раз я видел, как он приходил с разбитым носом. Этот дед был глубоко верующим и в то же время необыкновенного юмора человеком».

«У меня деда как бы два, – продолжает Тернавский. – Был еще один, родной брат моего деда, Яков Виткин, Зарубавел^[1]. Этот человек – сподвижник Бен-Гуриона, один из виднейших политических деятелей и писателей Израиля. В 1959-м он приезжал сюда, но мы об этом не знали. Мама с ним тайно встречалась в Киеве. Он предлагал уехать, говорил, что всё для нас сделает. Мама сказала тогда, что мы никуда не поедem. Мы были так воспитаны».

Его путь к иудаизму сложный, но последовательный. Тернавский много помогает общине Перми, предоставляет помещения театра для еврейских праздников, комнаты для занятий и, естественно, сам в них участвует: «Я рад, что могу давать возможность евреям собираться. Я хозяин в этом театре. Хотя пришел в сарай...»

В 57 лет Игорь Тернавский прошел брис-милу и взял себе еврейское имя Моше – в честь деда. «Я сделал обрезание. Я вдруг понял, что после 50 лет должен прийти к своим предкам. Не могу сказать, что я сегодня глубоко верующий человек. Для меня этот процесс долгий, я только прихожу к Б-гу. Но сегодня я могу сказать, что я окончательно верующий человек».

Недавно в Театре кукол состоялась премьера спектакля «Колобок». Для Игоря Тернавского, как он признается, это был очень тяжелый момент – одновременно и премьера спектакля, и праздник Пурим. Он был очень загружен репетициями, при этом надо было выделить несколько дней для того, чтобы провести в театре праздничные торжества. «И тогда рав Залман сказал мне: “Б-г с нами, Он поможет, и у нас будет всё хорошо!”»

Игорь Нисонович сожалеет, что не знает языка: «Только одна страна была такая, где родители разговаривали на языке своих предков, чтобы дети не понимали, о чем они говорят». А тогда, перед премьерой, он помолился своей молитвой. «И у меня прошло всё не просто хорошо, а блестяще. И спектакль взбудоражил весь город – у меня сейчас нет билетов на “Колобок”! И я сказал: “Г-споди, прости меня за то, что я смог даже усомниться...” И теперь я понимаю, что всё, что мы делаем, – это всё с Его помощью. Теперь для меня это несомненно».

Игорь Тернавский заканчивает свой рассказ: «Да, забыл сказать! Еще я изменил русскую народную сказку. Мы оставили Колобка живым. Я думал, что меня побьют. Не побили. Дети пищат от восторга...»

^[1] *Beia Aeoei (A. Zardavil; 1886-1976). Aei ue ayo aeu neni eno neta aae aiey, im fao aui adoe «I aiee Neii» («Davaueay Neii»), - eai u ei o dre aiaaeioe eap idai e- aiea aaei no aa fao- iia moeaeeci a e neni a I ie n-eo aee, -oi i aini aia i adiaaeai ea aadai a Yoa Endye yaeyo nly moeaeui ie caei i i ad i no up, eai o i euei oai aade m fao i i no dre ou fau a o ai, im faai i ia ia m daae e a io o dui a io i oi i oai eyo. A 1917 aao - eai i adai i dae o aeu no aa i aca e nei ie*

*Áæíðúñé. Í æí eç íñ íáààææ ãññáðñò àà Èçðæeü Ðááæò íð-ññò áæò æü éí eã «Ááðæñò áí
Íæáñò eí ú - íaðíááí ÑÑÑÐ» í ïí ïùè Ñíáàðñéí í óÑíþçú íðáí eçíááí ííé «Ëeãé V», eí ò íðáý áúeà
ññááí à á Èaðóñæèí á á 1943 áñáó*

Î ÀÇÈ ÒÎÂ!

Âîðîãþ ñîñòó Õðáéäéí ó Áýëéó ïîçäðàäëýþ ñ
75-äàòèàì! Æäëàþ çàìðîäîý, ðààìñòè, èþáäè
áëèçèè, æèòüàì 120 äàò è áóòüà 120 äèè à 20!

Õðáéäéí à Áëáí à

Î àøèõ äîðîäèõ è èþáèìó Ááííàäëý
Ááðàì íàè÷à Èóéíàñéíà è Èáííèäà Ñèì òíàè÷à Áëóçà
ïîçäðàäëýàì ñ áíàì ðíæäáíý. Æäëààì çàìðîäîý,
ñ-àñòüý, äîäèèõ äàò æèçíè.

Áäðàè Èóðñèà

Áðóçüý, èíèèäè è ó-áíèèè ïîçäðàäëýþò
îñííàòàèý è ñíðààñíàòàèý ðíñèéñéíà òáíòðà
«Õéíèèñò» Èëþ Áëáñíàíäðîäè÷à Áëüòì àì à ñ 50-
äàòèàì. Îðîäèñíèíàèüíé èñòèðèè-àððèèèò
Èëý Áëüòì àì ñòàè íàíè èç ïàðàíòèðèàòàèè
òðàäèèè àäðàà à ñáó Áäèèéèé Îò-àñòàííèé
áíéíó, àòòèðè ïíèèàñòàà íàó-íóò ïóéèèàòèè,
çàì à-àòàèüííè èàèòèðè è ïðèçíáííè
ìæäóíàððèííè àòòèðèòàòè. Æäëààì þàèýðó
ñíàðçàìðîäîý è ïííà ÿðèè òáð-àñèè
îèðèèè!

НАШИ АВГУСТОВСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

1 АВГУСТА

40 éàò ìí áíŷ ðíæááíéŷ режиссера, поставившего фильмы «Красота по-американски» («Оскар» за лучшую режиссерскую работу и лучший фильм 2000 года), «Проклятый путь» и др. **Сэма Мендеса** (Mendes; р. 1965, Ридинг, Великобритания).

120 éàò ìí áíŷ ðíæááíéŷ радиохимика, члена Лондонского королевского общества, Шведской и Геттингенской АН, профессора Будапештского, Фрейбургского и Гентского университетов, предложившего (совм. с Ф. Панетом) метод изотопных индикаторов, открывшего (совм. с Д. Костером) методы изотопного разбавления и нейтронного активационного анализа, лауреата Нобелевской премии по химии 1943 года **Дьёрдя (Георга) Хевеши** (Hevesy; 1885, Будапешт – 1966, Фрейбург).

2 АВГУСТА

60 éàò ìí áíŷ ðíæááíéŷ кавалера «Медали Славы» (высшей воинской награды США) **Джека Джекобса** (Jacobs; р. 1945, Нью-Йорк).

4 АВГУСТА

65 éàò ìí áíŷ ìí áðòè революционного деятеля, одного из лидеров партии эсеров, организовавшего и возглавившего после Октябрьской революции «Комитет спасения родины и революции», боровшийся с советской властью, **Абрама Рафаиловича Гоца** (1882, Москва – 1940, Нижний Иргаш Красноярского края).

5 АВГУСТА

110 éàò ìí áíŷ ðíæááíéŷ кавалера «Медали Славы» (высшей воинской награды США) **Уильяма Савельсона** (Sawelson; 1895, Ньюарк – 1918, погиб возле ущелья Гранд Пре, Франция).

10 АВГУСТА

*65 éàò ìí àíŷ ðíæááíéŷ*актера, сыгравшего в спектаклях «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго» и др., фильмах «Ловушка для одинокого мужчины», «Ключ», «Д'Артаньян и три мушкетера» и др., **Вениамина Борисовича Смехова** (р. 1940, Москва).

11 АВГУСТА

100 éàò ìí àíŷ ðíæááíéŷ биохимика, члена Национальной АН США, профессора Колумбийского университета, автора работ в области химического состава и структуры нуклеиновых кислот, лауреата Национальной научной медали США **Эрвина Чаргаффа** (Chargaff; 1905, Черновицы, Австрия – 2002, Нью-Йорк).

12 АВГУСТА

75 лет со дня рождения финансиста, филантропа и социального мыслителя, создателя благотворительного фонда «Открытое общество» **Джорджа Сороса** (Soros; р. 1930, Будапешт).

14 АВГУСТА

190 éàò ìí àíŷ ìí áððè (9 ава) общественного деятеля, одного из родоначальников хасидизма, автора трудов «Диврей Эмес» («Речения истины»), «Зойс зикорон» («На память») и др. **рабби Якова-Ицхока Гуревича** (Люблинский Провидец, *החודזה מלובלין*; 1745; Шбаршин, Польша – 1815, Люблин).

140 éàò ìí àíŷ ðíæááíéŷ математика, президента Национальной академии деи Линчеи в Риме, члена Парижской АН, профессора Римского университета, автора работ в области алгебраической геометрии **Гвидо Каstellьнуово** (Castelnuovo; 1865, Венеция – 1952, Рим).

16 АВГУСТА

160 ёаò ì ã äý ðæääéý физика, президента Парижской АН, иностранного члена-корреспондента Петербургской АН и РАН, члена Лондонского королевского общества, профессора Парижского университета, разработавшего метод цветной фотографии, основанный на интерференции света, метод интегральной фотографии,

лауреата Нобелевской премии по физике 1908 года, кавалера ордена Почетного легиона **Габриеля Липмана** (Lippmann; 1845, Холлерих, Люксембург – 1921, умер во время морской экспедиции на пути из Канады во Францию).

18 АВГУСТА

120 ёаò ì ã äý ì äðé (13 ава) финансиста, общественного деятеля и филантропа, первого члена Лондонского королевского общества еврейского происхождения, основателя первого в Англии общества по страхованию жизни и первой в Европе компании по освещению улиц газовыми фонарями, лидера еврейской общины Англии **Мозеса (Моше) Монтефиоре** (Montefiore; 1784, Ливорно – 1885, Рамсгейт, Великобритания).

21 АВГУСТА

70 ёаò ì ã äý ðæääéý поэта, автора песен «Лесной олень», «Вжик-вжик, кто на новенького?», «Крылатые качели», «Прекрасное далёко», «Антошка», «Чунга-Чанга», «Расскажи, Снегурочка, где была...», «Я – Водяной», «Кабы не было зимы», песен к кинофильмам «Приключения Буратино», «Незнайка с нашего двора», мультфильму «Бременские музыканты» и др. **Юрия Сергеевича Энтина** (р. 1935, Москва).

22 АВГУСТА

90 лет со дня рождения психолога, историка науки, почетного члена РАО, создателя и руководителя кафедры психологии Таджикского университета, сектора психологии научного творчества Института истории естествознания и техники АН СССР, автора работ в области истории и теории психологии, науковедения, психологии творчества **Михаила Григорьевича Ярошевского** (1915, Херсон – 2001, Москва).

24 АВГУСТА

90 лет со дня рождения физика, академика АН Узбекской ССР, создателя ташкентской школы физики и электроники твердых тел, одного из основоположников оптоэлектроники и диэлектрической электроники **Эммануила Ильича Адировича** (1915, Мелитополь – 1973, Ташкент).

110 ёàò ìì äìŸ ðìæääìèŸ химика, члена Национальной АН США, профессора Чикагского университета, автора работ в области химии свободных радикалов **Морриса Зелига Караша** (Kharasch; 1895, Кременец Волынской губ. – 1957, Чикаго).

25 АВГУСТА

90 ёàò ìì äìŸ ðìæääìèŸ невролога, члена Национальной АН США, профессора Пенсильванского и Гарвардского университетов, автора работ в области биологической психиатрии **Сеймура Соломона Кети** (Kety; 1915, Филадельфия – 2000, Бостон).

105 ёàò ìì äìŸ ðìæääìèŸ биохимика, члена Лондонского королевского общества и Национальной АН США, профессора Оксфордского и Шеффилдского университетов, автора работ в области обмена углеводов, лауреата Нобелевской премии по медицине 1953 года **Ханса Адольфа Кребса** (Krebs; 1900, Хильдесхайм, Германия – 1981, Оксфорд).

26 АВГУСТА

85 ёàò ìì äìŸ ðìæääìèŸ Героя Советского Союза **Семена Борисовича Дризовского** (р. 1920, Невель).

28 АВГУСТА

40 éàò ìí àíÿ ìí àððè физика, члена АН Израиля и Американской академии искусств и наук, профессора Пизанского университета, ректора Еврейского университета в Иерусалиме, автора работ в области атомной спектроскопии, лауреата Государственной премии Израиля **Йоэля (Джулио) Раккаха** (Racah; 1909 – 1965, Флоренция).

100 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ химика, профессора Московского текстильного института, разработавшего методы синтеза функционализированных производных целлюлозы и (совм. с И. Л. Кнулянцем) метод получения капрона, создавшего новые типы целлюлозных и синтетических волокон, лауреата трех Государственных премий СССР **Захара Александровича Роговина** (1905, Могилев – 1981, Москва).

29 АВГУСТА

95 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ архитектора, народного архитектора СССР, действительного члена АХ СССР, профессора Московского архитектурного института, директора Центрального НИИ экспериментального проектирования жилища, автора работ в области массового жилищного строительства (планировка и застройка жилого района Тропарево в Москве, новой части Тольятти, генеральный план застройки Набережных Челнов и др.), лауреата Государственной премии СССР **Бориса Рафаиловича Рубаненко** (1910, Самара – 1985, Москва).

ВЕЛИКИЙ ВИНОГРАДАРЬ

«Если скажут народы мира Израилю: “Разбойники вы, захватившие земли семи народов”, то <сыны Израиля> скажут им: “Вся земля принадлежит Святому, Благословен Он. Он сотворил ее и дал ее тому, кому Ему угодно. По воле Своей Он дал ее им, по воле Своей Он отнял у них и дал ее нам”».

Актуальный Б-гословский комментарий к актуальным политическим событиям.

Однако написан он почти тысячу лет назад, во времена Первого крестового похода, когда спор о Святой земле шел между мусульманами и христианами, а евреи вообще не были игроками на политической сцене. Поход христианских рыцарей сопровождался массовыми еврейскими погромами, немногочисленное еврейское население Иерусалима при взятии его рыцарями было полностью уничтожено.

А между тем на севере Франции жил человек, глаза которого видели сквозь весь этот кошмар почти на тысячу лет вперед. Видели с поразительной ясностью.

Впервые слово «Раши» я услышал, точнее, прочел мальчишкой – у Бабеля. «Конармия» тогда только что вышла, это было большое литературное, культурное, а отчасти и политическое событие. Война катится через еврейские местечки, поляки грабят и убивают, красные грабят и убивают. Времена, напоминающие Первый крестовый поход. Бабель видит евреев местечек глазами своего-чужого. Евреи читают комментарии Раши и Маймонида. Между тем мир рушится. Смерть бродит по улицам.

До осуществления пророчества Раши оставалось рукой подать. Но эти близкие времена не видны были за стеной ужаса.

Я не знал тогда, кто такие Раши и Маймонид, не знал, что это за комментарии, и ориентировался по доступному мне контексту: евреи живут в позавчерашнем, неадекватном, иллюзорном мире, вся их жалкая ненужная ученость – прах перед молодой варварской силой, за которой будущее.

Бабелевские евреи процитированный мной комментарий Раши, конечно, знали, и Бабель, надо полагать, тоже знал. Его знали все, получившие хотя бы азы еврейского образования (Бабель получил). Еврейский комментарий иерархичен. Раши давал его нижний слой – «простой» комментарий, сосредотачиваясь часто на грамматике. Я беру слово «простой» в кавычки, поскольку это термин – «пшат». «Простой» в данном случае значит не «упрощенный», а относящийся к буквальному смыслу сказанного. Он

Как нельзя представить Москву без Кремля, так нельзя представить любимый мной журнал «Лехаим» без «Павла Савловича». Кремль – это история российской власти. Рубрика «Павел Савлович» – это история русской литературы. Но, вообще-то, у литературы и власти разные истоки. Поэтому Лев Толстой немислим как английский писатель. А Ги де Мопассан – как русский... И на каком бы языке ни писал, скажем, Шолом-Алейхем, любой умный читатель ощутит его этническое происхождение. И слава Б-гу! Мы все родом из детства, и если мама пела нам колыбельные песни на маме-лошн, то кем бы мы ни выросли, извозчиками или стихотворцами, наш язык, наше мышление, наше творчество будут окрашены в национальные тона. Таков Б-жественный замысел. Замысел, имеющий целью сохранить все цвета радуги.

Национальность – не преимущество, а судьба. При чтении Павла Савловича (убираю кавычки, хотя имя автора стоит под названием статьи) создается впечатление, что его эрудиция приобреталась в некоем иррациональном пространстве, где отсутствует земной национальный колорит и не присутствуют Б-г и Высшая Его драматургия, интрига Творения. Читая эти страницы с бесчисленными цитатами, повисаешь в воздухе, будто со скалы сорвался и никак не можешь благополучно приземлиться, вкусить суть, понять, зачем это всё.

В шестом номере за нынешний год Павел Савлович заговорил о «двух нациях в каждой нации». Он начал со слов Ленина, писавшего о наличии двух национальных культур в каждой национальной культуре. «Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, есть великорусская культура Чернышевского и Плеханова...» Вооружившись цитатой из статьи вождя мирового пролетариата, Павел Савлович уверенно заявляет: «...Применительно к нашей стране речь может – и должна идти – о совершенно других “двух нациях”». Далее автор приводит длинный список имен палачей и великомучеников, либералов и экстремистов, провокаторов и святых, которые в конечном счете стали стрелять друг в друга...

Из всего сказанного следует вывод: «Столкновение именно вот этих “двух наций”, а не “красных” и “белых” рассматривает и показывает нам Бабель. И именно в этом прежде всего проявилось то, что он – русский писатель».

Меня сей искрометный пассаж не убедил! Павел Савлович как бы стремится отлучить Исаака Бабея от Одессы и знаменитых «Одесских рассказов», которые принесли ему мировое признание. Не «две нации», а именно евреи Одессы стали подлинными героями замечательного Бабея. В писательской судьбе которого главную роль сыграла его мать, его Одесса, его еврейское происхождение.

Соображения Ленина о «двух нациях» – это прежде всего одна из граней его постоянного богоборчества. И смею заметить, что произведенный им октябрьский переворот, что созданный им СССР были обречены на гибель с самого начала, ибо любое творчество – политическое, если можно так выразиться, или литературное – имеет будущее только в том случае, если оно согласуется с Б-жественной волей. И уж если Павлу Савловичу так хочется убедить нас в наличии «двух наций», то не следует называть такое множество малопочтенных имен. Достаточно сказать короче и проще:

– В мире есть две нации. Нация Б-га и нация безбожников.

Все прочие изыски политических спекулянтов и литературных критиков только уведут нас от истоков. Ибо вначале было Слово. И Слово это – от Г-спода.

Б-г благословил появление Исаака Бабея с определенной целью. Его появление именно в Одессе не случайно. И его фантазия, и его неповторимый стиль, и его философия выразились прежде всего в описании быта окружавших его в родных местах людей. И если Бабель счел возможным «удалиться» от своих корней, уйти в иную реальность, то это не обогатило его творческую индивидуальность.

В заключение приведу цитату одного нашего современника:

«Гений – это человек, который осознаёт ответственность перед Б-гом за дарованные таланты...
Смысл жизни в единении с Творцом. В понимании всей прелести замысла, в оправдании каждого Его
движения в отношении тебя, в том, чтобы научиться не жалеть себя, а хвалить Его».

Литературная эрудиция и прочие таланты, которыми одарен Павел Савлович, тоже бесплодны
вне единения с Творцом.

Ė. Ėġġġġ

Ʀ ġġ ġġġ, Ėġġġġġ

